

798
158

Б. Л. ТАГЪЕВЪ.
(Рустамъ Бекъ).

На Востокъ.

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ЖИЗНИ НА ДАЛЕКИХЪ
ОКРАИНАХЪ АЗИИ.

ВАРШАВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ГУБЕРНСКАГО ПРАВЛЕНІЯ.

Медовая № 20.

1902.

Дозволено Цензурою.
Варшава, 2 Апрелья 1902 года.

Посвящается СЕРГЬЮ СЕРГЬЕВИЧУ ГОЛОВИНУ.

от

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Выпуская въ свѣтъ настоящую книгу, мы задались цѣлью дать нашимъ читателямъ нѣсколько бытовыхъ очерковъ и разсказовъ изъ жизни на нашихъ далекихъ окраинахъ Азіи, принадлежащихъ перу Б. Л. Тагѣева, участника Памирскихъ походовъ и много путешествовавшего по горамъ и долинамъ Туркестана.

Настоящіе очерки уже потому интересны, что взяты авторомъ съ натуры и основаны на его личныхъ наблюденіяхъ. Нѣкоторые изъ нихъ уже появлялись въ періодической печати и были отмѣчены различными органами нашей прессы, какъ носящіе на себѣ правду дѣйствительной жизни, рисующіе тяжелый бытъ туземца и пр изволь, царившій среди мѣстныхъ администраторовъ.

Издатель.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стран.</i>
Докторша (разсказъ)	3
Не судьба (изъ Алайскаго похода)	23
Мать (разсказъ)	41
Юнуска арбакешъ (очеркъ изъ жизни туркестанскаго из- возчика)	71
Юсуфъ керекешъ (очеркъ изъ Памирскаго похода 1892 г.).	89
Царица Алая (историческій очеркъ)	103
Охота на кінка (изъ воспоминаній туркестанскаго охотника)	123
Хидояръ-Ханъ, послѣдній ханъ Коканда (историч. очеркъ)	151

ДОКТОРША.

I.

Въ одинъ изъ сѣрыхъ, пасмурныхъ дней ноября мѣсяца тѣсная семья офицеровъ Н-скаго драгунскаго полка собралась въ своемъ полковомъ собраніи. Кажется, здѣсь были всѣ, за исключеніемъ находившихся въ командировкахъ и въ отпуску. На лицахъ, какъ у молодыхъ, такъ и у старыхъ офицеровъ, можно было прочесть какую-то грусть, навѣянную, очевидно, неожиданнымъ печальнымъ событіемъ. Всѣ даже говорили вполголоса, а изъ бильярдной не раздавалось шелканья шаровъ сопровождаемаго обыкновенно прибаутками и смѣхомъ играющихъ.

Въ углу передъ полковымъ образомъ, на поставленномъ складномъ аналоѣ лежали крестъ и евангеліе, а около суетился причетникъ, приготовляя все необходимое для богослуженія.

Вошелъ священникъ, сѣдой, благообразный старикъ съ большимъ наперснымъ крестомъ на груди, который онъ придерживалъ лѣвою растопыренною ладонью, отвѣшивая поклоны присутствующимъ. Немного торопливою, но плавною походкой батюшка подошелъ къ аналою

и, расправивъ привычнымъ жестомъ свои волосы, потрянулъ головой и началъ облачаться.

Командиръ полка, маленькій толстый полковникъ съ типичными кавалерійскими усами, звеня шпорами, прошелъ впередъ черезъ толпу офицеровъ и, подойдя къ подполковнику, что-то сказалъ ему вполголоса; тотъ нагнулся къ адъютанту, который, почтительно выслушавъ распоряженіе начальника, придерживая шашку, на цыпочкахъ подошелъ къ стоявшему у окна солдату, передалъ ему приказаніе и вслѣдъ затѣмъ вернулся на мѣсто.

Стали разносить свѣчи, и священникъ началъ панихиду.

Не разъ по суровому лицу командира протекала слеза, не разъ многіе изъ присутствующихъ смахивали наvertывавшіяся слезы, не разъ слышались тяжелые вздохи изъ этой толпы молодыхъ и старыхъ воиновъ, одинаково чувствующихъ преждевременную утрату лучшаго изъ своей среды. Командиръ полка, низко опустивъ голову, стоялъ, погруженный въ тяжелыя думы; онъ не молился. Онъ ужъ давно не молился, присутствуя на обѣдняхъ, молебнахъ и панихидахъ, да и возможно-ли было ему молиться, когда онъ вѣчно былъ отвлеченъ чѣмъ-нибудь постороннимъ: то вдругъ среди самой торжественной части литургіи, какъ на зло, передъ его глазами выростала фигура корнета Барбица, всегда не по формѣ одѣтаго и на этотъ разъ еще съ шашкой безъ темляка; то онъ вдругъ замѣчалъ несоблюденіе его требованій по отношенію къ порядку посѣщенія нижними чинами Божьяго храма и мысленно уже со-

ставлялъ текстъ приказа съ арестованіемъ ротмистра Крокотова, виновника этого нарушенія. Даже во время принятія Св. Таинъ полковникъ не могъ обойтись безъ замѣчанія и не разсердился: всѣ неисправности, какъ на зло, лѣзли ему на глаза и именно въ тѣ минуты, когда онъ, вѣрующій въ душѣ челоуѣкъ, собирался принести искреннюю молитву. Становиться на колѣни для него было также мученіемъ, и когда это являлось необходимымъ, онъ, въ душѣ недовольный подобнымъ обрядомъ, все же опускался на одно колѣно, съ нетерпѣніемъ слѣдя за священникомъ, когда тотъ поднимется, и мысленно осуждалъ его за черезчуръ протяжную службу.

Положимъ, что этому вовсе не было причиной нежеланіе полковника подчиниться церковнымъ порядкамъ, а попросту то обстоятельство, что онъ носилъ очень узкія рейтузы, и, дѣйствительно, при его тучности было весьма мучительно становиться на колѣни. Однако, несмотря на это, полковникъ всегда до пунктуальности выполнялъ всѣ самыя мелочныя требованія церкви и гордился тѣмъ, что подаетъ обществу офицеровъ подобающій примѣръ религіозности.

Теперь онъ также не молился. Передъ его глазами такъ и стоялъ образъ штабсъ-ротмистра Чапликова, покрывшаго славой полкъ рядомъ геройскихъ подвиговъ и безвременно погибшаго на далекихъ окраинахъ Азіи. Полковникъ чувствовалъ себя виноватымъ передъ этимъ офицеромъ, и его преслѣдовало теперь угрызеніе совѣсти за несправедливое отношеніе къ этому честному воину.

Петръ Семеновичъ Красновъ не былъ злымъ человекомъ,—наоборотъ, многіе его считали даже за добряка, но онъ былъ крайне упрямъ и недостаточно образованъ для того, чтобы постигнуть состояніе чужой души, чтобы войти въ положеніе подчиненнаго, нравственно помочь ему совѣтомъ, облегчить его горе и т. п. Вся пресловутая доброта командира сводилась къ разрѣшеніямъ частыхъ отпусковъ, выдачѣ различныхъ суммъ въ пособіе, взглядѣ сквозь пальцы на произволь въ хозяйственномъ отношеніи эскадронныхъ командировъ и къ другимъ мелкимъ поблажкамъ относительно своихъ подчиненныхъ. Но зато, лишь дѣло касалось такъ называемыхъ военныхъ традицій полка, онъ становился такимъ упрямымъ, узкимъ педантомъ, что ни здравый смыслъ, ни какія-либо убѣжденія и доказательства не приводили ни къ чему,—полковникъ тогда дѣлался неумолимымъ. Еще однимъ изъ большихъ мѣстъ командира было строгое соблюденіе установленной формы одежды, и въ этомъ отношеніи онъ былъ необыкновенно требователенъ. Когда-то Красновъ служилъ въ гвардіи, но, потерявъ часть своего состоянія, принужденъ былъ перевестись въ одинъ изъ армейскихъ полковъ, въ которомъ и дослужился до чина полковника и должности полкового командира.

Теперь, подъ заунывные звуки панихиднаго пѣнія, Петръ Семеновичъ погрузился въ размышленіе о минувшемъ. Припомнился ему этотъ молоденькій эстандартъ-юнкеръ, прибывшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ полкъ, его открытое, честное лицо, съ немногимъ выющимися бѣлокурыми волосами, затѣмъ его

дальнѣйшая служба, производство въ офицеры и, наконецъ, то время, съ котораго онъ возненавидѣлъ юношу.

Это было въ одинъ изъ самыхъ прекрасныхъ дней весны, когда вся природа, стряхнувъ съ себя снѣжную пелену, грѣлась подъ ласкавшими ее лучами весенняго солнышка. Петръ Семеновичъ, набросивъ шашку, вышелъ на крыльцо своего дома и, вдыхая полною грудью тончайшій ароматъ благоухающаго воздуха, направился къ дому доктора Насѣкина, у котораго все чаще и чаще началъ бывать съ тѣхъ поръ, какъ миловидная супруга его Марія Станиславовна стала что-то ужъ очень привѣтливо улыбаться при каждомъ его посѣщеніи. Полковникъ былъ холостъ, считался ярымъ поклонникомъ женщинъ и постоянно подпадалъ подъ ихъ полное вліяніе.

Насѣкина произвела на него сильное впечатлѣніе, но онъ долго владѣлъ собою, боясь, чтобы его чувство къ ней не было обнаружено и не сдѣлалось достояніемъ злыхъ языковъ провинціальнаго кумушекъ. Незамѣтно для самого себя онъ влюбился въ молодую докторшу, и та, со свойственнымъ всѣмъ полькамъ неотразимымъ кокетствомъ, кружила голову командиру, заставляя его мало-по-малу забывать о всѣхъ предосторожностяхъ и даже иногда дѣлать цѣлый рядъ безтактностей, дававшихъ немало поводовъ для различныхъ вариантовъ среди мѣстнаго общества.

Полковой врачъ Насѣкинъ мало обращалъ вниманія на ухаживанія командира за его женой: для него ея какъ бы не существовало, и онъ всецѣло былъ преданъ

своей страсти къ водкѣ, запивая иногда на цѣлыя недѣли. Бѣдная докторша находилась въ ужасныхъ условіяхъ: пьяница мужъ, вѣчная нужда въ деньгахъ, отсутствіе возможности развлеченія дѣлали ея жизнь положительно невыносимою, и вотъ она, замѣтивъ пристальные взгляды командира, ухватилась за него. Красновъ ей не нравился, полюбить и отдаться ему она не могла бы ни подъ какимъ видомъ, но, желая имѣть твердую опору въ лицѣ Петра Семеновича, она всѣми силами старалась увлечь его, подчиняя своей волѣ безумно влюбленнаго командира.

Тщетно добивавшійся завѣтной цѣли Красновъ не охладѣлъ въ теченіе двухлѣтняго ухаживанія за Насѣкиной, — напротивъ того, онъ еще съ большимъ увлеченіемъ относился теперь къ ней, исполняя все, что она только отъ него ни требовала, держалъ въ полку ея мужа, ужъ почти сумасшедшаго, съ явными признаками близкой кончины, и съ нетерпѣніемъ ждалъ ея, чтобы жениться на Маріи Станиславовнѣ.

Одно только смущало Краснова — это частыя посѣщенія хорошенькой докторши поручикомъ Чапликовымъ. Онъ ревниво слѣдилъ за молодымъ офицеромъ и съ каждымъ разомъ, когда встрѣчался съ нимъ у Насѣкиной, все больше и больше убѣждался въ томъ, что тотъ былъ одинаково съ нимъ влюбленъ въ эту очаровательную женщину. Ему казалось, что послѣ смерти доктора молодой офицеръ усилитъ свое ухаживаніе за ней и встанетъ серьезнымъ препятствіемъ на его пути, а тутъ еще полковныя дамы во время вечеровъ въ собраніи не упускали случая потревожить

влюбленнаго отца-командира и съ особеннымъ удовольствіемъ дѣлали ему разные намеки на будто-бы существующія интимныя отношенія между Чапликовымъ и докторшей.

Красновъ возмущался, дѣлалъ мужьямъ милыхъ сплетницъ замѣчанія, прося ихъ прекратить неподобающіе толки о товарищѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ самъ съ жадностью прислушивался къ нимъ, внимая каждому слову, и въ душѣ начиналъ вѣрить въ ихъ близость къ истинѣ.

II.

Однажды онъ даже пригласилъ Чапликова къ себѣ по дѣлу, собственно съ намѣреніемъ откровенно переговорить съ нимъ, излить передъ соперникомъ душу и сознаться въ своихъ видахъ относительно Насѣкиной. Онъ уже составилъ себѣ планъ, какъ, протянувъ руку молодому офицеру, онъ скажетъ ему: — „Мы всѣ равны, мы всѣ носимъ эполеты, внѣ службы мы — товарищи; будемъ-же честны, не будемъ становиться на пути другъ другу въ достиженіи“.... — но дальше онъ путался въ своихъ мысляхъ, не находилъ подходящихъ выраженій, вставалъ съ мѣста и начиналъ лихорадочно ходить по комнатѣ.

Когда къ нему явился Чапликовъ, полковникъ смутился и даже совершенно растерялся, не зная, чѣмъ объяснить это требованіе офицера на квартиру, и въ замѣшательствѣ началъ рыться въ бумагахъ. Вдругъ блестящая мысль озарила его голову и придала бод-

рости. Онъ, какъ бы вспомнивъ о чемъ-то важномъ, схватилъ цѣлую кипу различныхъ бумагъ и, отыскавъ одно изъ послѣднихъ предписаній, полученныхъ изъ штаба дивизіи, пробѣжалъ его и затѣмъ пристально взглянулъ на стоявшаго противъ него офицера.

— Поручикъ Чапликовъ,—сказалъ онъ совершенно спокойнымъ тономъ,—я получилъ приказаніе избрать изъ офицеровъ полка одного изъ самыхъ способныхъ для командировки на тайныя развѣдки за границу. Мой выборъ палъ на васъ, но я не могу отправить васъ безъ вашего на то согласія. Конечно я не сомнѣваюсь, что вы сочтете за честь взять на себя это отвѣтственное порученіе и дадите мнѣ вашъ утвердительный отвѣтъ, а затѣмъ можете ѣхать немедленно же въ штабъ дивизіи, гдѣ получите все необходимое для командировки, а также инструкціи. „Неужели откажется“, — мелькнуло въ головѣ у Краснова, и легкая дрожь пробѣжала по его тѣлу.

— Что же, г. полковникъ,—сильно покраснѣвъ отвѣчалъ офицеръ,—я, собственно говоря, ровно ничего не имѣю противъ этой командировки, но вѣдь я почти не владѣю иностранными языками и думаю...

Полковникъ перебилъ его, не давъ договорить фразы, которой онъ больше всего и боялся.

— Ахъ, какіе пустяки,—сказалъ онъ,—да это еще лучше, меньше подозрѣній навлечете на себя, чѣмъ если бы вы говорили ломаннымъ языкомъ,—это пустое.

— Въ такомъ случаѣ, г. полковникъ, я согласенъ,—отвѣтилъ Чапликовъ.

Красновъ даже побагровѣлъ отъ радости.

— Ну, очень, очень радъ,—сказалъ онъ, протягивая руку офицеру, и, пожелавъ ему добраго пути, отпустилъ отъ себя.

„Какое счастье, какой камень упалъ съ плечъ“, — мысленно радовался Красновъ при звукѣ шпоръ удалившагося Чапликова и, сѣвъ за столъ, написалъ записку полковому адъютанту.

При другихъ обстоятельствахъ онъ никогда бы не отправилъ въ такую отвѣтственную командировку человѣка, не владѣющаго иностранными языками, да и назначенъ, собственно говоря, былъ для этой цѣли штабсъ-ротмистръ Фогтъ, но теперь это являлось необходимымъ Петру Семеновичу, и онъ дѣйствовалъ такъ, какъ ему подсказывало ревнивое сердце.

Чапликовъ уѣхалъ, и душевное спокойствіе Краснова установилось; а тутъ еще случилось обстоятельство, которое, казалось, сразу должно было разрѣшить положеніе дѣлъ. Насѣкинъ скончался, оставивъ бездѣтную вдову, поступившую, натурально, подъ попеченіе отца-командира. Не считая нужнымъ далѣе откладывать своего намѣренія, Красновъ объяснился съ Маріей Станиславовной, сдѣлалъ ей предложеніе и получилъ въ отвѣтъ просьбу „подождать“.

Ни увѣщанія Краснова переѣхать на его квартиру, ни мольбы отправиться съ нимъ за границу не привели ни къ чему; молодая вдова на все это отвѣчала отказомъ, категорически объявивъ, что ранѣе, какъ черезъ полгода послѣ смерти Насѣкина, она и разговаривать не будетъ о замужествѣ.

Краснову она не отказывала, а ловко водила его

за носъ, чѣмъ еще болѣе упрочила за собой вліяніе на этого обезумѣвшаго отъ любви человѣка.

III.

Прошло три мѣсяца, и отношенія докторши къ Краснову не измѣнились. Онъ по-прежнему продолжалъ бывать у нея ежедневно, и въ городѣ поговаривали о скорой женитьбѣ командира на хорошенькой вдовушкѣ. Передъ ней начали заискивать; многія изъ полковыхъ дамъ, прежде обдававшія ее холодными, презрительными взглядами, теперь выражали ей особое вниманіе; она всюду появлялась съ Красновымъ и заняла въ городѣ мѣсто первой дамы.

Гордая и независимая жена мѣстнаго судьи осчастливила Марію Станиславовну своимъ посѣщеніемъ, а начальница уѣзда, какъ называли жену исправника, стала навязывать докторшѣ свои различныя услуги и давала, какъ болѣе опытная, полезныя совѣты для предстоящихъ подвѣчныхъ нарядовъ.

Насѣкина ко всѣмъ этимъ заискиваніямъ относилась равнодушно: она знала имъ цѣну, а потому продолжала держаться на извѣстной дистанціи отъ этихъ навязчивыхъ особъ. Между тѣмъ она такъ сдумѣла поставить себя за это время, что положительно съ ея стороны не было дано ни малѣйшаго повода для какихъ-либо злословій и разговоровъ. Прошло еще два мѣсяца, Марья Станиславовна все чего то ждала.

Наступила весна, а съ нею возвратился въ полкъ и Чапликовъ, блестяще выполнившій возложенное на него рискованное порученіе.

Съ пріѣздомъ его снова нарушился покой Краснова, и онъ замѣтно для всѣхъ сильно перемѣнился къ худшему. Веселость, общительность, прекрасное самочувствіе вдругъ совершенно покинули командира, и онъ сдѣлался какимъ-то ворчливымъ, строгимъ и даже грубымъ, а тутъ еще рѣзкая перемѣна къ нему Насѣкиной, сдѣлавшейся для него необыкновенно холодною и даже невнимательною, повергла Петра Семеновича въ полное отчаяніе.

Въ злополучный весенній день, когда солнце особенно ярко свѣтило, какъ бы поздравляя природу съ наступленіемъ этого лучшаго времени года, Красновъ отправился къ докторшѣ. Онъ твердо рѣшилъ окончательно выяснитъ вопросъ о женитьбѣ, намѣреваясь поставить его ребромъ.

— Здорово братецъ!—привѣтствовалъ онъ открывшаго ему дверь вѣстового.

— Здравія желаю вашему высокоблагородію,—пробасилъ тотъ.

— Барыня дома?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе, онѣ уѣхали.

— Одна?—какъ-то робко, съ трепетомъ въ сердцѣ, спросилъ Красновъ, почти увѣренный въ утвердительномъ отвѣтѣ солдата.

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе,—отвѣчалъ тотъ,— онѣ съ поручикомъ 2-го эскадрона изволили выѣхать.

Красновъ поблѣднѣлъ.

— Ага!—сказалъ онъ и, повернувшись, медленно

пошелъ обратно. На лбу его крупными каплями выступилъ потъ, какимъ-то холодомъ охватило все его существо, будто что-то вырвалось изъ груди его и унеслось далеко-далеко, а передъ глазами растилался сѣрый, непроглядный туманъ обыденной мрачной жизни.

Вернувшись домой, онъ легъ на отоманку и, выкуривая сигару за сигарой, заложивъ руки за голову, пролежалъ такъ почти до вечера.

Машинально выслушавъ докладъ адъютанта и подписавъ приказъ, Красновъ опять погрузился въ какое-то забытье.

На другой день, сидя въ своемъ кабинетѣ полковой канцеляріи, онъ бесѣдовалъ съ завѣдывающимъ хозяйствомъ, какъ вдругъ адъютантъ доложилъ ему, что поручикъ Чапликовъ желаетъ имѣть у него аудіенцію.

— Сейчасъ, пусть подождетъ,—сказалъ Красновъ, теряясь въ догадкахъ, о чемъ бы могъ теперь сообщить ему этотъ ненавистный для него офицеръ.

Поторопивъ завѣдывающаго хозяйствомъ окончить свой безконечный докладъ сильно запутанныхъ счетовъ, онъ позвалъ Чапликова.

— Что скажете?—не подавая руки и дѣлая видъ, что продолжаетъ повѣрку цифръ, спросилъ Красновъ, бросая искоса взглядъ на вошедшаго. Чапликовъ немного замаялся и нетвердымъ голосомъ обратился къ командиру:

— Господинъ полковникъ, — началъ онъ, — я рѣшилъ просить вашего разрѣшенія на мой бракъ съ вдовою нашего доктора Маріей Станиславовной Насѣкиной; вотъ, г. полковникъ, и мой рапортъ по поводу

этой просьбы. Онъ положилъ на столъ аккуратно сложенный листъ бумаги.

Красновъ онѣмѣлъ, онъ не возмутился, не вспыхнулъ, не покраснѣлъ даже,—онъ просто онѣмѣлъ, языкъ его какъ бы прилипъ къ небу, не въ состояніи шевельнуться; онъ устремилъ свой взоръ на Чапликова, какъ бы спрашивая его: „да что ты шутишь, что-ли, любезный?“

— Да вы, собственно, отъ меня-то чего хотите?—вдругъ ни съ того, ни съ сего спросилъ онъ.

— Разрѣшенія на бракъ мой съ Насѣкиной,—повторилъ Чапликовъ.

Красновъ долго и пристально посмотрѣлъ на него.

— Нѣтъ ужъ, извините, разрѣшенія я вамъ не дамъ. Во первыхъ, вамъ нѣтъ еще 28-ми лѣтъ, а во вторыхъ, гдѣ вы возьмете реверсъ, вѣдь, у васъ за душой нѣтъ ничего, только въ долгахъ по горло увязнете. Я долженъ заботиться о благосостояніи своихъ офицеровъ, а не способствовать ихъ упадку.

— Господинъ полковникъ, — возражалъ Чапликовъ, — все это будетъ — и реверсъ, и даже средства; мой дядя скончался, и я остался единственнымъ наследникомъ, правда, небольшого, но все же состоянія, которое дастъ мнѣ возможность безбѣдно содержать жену.

— А вотъ, когда получите наследство, тогда и приходите; но во всякомъ случаѣ, я вамъ объявляю, что въ моемъ полку жениться на Насѣкиной я вамъ не позволю; довольно мнѣ пришлось слышать о разныхъ эпизодахъ благодаря вашимъ безтактнымъ по-

ступкамъ относительно этой барыньки, да и вообще я немогу допустить, чтобы послѣ этихъ разсказовъ о ней, голько благодаря вамъ, поручикъ, она вошла бы въ число моихъ полковыхъ дамъ. Такъ и знайте, я вамъ разрѣшенія не даю на женитьбу.

Далѣе, самъ незамѣчая того, Красновъ осыпалъ оскорбленіями и Насѣкину, и Чапликова, и даже нѣкоторыхъ офицеровъ, никогда не говорившихъ ему ничего подобнаго. Дикая ревность овладѣла командиромъ, и онъ потерялъ обладаніе собою.

— Г. полковникъ,—останавливалъ нѣсколько разъ начальника Чапликовъ,—вѣдь это чистѣйшая клевета, это все вамъ нагали; ничего подобнаго быть не могло, и ничѣмъ я не могъ подать повода для такихъ обвиненій ни въ чемъ неповинной женщины Но Красновъ перебилъ его.

— Идите, поручикъ, разрѣшенія я вамъ не дамъ, и онъ погрузился въ работу.

Грустный, съ разбитымъ сердцемъ, вышелъ Чапликовъ изъ кабинета командира и уже не возвращался больше туда съ повтореніемъ своей просьбы.

Бросить полкъ, свой родной полкъ, въ которомъ служилъ его отецъ, полкъ, который воспиталъ его съ колыбели,—было не по силамъ несчастному офицеру, да наконецъ, что бы онъ дѣлалъ, выйдя въ запасъ совершенно неподготовленный ни къ какой дѣятельности, кромѣ своей специальной строевой службы. Положеніе Чапликова становилось критическимъ: онъ искалъ выхода изъ него и не находилъ. Въ офицерскомъ собраніи, въ составѣ всѣхъ товарищей изложилъ онъ

о своемъ горѣ, прося старшихъ повліять на командира, но и это не привело ни къ чему, — тогда ему оставалось одно. . . —Насѣкина переѣхала къ нему на квартиру.

IV.

На другой день только и рѣчи было въ городѣ, какъ объ этомъ скандалѣ, и больше всего волновалась жена мирового судьи. Она объѣздила положительно всѣхъ мѣстныхъ дамъ, чтобы позлословить и залить грязью несчастную докторшу.

— Ну, развѣ можно было ожидать чего-либо другого отъ подобной особы? скорчивъ презрительную гримасу, отвѣтила на сообщенную новость судейской дамы уѣздная начальница. И долго еще мѣстное общество не могло успокоиться отъ этого неожиданнаго инцидента.

Между командиромъ полка и Чапликовымъ воцарились самыя ужасныя отношенія, и цѣлый рядъ бѣдствій посыпался на его голову. Постоянныя командировки, самыя непріятныя и продолжительныя, непрерывно возлагались на опальнаго офицера, и наконецъ, въ видѣ ссылки, онъ былъ посланъ, съ глазъ долой, въ кадръ кавалерійскаго запаса, расположенный въ одномъ изъ самыхъ захолустныхъ уголковъ Россіи.

Легко вздохнулъ Чапликовъ въ своей ссылкѣ, легче стало и его вѣрной спутницѣ, нѣжно заботившейся о немъ и всецѣло посвятившей себя воспитанію своего первенца. Прошло два съ половиною года, уже третьяго сына ожидалъ Чапликовъ, какъ срокъ его ко-

мандировки окончился, и онъ былъ принужденъ возвратиться въ полкъ.

Радушно привѣтствовали товарища офицеры полка послѣ 3-хъ лѣтней разлуки, да и въ лицѣ командира Чапликовъ не встрѣтилъ уже упорнаго ненавистника. Страсти улеглись, и все какъ будто уравнилось, такъ что онъ даже могъ удѣлить время на военную литературу, составляя полезныя изданія для солдатскаго чтенія. Только одно тяготило честную душу Чапликова, — что та, которая посвятила ему всю свою любовь, которая явилась единственною отрадою въ его искалѣченной жизни, носила названіе „сожительница“, что его дѣти, эти прелестныя созданія, незаконно-рожденныя.

Вотъ что грызло его, не давая покоя, ни днемъ, ни ночью, ни во время занятій, ни во время отдыха.

Онъ все только искалъ выхода изъ этого тяжелаго положенія и не находилъ его.

Женитьба въ полку теперь послѣ трехлѣтняго сожительства съ Насѣкиной представлялась безусловно невозможною. Какъ это ни шло въ разрѣзъ со здравымъ смысломъ, однако это было такъ; онъ это зналъ и не настаивалъ. Несмотря на то, что Насѣкину всѣ любили въ полку, относились къ ней съ полнымъ уваженіемъ, все же ея положеніе было ненормально, и это мучило до боли Чапликова. Онъ искалъ должности, которая не мѣшала бы его женитьбѣ. Наконецъ, ему удалось добиться назначенія на Дальній Востокъ.

Обильныя подъемныя деньги, прекрасное содержаніе, карьера — все теперь было передъ нимъ, а глав-

ное — онъ достигалъ своей цѣли: его новое начальство не могло отказать ему въ разрѣшеніи жениться. Чапликовъ разставался съ полкомъ. Да, никогда бы онъ не покинулъ его, разъ могъ бы, оставаясь въ составѣ полка, добиться своей цѣли, но онъ рѣшился на жертву, великую жертву, ради неповинныхъ ни въ чемъ четырехъ душъ, обреченныхъ на вѣчный позоръ своего положенія.

Скромно обвинявшись съ Маріей Станиславовной и усыновивъ своихъ дѣтей, Чапликовъ горячо простился съ полкомъ, со своимъ 2-мъ эскадрономъ и Красновымъ, причинившимъ такъ много горя въ его разбитой жизни. Онъ искренно прощалъ командиру все по отношенію къ себѣ, теперь онъ былъ счастливъ, и, переполненный радужныхъ надеждъ, отправился къ мѣсту назначенія — въ Манчжурію.

И вотъ его надеждамъ суждено было оправдаться. Въ короткій срокъ онъ получилъ два повышенія, собирался уже и въ отпускъ поѣхать, семью навѣстить, какъ вдругъ вспыхнула китайская война, и лихой ротмистръ, вѣрный традиціямъ полка, успѣлъ показать свою беззавѣтную храбрость — но пуля не пощадила героя, разможжила его буйную голову.

Мѣрно раздается панихидное пѣніе, а передъ глазами Краснова вдругъ какъ бы открылась новая картина: ему представляется берегъ незнакомой рѣки, онъ видитъ группу столпившихся офицеровъ, а передъ ними съ блѣднымъ, искаженнымъ лицомъ лежитъ неподвижно ротмистръ Чапликовъ. Потускнѣвшіе глаза его устремлены на полковника, и такъ жалобно, такъ груст-

но выраженіе ихъ. „Эхъ, для чего ты со мной это сдѣлалъ?“—вдругъ прочелъ въ нихъ Красновъ и вздрогнулъ . .

Кругомъ всѣ тушили свѣчи, — панихида кончилась.

НЕ СУДЬБА.

I.

Кишлакъ ¹⁾ Учъ - Курганъ расположенъ, какъ разъ у подножья Алайскаго хребта, при самомъ входѣ въ Исфайранское ущелье. Красиво гнѣздятся на высокихъ и обрывистыхъ берегахъ ревущаго Исфайрана маленькія туземныя сакли, похожія на глиняныя ласточкины гнѣзда, прилѣпленныя къ отвѣсной саклѣ. Кое-гдѣ, изъ бархатной зелени роскошныхъ садовъ, вырываются минареты мечетей.

Возлѣ самаго обрыва нависшаго берега, раскинулся довольно большой базаръ, на который, бывало, алайскіе кочевники, въ базарные дни, пригоняли свой скоть и свозили продукты незатѣйливаго киргизскаго хозяйства. Теперь что-то не видно загорѣлыхъ, скуластыхъ кочевниковъ, и только узбеки, въ своихъ пестрыхъ халатахъ и огромныхъ чалмахъ, сидятъ по чайханамъ ²⁾ и по крышамъ сакель, какъ бы въ ожиданіи какого-то небывалаго зрѣлища. Верховые иногда, сидя по два на одной лошади, снуютъ по улицамъ кишлака

¹⁾ Селеніе.

²⁾ Чайная.

и у каждаго на лицѣ можно прочесть одинаковое безпокойство и озабоченность. Не смотря на то, что день не базарный, всѣ чайханы полны народомъ; собравшись въ кружокъ, сидятъ въ нихъ, поджавъ подъ себя ноги и старики, и молодые, обсуждая необыкновенную новость. Около одного, уже совершенно стараго туземца собралась цѣлая толпа любопытныхъ сартовъ и каждый, напрягая свой слухъ, старается услышать, что говоритъ, пріѣхавшій изъ Маргелана мулла.

— Самъ видѣлъ, — говоритъ тотъ, съ особенною торжественностью, понижая голосъ, — много урусовъ идетъ на киргизъ. Ихъ паша велѣлъ отнять у кочевниковъ Алай за то, что они не слушаютъ русскихъ начальниковъ и разбойничаютъ, нападая на ихъ города“ . . .

— А кто сильнѣе: русскіе, или киргизы — спрашиваетъ одинъ изъ слушателей.

— А Аллахъ ихъ знаетъ, — отвѣчаетъ рассказчикъ.

— Хоть и храбръ сынъ Алайской царицы, хоть и не боится урусовъ Абдулла-бекъ, хоть поклялись батыри ¹⁾ или умереть, или прогнать гяуровъ, да гдѣ же киргизамъ устоять противъ русскихъ. У нихъ и ружья такія, что пули изъ нихъ за цѣлую версту попадаютъ, да и много урусовъ, ой какъ много. Рассказчикъ покачалъ головой. Вотъ, когда брали они Кокандъ въ прошломъ году (1875 г.), продолжалъ онъ, — такъ я былъ въ городѣ сколько ихъ тамъ было, просто и не считаешь, а генералъ ²⁾, ихъ начальникъ сердитый такой:

¹⁾ Богатыри-герои.

²⁾ Генералъ Голвачевъ.

какъ пріѣхалъ, такъ и повѣсилъ хана Насръ-Эдъ-Дина, а потомъ русскіе пошли на Маргеланъ, взяли Наманганъ, Андижанъ, захватили въ плѣнъ предводителя кипчаковъ храбраго Автобачи ¹⁾, самозваннаго хана Пулатъ-бекъ да и повѣсили его въ Маргеланѣ.

— За что же хана Насръ-Эдъ-Дина, повѣсилъ русскій генералъ, — робко спросилъ кто-то.

— А за то, отвѣчалъ рассказчикъ, что ханъ Насръ-Эдъ-Динъ поднялся на своего отца законнаго правителя Худояръ-хана, котораго, видишь, русскіе теперь подъ свое покровительство взяли и въ Оренбургъ отправили изъ Ташкента.

— Ну, а Пулатъ-хана за что повѣсили?

— Эхъ ты ахмакъ ²⁾, ничего то ты не знаешь, сердито сказалъ мулла.

— Вѣдь Пулатъ-бекъ никогда ханомъ не былъ, просто Автобачи объявилъ его правителемъ Коканда и вмѣстѣ съ нимъ пошелъ на русскихъ. А молодецъ былъ Пулатъ-бекъ. Я его видѣлъ, когда онъ еще въ Кокандѣ былъ, прибавилъ мулла, изъ себя высокій, стройный, глаза черные, большіе, лицо бѣлое съ нѣжнымъ румянцемъ — просто не нагладишься, а осанка какая гордая. Да и батырь онъ былъ хоть куда: всегда впереди на своемъ аргамаркѣ гарцуетъ, сколько разъ съ казаками схватывался, сколько онъ русскихъ головъ посрубалъ, удалой былъ батырь — жаль его.

¹⁾ Коновдъ кипчаговъ и кара-киргизъ.

²⁾ Дуракъ.

Не прозовись онъ самозванно ханомъ, живъ бы остался. Вѣдь вотъ Автобачія русскіе взяли въ плѣнъ, золотомъ наградили, орденовъ надавали и отослали въ свою сторону на проживаніе, какъ Худояръ-хана.

— Ну, а теперь чего они идутъ на Алай,—спросилъ кто то и изъ толпы.

— Теперь, отвѣчалъ мулла, теперь они Абдуллабека, взять хотятъ, только трудно имъ будетъ въ горахъ съ батырями сладить.

— Ну давай дорогу,—расталкивая толпу крикнулъ мулла и, преслѣдуемый любопытными сартами, направился къ тѣнистымъ карагачамъ, окружающимъ мечеть.

Между тѣмъ къ Учъ-Кургану подъ командою капитана Исполадъ Бога, медленно тянулись двѣ роты 2-го Туркестанскаго линейнаго баталіона, направлявшіяся къ крѣпости Дараутъ-Кургану въ долину большого Алая. Запыленные, подъ знойными лучами палящаго солнца, двигались линейцы, вперивъ свои взгляды въ темнѣвшіяся впередъ ихъ ущелья, покрытыхъ вѣчными снѣгами Алайскихъ горъ.

Постоянные разбои алайскихъ кара-киргизъ, нападенія ихъ на русскихъ, заставили военнаго губернатора Ферганской области генерала Скобелева, снарядить этотъ небольшой отрядъ и отправить его въ долину Алая, чтобы показать кочевникамъ, что и Алай, съ покореніемъ Кокандскаго ханства перешелъ къ Россіи, и все кочевое населеніе нераздѣльно съ кокандцами стало подданнымъ Великому Бѣлому Царю.

II.

Въ полуверстѣ отъ Кишлака Учъ-Кургана, по маргеланской дорогѣ, правильными рядами, бѣлѣются военно-походныя палатки, откуда случайнымъ вѣтромъ, доносятся обрывки пѣсни Туркестанскаго линейца.

На бивакѣ съ разсвѣтомъ поднялась суматоха. Только что пригнанъ цѣлый табунъ лошадей, въ уродливыхъ туземныхъ чемахъ¹⁾ и огромный транспортъ, привезенный сюда на арбахъ, вьючится теперь на лошадей.

Безпечно веселы бронзовые лица солдатъ, кажущіяся черными пятнами, рѣзко выдѣляясь на бѣломъ фонѣ рубашекъ и кэпокъ съ наматыльниками. Не спѣша, съ разными прибаутками, вьючатъ они громадные неуклюжіе мѣшки. Офицеры собрались въ сторонѣ и сидя, кто на камняхъ, а кто на разостланныхъ услужливыми солдатиками шинеляхъ, — закусываютъ.

Старый капитанъ съ „Георгіемъ“ въ петлицѣ, съ темнымъ загорѣлымъ лицомъ и свѣтлыми усами, кажущимися какими-то выгорѣвшими, обезцвѣченными, весело рассказываетъ какую-то смѣшную исторію, такъ что всѣ окружающіе его неоднократно прерываютъ рассказъ взрывомъ дружнаго хохота. Одинъ только прапорщикъ Нильскій выдѣляется среди веселой, безпечной толпы. Его красивое, открытое лицо, украшенное маленькими темными усиками, носитъ какое то грустное выраженіе. Онъ лихорадочно скручиваетъ попиросу, и, какъ на зло, она у него не удается, бумага разрывается и табакъ разно-

¹⁾ Вьючныхъ сѣдлахъ.

сится вѣтромъ. Онъ бросаетъ бумажку и принимается за новую. Нильскій не принимаетъ участія въ общей бесѣдѣ, думами онъ далеко отъ нея, и безпечное веселье товарищей только раздражаетъ ему нервы.

Онъ мысленно переносится въ далекое прошлое и передъ нимъ одна за другою развертываются картины его дѣтства. Онъ вспоминаетъ себя баловнемъ семьи, когда, бывало, его матушка, посадивъ на колѣни любимца-сына, гладила по его свѣтлой головкѣ своей нѣжной рукою и говорила: „ты вѣдь у меня будешь генераломъ Количка“. Припомнилъ онъ и отца, его всегда задумчивое лицо, такое суровое съ густыми нависшими бровями; вспомнилось ему какъ рыдалъ онъ надъ тѣломъ родителя, не понимая что случилось съ нимъ, и только чувствуя своимъ дѣтскимъ сердцемъ, что больше не увидитъ его никогда.

Онъ закрылъ глаза и ему ясно, какъ на яву представился его отецъ въ парадной формѣ лежащій на столѣ, вокругъ котораго толпилось много офицеровъ. Онъ не боялся мертваго отца, но удивлялся голякко, почему у него по лицу свободно гуляла муха и отецъ не чувствовалъ этого и оставался неподвиженъ. Онъ вспомнилъ какъ согнали эту муху, и какъ потомъ лицо мертвеца закрыли тонкой кисеей. Затѣмъ пришли священники и онъ молился. Мама его плакала, а онъ, глядя на нее, обливался слезами. На другой день его не впустили въ залъ, гдѣ лежалъ отецъ и съ тѣхъ поръ онъ больше не видѣлъ его никогда и только зналъ, что отецъ его былъ героемъ.

Припомнилъ онъ, какъ переѣхалъ съ матерью въ

маленькую квартиру и для него наступила новая жизнь. Въ это время ему минуло 7 лѣтъ и его начали учить азбукѣ.

Такъ прошелъ годъ, и вотъ однажды, нарядивъ мальчика въ шелковую рубашечку съ золотымъ поясомъ, мама повезла его къ какому-то генералу. Онъ вспомнилъ, какъ испугался этого сухого старика, который погладилъ его по головѣ и грозно сказалъ: „ну, молодецъ, смотри будь умникъ, у насъ вѣдь строго“. Затѣмъ пришелъ какой-то офицеръ, которому старикъ велѣлъ куда-то увести его. Онъ взглянулъ на маму, по щекамъ ея катились слезы; онъ бросился къ ней и съ рыданьями повисъ на ея шеѣ. Мама утѣшала его, говорила, что скоро пріѣдетъ но онъ не выпускалъ ея изъ своихъ рученокъ. Наконецъ кое-какъ успокоившись, онъ, со слезами на глазахъ, пошелъ, держа за руку офицера по какимъ то длиннымъ комнатамъ.

На пути имъ попадались мальчики, одѣтые въ мундиры съ красными погонами. Они съ любопытствомъ поглядывали на него, и одинъ даже сказалъ: „ишь, баба-плакса“. Онъ вспомнилъ, какъ ему вдругъ стало стыдно и онъ пересталъ плакать. Офицеръ привелъ его къ какому то старичку въ очкахъ, который, снявъ мѣрку, принесъ мундиръ и мальчикъ превратился въ кадета.

Припомнилось ему время пребыванія въ корпусѣ, затѣмъ юнкеромъ въ училищѣ и наконецъ знакомство съ Шурочкой Бѣльской, которую полюбилъ онъ всею силой своего молодого сердца. Встрѣчалъ онъ Шурочку въ домѣ своей тетки еще дѣвочкой, когда былъ въ 6-мъ классѣ корпуса. Ея блѣдное личко и золо-

тистые кудри приковывали его взоръ. Онъ долго и пристально заглядывался на нее въ то время, когда она, не принимая участія въ шумныхъ дѣтскихъ играхъ, сидѣла и читала книжку. Онъ часто, будучи уже юнкеромъ, думалъ о ней и рисовалъ различные планы о томъ, какъ выйдя въ офицеры, непременно ее избретъ въ подруги жизни. Но судьба на нѣкоторое время разлучила его съ Шурочкой, она уѣхала съ матерью въ деревню, и онъ ея не видѣлъ до самаго производства.

Онъ вспомнилъ тотъ торжественный день, когда Государь поздравилъ юнкеровъ съ первымъ офицерскимъ чиномъ, и какъ заклокотало его сердце, когда онъ впервые надѣлъ свои эполеты и явился въ нихъ къ матери, уже офицеромъ. Слезы навернулись у него на глазахъ, когда онъ вспомнилъ ее, повисшую на его сильной шеѣ и обливавшую его новый мундиръ слезами истинной материнской радости и какъ онъ, покрывая ея голову поцѣлуями, еле удерживая рыданія бормоталъ: „мама перестаньте, что вы“

Какъ то разъ въ Петербургѣ встрѣтилась Шурочка и онъ не узналъ ее. Изъ блѣдной, худенькой дѣвочки она превратилась въ красивую, немного полную, но стройную, дѣвушку съ вполне сформировавшимся станомъ. Она сильно покраснѣла, когда къ ней подошелъ молодой офицеръ. Его глаза встрѣтились съ ея взглядомъ, и онъ прочелъ въ немъ, что что-то близкое уже существуетъ между нимъ и дѣвушкой. Онъ часто сталъ бывать у тетки, постоянно встрѣчался съ Шурочкой и между ними уже были установлены прежнія дружескія отношенія—онъ былъ вполне счастливъ.

Но отъ подобной дружбы до любви—одинъ шагъ молодые люди полюбили другъ друга. Теперь сидя, въ боевой обстановкѣ, на камняхъ, онъ перенесся мыслями, въ самое счастливое время своей жизни, когда полюбилъ Шурочку это была чудная пора какъ то просто, безовсякихъ сантиментальностей, онъ сказалъ ей, что любить ее и просить составить счастье его жизни. Шурочка ничего не отвѣтила ему и только крупныя слезы, выступившія на ея чудныхъ глазахъ, были отвѣтомъ на предложеніе.

Онъ не долго былъ женихомъ, начальство дало согласіе на его бракъ съ Бѣльской, и скоро его рука держала трепещущую ручку невесты, а съ клироса неслись звуки, казавшіеся ему голосами ангеловъ, поющихъ въ небѣ о его счастіи. Онъ не замѣчалъ ничего кругомъ, какой-то сладостный туманъ заволокъ его зрѣніе, сквозь который онъ видѣлъ только профиль своей, на вѣки своей Шурочки. Вспомнилъ онъ, какъ счастливо жилъ цѣлый годъ съ женою, какъ она любила его и заботилась о немъ. Вотъ наступилъ столь жданный день — у него родился сынъ. Въ это время умерла мать его жены, но добрая его мама вполне замѣнила ей покойницу. Она съ такою нѣжностью заботилась о „дочкѣ“ и такъ прилежно ухаживала за внукомъ, что счастливому отцу только оставалось радоваться на свое семейное счастье.

Прошло 7 мѣсяцевъ со дня рожденія сына Нильскаго и вдругъ онъ получилъ командировку съ важными бумагами въ Ташкентъ. Предстояла разлука.

Онъ вспомнилъ, какъ бѣдная Шурочка приходила

въ отчаяніе при мысли что надолго разстанется со своимъ Колей,—какъ его мама украдкой вытирала слезы. И, наконецъ возникъ въ его памяти ужасный день разлуки. Онъ не могъ забыть нѣжныхъ глазъ жены, воспаленныхъ отъ слезъ . . . Ему вдругъ ясно представилась сцена, когда на вокзалѣ, послѣ второго звонка, бѣдная женщина до боли стиснула его шею, и онъ съ трудомъ освободился изъ ея объятій, какъ мать благословила его, держа на рукахъ внука,—какъ онъ нѣжно поцѣловалъ улыбавагося мальчика. Но вотъ прозвонилъ 3-й звонокъ, и онъ со слезами на глазахъ, еще разъ поцѣловалъ Шурочку и вскочилъ на платформу вагона. Раздался свистокъ, и поѣздъ тронулся . . . Онъ высунулъ голову, чтобы еще разъ взглянуть на ту, которая была для него дороже жизни, и онъ увидѣлъ ее, рыдающую на плечѣ его матери. Еще мгновение и все скрылось изъ глазъ

— Ваше благородіе, осмѣлюсь доложить, такъ высовываться „очинно опасно“! услышалъ онъ голосъ кондуктора, выведшій его изъ какого то забытья.

— Господа пожалуйста билеты, говорилъ контролеръ и Нильскій машинально полѣзъ въ карманъ за билетомъ, а поѣздъ несся и несся . . .

Всѣ мечты молодого офицера о скоромъ возвращеніи такъ и остались мечтами. Онъ былъ назначенъ на Алай.

Вдругъ онъ, какъ бы стряхнувъ съ себя тяжелыя мысли о прошломъ задумался о будущемъ. Несомнѣнно, цѣлый рядъ военныхъ дѣлъ ожидаетъ его впереди и это сильно волновало его молодую душу.

Въ воображеніи Нильскаго рисовалось уже, какъ обрадуется Шурочка, когда онъ послѣ похода вернется не просто подпоручикомъ, а героемъ, какъ она будетъ гордиться имъ.

Вспомнилъ онъ, что хотѣлъ послать матери скопленные за послѣднее время деньги изъ подъемныхъ и суточныхъ, — да не забыть-бы еще отправить купленную тюбיתейку ¹⁾ сынишкѣ, да кусокъ шелковой матеріи женѣ. Будетъ-ли только съ Алая сообщеніе.

Размышляя такимъ образомъ, онъ и не замѣтилъ, какъ вокругъ него собрался кружокъ товарищей.

— А что, „красоточка“, гдѣ это витать изволите? спросилъ его, хлопая по плечу, штабсъ-капитанъ Потинъ — къ черту думы, хлопните-ка рюмашку одну, другую, вся тоска и пройдетъ. Ужъ знаю я эту молодежь, — продолжалъ онъ, обращаясь преимущественно къ старикамъ, — ужъ сколько я наблюдалъ ихъ: одинъ какъ попадетъ въ походъ, такъ непременно сохнетъ, а другой такъ затоскуетъ и самъ не свой, особенно еще если семейный. А все почему, потому что старшихъ не слушаютъ, вотъ съ

— Ну Коля, пойдѣмъ, выпьемъ. Ну, для меня, одну, только одну, — тормозилъ его юный подпоручикъ.

— Да не пью же я отбояривался Нильскій, — вѣдь знаешь же самъ. „Ну, что это они ко мнѣ пристають“, думалъ онъ, „точно нарочно сговорились“.

¹⁾ Тюбיתейка — головной уборъ вродѣ ермолки, заостреной сверху, который носятъ всѣ туземцы.

— Нѣтъ, господа, я не буду пить, у меня голова болитъ,—сказалъ онъ, вставая, и направляясь къ ротѣ. Нѣсколько солдатиковъ вытянулись и отдали честь.

— Сиди, сиди, братцы, отдыхай: скоро пойдемъ, добродушно проговорилъ онъ.

— А далече переходъ, ваше благородіе?—спросилъ робко унтеръ-офицеръ.

— Нѣтъ, верстъ тридцать не больше, а что тяжело? спросилъ онъ.

— Никакъ нѣтъ, какъ когда, иной разъ бываетъ и тяжеленько . . . а что дѣлать, служба.

„Славные“, подумалъ Нильскій,—„оторванные отъ семей, какъ и я, заброшенные далеко отъ родины, они не ропщутъ, сознавая, что отдають святой долгъ своему царю и отечеству. Вотъ онѣ, силы то русскія, на чемъ зиждятся,—на этомъ честномъ солдатѣ“.

Ему, какъ никогда, сдѣлался вдругъ близкимъ каждый линеецъ и онъ съ любовью всматривался въ смуглыя сосредоточенныя лица, съ которыми всѣ они дѣлали свое дѣло. Ему хотѣлось обнять и поцѣловать браваго ефрейтора, который завидя, что онъ начинаетъ скручивать папироску, подбѣжалъ къ нему со спичкой, но онъ вдругъ вспомнилъ, что онъ офицеръ, и что это выдетъ глупо въ глазахъ нижнихъ чиновъ.

— Спасибо, братецъ, сказалъ Нильскій и закурилъ папироску.

— Радъ стараться, ваше благородіе, крикнулъ ефрейторъ.

Вдругъ вниманіе Нильскаго было обращено на прискакавшаго адъютанта. Онъ повернулъ и скорыми

шагами направился къ группѣ офицеровъ. Адъютантъ передавалъ капитану приказаніе начальника отряда немедленно вести полубаталіонъ. Сразу изъ весельчака, капитанъ превратился въ серьезно озабоченнаго начальника, и на всѣхъ лицахъ мелькнула одинаковая тѣнь, какая является у человѣка въ минуту выполненія серьезнаго дѣла, а громкій возгласъ напитана „въ ружье“ довершилъ всеобщее напряженіе.

Всѣ были на своихъ мѣстахъ и черезъ нѣсколько секундъ роты уже выравнялись для принятія знамени!

— Смирно, на плечо, слушай, на краулъ! послышалась команда капитана, и подъ звуки марша знамя, завернутое въ черный чехоль, предшествуемое адъютантомъ, какъ бы выплыло передъ строемъ, полубаталіонъ потянулся походной колонною по пыльной, знойной дорогѣ и сталъ втягиваться въ узкую улицу тѣнистаго кишлака, предшествуемый полуротою, высланною въ авангардъ.

Медленно, покачивая изъ стороны въ сторону своими неуклюжими вьюками, шли въ сопровожденіи керекшей лошади, конвоируемая солдатами.

„Ну сегодня не далече, думалъ каждый, ротный сказывалъ, что стѣнокъ не большой“.

III.

По выходѣ изъ Учъ-Кургана, дорога пролегала по обрывистому берегу Исфайрана и, какъ желтая лента, по мѣрѣ входа въ ущелье, извивалась между камнями

и осколками скалъ. Съ лѣвой стороны, пѣнясь, заглушая человѣческой крикъ и ворочая камни, неслась бурная горная рѣчка.

Быстрымъ шагомъ, другъ за другомъ по узкой тропѣ шли солдаты.

Грозно возвышались съ обѣихъ сторонъ пути громящіяся другъ надъ другомъ отвѣсныя скалы, мѣстами переходящія въ крутыя осыпи, усѣянныя осколками гранита и сорвавшимися съ вершинъ камнями. Слева глубокой обрывъ; на днѣ его неистово клокотала горная рѣчка.

Быль полдень, когда миноваль третій мостъ, авангардъ потянулся по самой узкой части Исфайранскаго ущелья.

Вдругъ, съ лѣвой стороны, изъ за рѣки, съ гребня одной изъ береговыхъ скалъ показался дымокъ, раздался выстрѣлъ и ефрейторъ Бандарчукъ, схватившись за голову, стремглавъ полетѣлъ съ обрыва. Зловѣще загромыхало его ружье, и, оставивъ кровавый слѣдъ, онъ исчезъ въ пѣнящемся Исфайранѣ. Снова дымокъ, опять выстрѣлъ. Еще и еще.

Солдаты засѣли за большіе осколки гранита и стали отвѣчать на выстрѣлы, прицѣливаясь по выскакивающимъ дымкамъ.

Двинуться впередъ не было никакой возможности, благодаря сильному огню непріятеля, скрытаго совершенно отъ глазъ каменными утесами.

— Ни взадъ, ни впередъ, какъ зайцевъ перебьютъ, дьяволы, — горячился штабсъ-капитанъ Вирскій, — ишь киргизье проклятое.

— Поручикъ Хмѣльницкій, попробуйте подняться съ отдѣленіемъ, вонъ на ту скалу, — сказалъ онъ, указывая на довольно обрывистый скатъ одной изъ нависшихъ горъ.

Быстро подъ командою Хмѣльницкаго 12 человѣкъ вышли изъ закрытія и стали карабкаться на крутую, почти отвѣсную скалу, съ которой могъ быть возможенъ обстрѣлъ противника, вотъ уже двое отважныхъ охотника выбыли изъ строя. Вотъ еще стуча о камни, падаетъ винтовка, а выстрѣлы все продолжаютъ и продолжаютъ.

Крѣпко засѣлъ Абдулла-бекъ со своими батырями, рѣшили видно, киргизы до послѣдней капли крови защищать свое гнѣздо — неприступный дотолъ, Алай.

Сильно забилося сердце въ груди Нильскаго, когда онъ услышалъ первые выстрѣлы. Онъ вдругъ позабылъ про усталость, и ему стало необыкновенно легко на душѣ. Ноги его шли сами собою, а глаза были устремлены въ синѣющую даль ущелья, по которому выстрѣлы эхомъ переливались, нарушая его дѣвственную тишину.

— Бѣгомъ! — раздалась команда, и возбужденные солдаты дружно побѣжали по узкой тропинкѣ.

Рота подъ командою штабсъ-капитана Потина, въ составѣ которой находился и прапорщикъ Нильскій, перебѣжала еле державшійся, нависшій надъ рѣкою мостъ и стала подниматься подъ сильнымъ огнемъ непріятеля, выбивавшимъ изъ строя не мало жертвъ, по узкому береговому карнизу и наконецъ прямо полѣзла на скрывавшихся въ засадѣ.

„Вотъ оно“... подумалъ Нильскій. Сильно заби-

лось его сердце, множество надежд мелькнуло у него въ головѣ. Георгіевскій крестъ и радостное личико его Шурочки, сынишка, протягивающій рученки къ купленной тюбитейкѣ . . . Все сразу, на мгновение, промелькнуло передъ его глазами и вдругъ на него напало какое-то опьяненіе. Онъ обогналъ бѣгущихъ солдатъ и карабкаясь, какъ кошка, полѣзъ на камни.

Огонь становился сильнѣе. Вотъ уже близко до цѣли. Онъ ясно различаетъ загорѣлыя лица киргизъ. Видитъ онъ, какъ одинъ изъ нихъ установилъ, какъ разъ противъ него на сошку, свой мулдукъ ¹⁾ и цѣлитъ. „Въ меня“, — подумалъ Нильскій и зажмурился.

Карабкавшійся рядомъ съ нимъ унтеръ вдругъ, какъ то странно вытянулся и скорчившись, поползъ внизъ. „Зачѣмъ онъ, неужели струсилъ“, мелькнуло въ головѣ Нильскаго.

Вотъ раздался крикъ „ура“, и онъ безсознательно бросился впередъ. Все смѣшалось передъ его глазами. Онъ почувствовалъ, что шашка его ударила обо что-то мягкое и вдругъ бѣлый шаръ мелькнулъ передъ его лицомъ, обдавъ его чѣмъ то горячимъ. Онъ снова занесъ шашку.

¹⁾ Ружье.

IV.

Киргизы бѣжали, оставя многихъ убитыми и ранеными.

По скату обрыва, гдѣ проходила наступавшая рота, валялось нѣсколько убитыхъ солдатъ. Недалеко отъ того мѣста, гдѣ скрывались засѣвшіе батыри, съ зажатымъ рукою эфесомъ сабли, лежалъ прапорщикъ Нильскій. Кэпи свалилась съ головы его, на кителѣ, посреди груди, краснѣлось небольшое кровавое пятно. Потухшій взглядъ его былъ устремленъ далеко въ небо, какая-то озабоченность выражалась на его блѣдномъ лицѣ . . . „Не забыть бы тюбитейку сынишкѣ“ какъ бы написано было на немъ страшною рукою смерти.

Къ трупамъ стали подходить уцѣлѣвшіе.

— Родименькій ты нашъ — нагнувшись надъ нимъ, проговорилъ одинъ изъ солдатъ; всѣ крестились . . .

Подошелъ штабсъ-капитанъ, снялъ кэпи и перекрестился, слеза катится по его щекѣ и капаетъ на грудь, украшенную бѣлымъ крестомъ.

— Не судьба мнѣ была знать поздравить тебя, добрый товарищъ съ побѣдою, вздохнувъ, сказалъ онъ. Не даромъ грустилъ послѣднее время юнецъ . . . А все потому, что старшихъ не слушалъ. Говорилъ ему: не лѣзьте, успеете, такъ нѣтъ надо все впередъ да впередъ, оно положимъ лестно, да разсудительно надобно“, проговорилъ онъ какъ бы въ оправданье, махнулъ рукою и направился къ ротѣ.

— Ваше благородіе, раздалось у него за спиною. Онъ увидѣлъ солдата, протягивавшаго конвертъ.

— Что это?

— У его благородія прапорщика Нильскаго изъ кармана выпалъ, какъ переносить стали, — доложилъ солдатъ.

Штабсъ-капитанъ взялъ конвертъ и крупныя слезы покатались изъ его добродушныхъ глазъ. На конвертѣ значилось:

„Ея Высочествоблагородію Александрѣ Сергѣевичу Нильской, со вложеніемъ 50-ти рублей“.

М А Т Ъ.

I.

Въ небольшой глубокой комнатѣ, окно которой было завѣшено тяжелой портьерой, царилъ густой мракъ и только при слабомъ вспыхиваніи ночника, внутренность ея на мгновенье освѣщалась и все снова погружалось въ какую-то тяжелую и безотрадную тьму.

Монотонный стукъ маятника большихъ старинныхъ часовъ и тяжелое, съ похрипываніемъ дыханіе ребенка, лежавшаго на большой кровати, нарушали царившую въ комнатѣ тишину, придавая всей окружающей обстановкѣ еще болѣе унылый и зловѣщій видъ.

Мальчикъ лѣтъ пяти лежалъ на спинѣ, съ повязанной головою и прижавъ свои маленькіе кулачки къ груди, время отъ времени издавалъ какіе-то хрипящіе звуки; казалось, что онъ захлебывался чѣмъ-то, но вдругъ, какъ бы осиливъ удушье, вдыхалъ свѣжую струю воздуха и снова порывисто и тяжело дышалъ. Вѣки его, обрамленные черными рѣсницами, упавшими на алѣвшія отъ сильнаго жара щечки, были закрыты и неподвижны: полуоткрытыя, высохшія губы обнаруживали рядъ такихъ же сухихъ, бѣленькихъ, ровныхъ зубовъ.

Время отъ времени корпусъ больного судорожно вздрагивалъ, и въ этомъ порывистомъ движеніи опытный глазъ врача не усмотрѣлъ бы ничего утѣшительнаго.

Въ комнатѣ пахло лѣкарствами, карболкой и сосновой водой.

Столъ, стоявшій возлѣ завѣшеннаго окна, былъ сплошь установленъ разными стеклянками, флаконами и коробками; тутъ же стояла чашка съ водою и графинъ съ приготовленнымъ питьемъ. Все это свидѣтельствовало, что ребенокъ былъ уже давно и серьезно боленъ.

Въ ногахъ у постели, на большомъ мягкомъ креслѣ, прислонившись головою къ матрацу кровати, на которой лежало больное дитя, сидѣла еще совсѣмъ молодая женщина и дремала. Ея распущенныя пряди золотистыхъ волосъ упали на бѣлое пикейное одѣяло, покрывавшее постель, и неровными волнами спадали на ея круглыя, красивыя плечи. Изящныя, словно выточенныя руки были сложены вмѣстѣ ладонью къ ладони, служа ей какъ бы подушкой, на которой покоилась ея правая щека.

При болѣе яркомъ вспыхиваніи ночника, можно было хорошо разглядѣть дремавшую женщину.

Ея красивыя черты блѣднаго лица съ правильнымъ профилемъ были обаятельно хороши. Немного крупный подбородокъ, не портившій ея красоты, указывалъ сильную волю молодой женщины, а прямой, словно выточенный носъ—изящество и утонченность. Полуоткрытый, красивый ротъ съ характерною, немного выступавшею нижнею губою, свидѣтельствовалъ о нѣжности и скрытой страсти его обладательницы.

На прекрасномъ лицѣ дремавшей виднѣлся слѣдъ

переносимыхъ нравственныхъ мученій, она страдала даже во снѣ и это ярко отпечатывалось на ея лбу складкой, образовавшейся между ровными дугообразными бровями. Немного крупный, но прекрасно сформированный станъ, выпуклая, высокая грудь свидѣтельствовали о физической силѣ и здоровьи.

Время отъ времени большіе, сѣрые глаза дремавшей вдругъ открывались, она, какъ бы вспоминая что-то, пристально всматривалась въ темноту, поднимала голову и, пригнувшись къ спящему дитяти, осторожно, какъ бы боясь нарушить его покой, пододвигала свое лицо къ нему, жадно прислушиваясь къ его храпящему дыханію.

Отчаяніе и горе выражалъ ея взглядъ въ эти мгновенья, безотрадная тоска наполняла ея материнскую душу и она тяжело вздохнувъ, устремляла свой усталый взоръ на висѣвшую въ изголовьи икону Божіей Матери. Молодая женщина не молилась, у нея не хватало уже выраженій и слезъ, съ которыми она могла бы теперь обратиться къ Святой Дѣвѣ; все уже было высказано во время долгихъ молитвъ и выплакано въ цѣлыхъ потокахъ истинныхъ материнскихъ слезъ; все было вымучено страданіями, выше которыхъ нѣтъ и не можетъ быть ничего на свѣтѣ.

Теперь, глядя на образъ Пресвятой Богородицы, блѣдная мать ничего не думала, ничего не просила и только губы ея какъ-то машинально шептали: „Господи, Господи“ . . .

II.

Четыре тяжелыхъ, длинныхъ недѣли просидѣла она надъ своимъ первенцемъ, надъ своихъ единственнымъ утѣшеніемъ и отрадою въ жизни, привязавшимъ ея молодое, но измученное жизнью существо къ этому наполненному рядомъ испытаній и разочарованій міру. Теперь, когда ея сокровище гасло у нея на глазахъ, когда она уже теряла всякую надежду на выздоровленіе своего дитяти, ей казалось, что вмѣстѣ съ этимъ угасающимъ маленькимъ существомъ кончаются и ея испытанія и муки. Не могла никакъ представить себѣ измученная горемъ женщина возможность существованія безъ него, безъ этого мальчика, она не могла допустить, что онъ будетъ вырванъ изъ ея жаркихъ материнскихъ объятій холодными руками всепоглощающей смерти; жадно слѣдя за каждымъ движеніемъ ребенка ей казалось, что и она вмѣстѣ съ нимъ мучается, горитъ и задыхается.

Долго, долго стояла такъ молодая женщина надъ умирающимъ сыномъ и наконецъ въ изнеможеніи опустилась въ кресло. Сонъ вдругъ отлетѣлъ отъ нея и мрачныя мысли, какъ шмели, стали кружиться передъ нею въ видѣ самыхъ безотрадныхъ суровыхъ картинъ.

Невольно отъ тяжелой дѣйствительности она перенеслась въ свое недавнее прошлое и вся жизнь ея, мелькнувшая, какъ короткое сѣверное лѣто, предстала передъ нею. Дѣтство, роскошь, окружавшая ее съ пеленокъ; тѣсная, дружная семья, шумная жизнь въ ихъ переполненныхъ блестящею молодежью салонахъ, пер-

вый балъ, путешествіе за границу, какъ бы на яву пронеслись передъ нею и вотъ, наконецъ, она погрузилась въ воспоминанія о той полосѣ ея жизни, съ наступленіемъ которой жизнь ея сдѣлалась для нея новой, не похожей на ту, прежнюю, переполненную одними лишь отрадными воспоминаніями.

Горящій тысячами огней залъ, съ атмосферой, упитанной всеможнымъ ароматомъ духовъ, блистающія красотою и брилліантами дамы, съ оголенными плечами, офицеры, изящные статскіе: красивые, неуклюжіе, толстые, худые, старые и молодые — все сливалось въ какой-то общей, пестряющей толпѣ. Музыка казалась ей какою-то особенно обаятельной, заставлявшей трепетать ея дѣвичье сердце какимъ-то еще незнакомымъ ей до толъ трепетомъ. Увлекаемая въ вихрь вальса подъ волшебные звуки гремѣвшаго оркестра, она воображала себя парящею въ облакахъ, среди эфирныхъ существъ, какими представлялись ей всѣ окружающіе. Даже старики и старухи, сидѣвшіе вдоль стѣнъ въ удобныхъ мягкихъ креслахъ, теперь казались ей вдругъ преобразившимися и помолодѣвшими.

Но вотъ, утомленная послѣ нѣсколькихъ туровъ вальса, она опустилась на кресло и съ жадностью стала обмахиваться изящнымъ страусовымъ вѣеромъ. Глаза ея были полузакрыты отъ усталости и нѣги, навѣянной охватывавшею ея атмосферой. Рядомъ съ собою она сквозь какой-то туманъ видѣла своего кавалера. Его блестящій кавалерійскій мундиръ, красивое, немного блѣдное лицо, украшенное небольшими черными усами, выразительные глаза, впившіеся въ нее, не могли не

произвести чарующаго впечатлѣнія на чистую душу молодой дѣвушки . . .

Не отдавая себѣ отчета почему, она вдругъ почувствовала, что ни кто другой, а именно этотъ юный воинъ и есть тотъ, о которомъ она такъ много мечтала, есть тотъ самый рыцарь, появленіе котораго должно дополнить ея счастливую беззаботную жизнь.

И она не ошиблась — это былъ онъ.

III.

Менѣе чѣмъ черезъ годъ, она уже стояла съ нимъ передъ алтаремъ, а съ клироса несло стройное пѣніе хора, прославляющее новый и, казалось бы, счастливый шагъ ея жизни.

Да, она и была счастлива. Мужъ любилъ ее, угождалъ ей во всемъ, лелѣялъ, ну, словомъ, молодая женщина получила въ лицѣ его именно то, чего не хватало ей въ ея дѣвичьей жизни.

Довольно большія средства давали возможность молодымъ супругамъ жить, не вѣдая ни нужды, ни заботъ о завтрашнемъ днѣ и они не знали да и не хотѣли знать житейскихъ тревоженій, развлекались, стараясь взять отъ жизни все, что только позволяли ихъ средства и молодая силы.

Марія Васильевна Нелидова любила своего мужа больше всего въ мірѣ, уважала его за ту поистинѣ рыцарскую деликатность, съ которою онъ всегда обходился съ нею, она видѣла въ немъ настоящаго мужчину, вѣрнаго друга и надежную опору въ своей жизни.

Дни шли за днями, незамѣтно пролетѣлъ годъ и

молодая женщина готовилась скоро сдѣлаться матерью. Сколько волненій, сколько безпокойства пережили молодые за время ея беременности и вотъ теперь она вспомнила этотъ знаменательный день рожденія своего первенца, сдѣлавшагося для нея дороже всего на свѣтѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ разбившаго своимъ появленіемъ ея счастливую жизнь.

Приглашенная къ наступающимъ родамъ молодая акушерка съ черными, блестящими глазами, кокетливо одѣтая и веселая, стала замѣтно обращать на себя вниманіе ея мужа, который вдругъ сдѣлался черезъ мѣру предупредительнымъ съ молодой дѣвушкой и даже иногда въ ущербъ своей больной женѣ. Правда, что акушерка была очаровательно хороша и не заглядѣться на нее не было никакой возможности, но пристальные взгляды мужа раздражали Марію Васильевну волновали ее, вызывая даже иногда жгучія слезы ревности.

Ревнуя мужа, она чувствовала это, но ей было стыдно сознаться ему въ этомъ новомъ, внезапно нахлынувшемъ чувствѣ и мужественно борясь съ овладѣвшею ея существомъ ревностью, она не дѣлала ему обыкновенныхъ въ этихъ случаяхъ сценъ.

Между тѣмъ Петръ Петровичъ, не замѣчая самъ того, дѣйствительно, мало по малу увлекся акушеркой. Сначала просто ради развлечения, такъ какъ беременная, стонущая жена, превратившаяся въ неуклюжую, капризную женщину, немного раздражала его и онъ искалъ себѣ въ ухаживаніи за акушеркой отвлеченія отъ охватывавшей его скуки.

Не углубляясь въ причины перемѣны его жены, онъ весь отдавался увлеченію молодости, жажда жизни, любви и ласки и не имѣя ихъ — тосковалъ по-мужски недоступною для женщинъ тоскою.

Петръ Петровичъ любилъ, уважалъ свою жену, боготворилъ и оберегалъ ее, но онъ былъ молодъ, полонъ силы и страсти и онъ увлекся...

Красивый и интересный мужчина, конечно, не могъ не произвести впечатлѣнія на молодую дѣвушку, которая влюбилась въ него, кокетничала и все болѣе увлекала пылкаго и безхарактернаго Нелидова.

Въ тотъ ужасный и счастливый моментъ, когда совершилась великая тайна природы, онъ полулежа на отоманкѣ, блѣдный, съ трясущейся челюстью, въ ожиданіи страшной минуты, приносилъ искреннюю мольбу Всевышнему, о спасеніи той, которая теперь была для него всего дороже на свѣтѣ. О ребенкѣ онъ не думалъ, ненавидя его въ эти минуты отчаянія, какъ причину, могущую погубить его дорогую, милую Марусю... Вотъ когда Нелидовъ искренно, горячо и беззавѣтно любилъ свою жену.

Наконецъ раздался плачь ребенка и не въ силахъ больше владѣть собою Петръ Петровичъ бросился къ дверямъ спальни.

Больная лежала еще подъ дѣйствіемъ хлороформа.

Счастливый и радостный цѣловалъ онъ руки молодой матери и нѣжно глядѣлъ на сморщенное, красное тѣлице своего первенца-сына.

Но опасность прошла, прошелъ съ нею и порывъ, обуявшій его существо въ страшныя минуты,

когда смерть незримо витала въ его домѣ. Настала опять тоска.

Слабая и безпомощная лежала Марія Васильевна въ постели, жадно прислушиваясь къ веселому смѣху акушерки, раздававшемуся изъ гостиной; сердце ея разрывалось на части, когда до ея уха долетали отрывистыя веселыя фразы ея Пети. Несчастливая женщина готова была вскочить, броситься въ столовую и растерзать ненавистную для себя соперницу, но она прощала ему, понимая своимъ чуткимъ умомъ, что ему скучно, что онъ ищетъ себѣ развлеченія.

Не желая обидѣть его напраснымъ подозрѣніемъ, Марія Васильевна всячески старалась утѣшить себя и какъ будто успокаивалась; вѣдь она любила и уважала мужа настолько, что не могла упрекать его въ чемъ либо скверномъ; чистая какъ ангелъ она мѣрила и его по себѣ, зато муки ея были нестерпимы.

Наконецъ, Марія Васильевна встала съ постели и немного пришла въ себя; ненавистной особы уже не было въ ея домѣ, да и сынъ отнималъ большую часть времени, заботъ и энергіи: она принадлежала теперь двумъ существамъ.

Между тѣмъ Петръ Петровичъ, занятый только днемъ службою въ полку, сталъ чаще и чаще отлучаться по вечерамъ, ссылаясь на постоянную пискотню Коли, будто бы вредно отзывающуюся на его нервахъ.

Мало-по малу онъ вернулся къ прежней своей безшабашной жизни, сталъ приходитъ домой поздно по ночамъ съ сильнымъ букетомъ отъ выпитаго вина въ веселой компаніи товарищей и въ этихъ случаяхъ всегда Петръ

Петровичъ любилъ разсказывать своей женѣ о своихъ похожденияхъ, думая подобною откровенностью установить съ ней истинно дружескія отношенія: молъ „видишь, я отъ тебя ничего не скрываю“. Въ первое время его семейной жизни въ такихъ разсказахъ не было ничего оскорбительнаго для Маріи Васильевны и она даже не рѣдко смѣялась отъ души, слушая о разныхъ смѣшныхъ выходкахъ его полупьяной компаніи.

Но вотъ однажды онъ, въ слезахъ, ломая себѣ руки и валяясь въ ногахъ жены признался ей въ первой своей измѣнѣ, и она, чистая, невинная, не понимая всей низости и гадости его поступка, рыдала на его же груди, стараясь успокоить его пьяный, грязный порывъ откровенности.

Ея жизнь теперь была посвящена ребенку, она цѣликомъ отдалась ему, презирая все остальное.

Ни балы, ни театры, куда выѣзжала она съ мужемъ, не занимали ее: толпа ухаживателей и искателей ея взаимности, правда, были для нея развлеченіемъ, но выше и впереди всего всегда былъ ея маленькій Ника.

IV.

Прошло пять лѣтъ и многое измѣнилось въ жизни Маріи Васильевны, она какъ то свыклась съ поведеніемъ своего мужа, и уже не такъ страдала отъ его выходокъ, какъ это было въ первые годы замужества, но вотъ одно обстоятельство вдругъ заставило ее взглянуть на Нелидова тѣми глазами, какими она должна была смотреть на него значительно раньше.

Однажды Марія Васильевна тихо спала въ своей постели, какъ въ передней раздался звонокъ и послѣ непродолжительной возни ввалился въ спальню Петръ Петровичъ. Лицо его было багрово-красное, глаза лихорадочно свѣтились, въ рукѣ онъ держалъ прекрасную чайную розу.

Невѣрною походкой подошелъ Нелидовъ къ постели жены и сѣвъ въ ногахъ ея, началъ разсказывать о томъ, какъ онъ съ Мишей Котковымъ, Сережей Потockимъ и Коко Стрѣльскимъ были съ Мими и Жени Ламмъ — въ маскарадѣ, а оттуда увы, попали въ одно мѣсто, куда его затащили . . .

— Но и тамъ я все думалъ о тебѣ, моя милочка, — сказалъ онъ, — вотъ посмотри, я даже захватилъ для тебя розу. . .

Но онъ не кончилъ. . .

Бѣдная женщина громко и истерически зарыдала. . .

О, что это была за минута! Сконфуженный, уничтоженный, онъ какъ воръ, пойманный у взломаннаго шкафа, растерялся и бросился за водой.

— Уйдите, уйдите прочь . . . простонала несчастная женщина и снова громко зарыдала.

И онъ ушелъ, ушелъ приниженный, но и возмущенный ею; мелкая, низменная душенка развращеннаго до мозга и костей человѣка не могла постичь того ужаса, той жгучей обиды, которую онъ нанесъ честной и любящей женѣ, обиды, которая не прощается и не забывается въ продолженіи всей жизни.

Марія Васильевна обновилась, теперь она сдѣлала своему мужу окончательную сцену и совершенно отстра-

нила его отъ себя. Пребываніе съ этимъ человѣкомъ подъ одной крышей сдѣлалось для нея нестерпимымъ, она твердо рѣшила покинуть его и вотъ, несмотря, ни на мольбы, ни на угрозы, забравъ самое необходимое изъ своего имущества, вмѣстѣ съ своимъ Никой, оставила Нелидова и изъ Москвы переѣхала въ Петербургъ.

Средства почти всѣ изсякли, предстояла тяжелая борьба съ житейскими невзгодами, но Марія Васильевна смѣло пошла имъ на встрѣчу, преодолевая всѣ препятствія и удары судьбы.

Такъ прожила она нѣкоторое время, не зная ничего о когда-то любимомъ и теперь презираемомъ ею человѣкѣ, а онъ и не думалъ о ней, забыть о ея существованіи, отдаваясь своей безшабашной, буйной жизни, посвященной пьянству и разврату.

Ника росъ и укрѣплялся попеченіями матери, отдававшей ему всю свою душу и всецѣло посвятившею себя своему единственному утѣшенію въ жизни. Но вотъ судьба нанесла тяжелый ударъ ея измученному сердцу. Мальчикъ вдругъ заболѣлъ и заболѣлъ жестоко и непоправимо. Дефтеритъ въ злокачественной формѣ былъ констатированъ врачами, смерть казалась неизбежною.

Въ отчаяніи, оставленная совершенно одинокой испугавшимися родными, знакомыми и ухаживателями, несчастная мать съ самоотверженностью ходила за больнымъ сыномъ и уже три недѣли какъ не смыкая глазъ, проводила дни и ночи у постели Ники. Но вотъ доктора объявили ей, что спасенія не будетъ, умоляли ее беречь себя отъ ужасной заразы, но конечно эти совѣты были для нея пустыми словами.

V.

Ночникъ вдругъ ярко вспыхнулъ дрожащимъ свѣтомъ и потухъ . . .

Марія Васильевна вздрогнула и схватилась за сердце; ей показалось, что вмѣстѣ съ этимъ погасшимъ свѣтомъ, погасла и жизнь дорогого ей существа и вотъ она нервно сорвалась съ кресла и близко склонилась надъ мальчикомъ. Онъ часто и порывисто дышалъ.

— „Бѣдный, милый мой, сокровище мое!“ — простонала несчастная мать, и вдругъ, какъ-бы подъ влияніемъ невѣдомой силы, она схватила умирающее дитя и, взявъ его на руки, прижала къ своей пламенной материнской груди.

Марія Васильевна дѣлала это какъ-то безсознательно, въ какомъ-то полузабытьѣ, не вѣдая для чего и почему, и только чувствуя инстинктивно, что это такъ надо. Голова мальчика, исхудалая съ огненнымъ румянцемъ безпомощно повисла въ воздухѣ, изо-рта текла какая-то бѣлесоватая пѣна, но мать не разсуждала, она прижимала дитя все сильнѣе и сильнѣе къ своей груди, какъ бы желая влить въ его безпомощное тѣльце живительную силу своего мощнаго здороваго тѣла.

Начало свѣтать. Вотъ уже лучъ утренняго солнца ворвался въ щель, образовавшуюся между занавѣсами, а она все держитъ своего Нику, все грѣетъ его своимъ тѣломъ, глаза ея лихорадочно свѣтятся фосфорическимъ свѣтомъ и какая же мощь, сила видна въ нихъ.

Ника спокойно дышетъ, приложивши свою головку къ материнскому сердцу, его личико носитъ какой-то но-

вый отпечатокъ полнаго спокойствія. Вотъ уже полдень, а мать все не выпускаетъ изъ рукъ свое сокровище и вдругъ Ника открылъ глазки и произнесъ: „пить“.

Кажется, ничего больше не нужно было для полнаго счастья измученной женщины, этотъ возгласъ, котораго она уже не слышала цѣлую недѣлю, былъ для нея выше всего въ мірѣ. Не выпуская изъ объятій сына, Марія Васильевна бросилась къ звонку и позвонила. Прибѣжалъ фельдшеръ, дежурившій при больномъ, помогъ ей приготовить свѣжее питье и вотъ черезъ нѣсколько минутъ Ника жадно пилъ лимонадъ изъ рукъ сіяющей счастьемъ матери.

Приѣхавшій въ 4 часа докторъ внимательно осмотрѣлъ больного, покачалъ головою и, выслушавъ разсказъ Маріи Васильевны, сказалъ:

— Только вамъ онъ обязанъ своимъ спасеніемъ, это вашъ животный магнетизмъ спасъ умирающаго, — Ника спасень.

VI.

Чудный августовскій день рѣдкое явленіе въ Петербургѣ и какъ разъ 9-го августа погода удалась на славу.

На дебаркадерѣ балтійской желѣзной дороги въ ожиданіи поѣзда изъ Краснаго-Села толпится много народу. Здѣсь виднѣются и военные, и статскіе, и дамы, и кадеты, всѣ съ нетерпѣніемъ всматриваются въ даль, откуда долженъ показаться поѣздъ.

На одной изъ скамеекъ сидитъ красивая среднихъ лѣтъ блондинка въ изящномъ сѣромъ костюмѣ. Ея

роскошные, золотистые волосы привлекаютъ невольно всеобщее вниманіе.

— Посмотри, какая красавица, — указывая на нее глазами, сказалъ пажъ, толкнувъ стоящаго рядомъ съ нимъ кавалериста.

— Да, удивительная, — не безъ восхищенія вторить тотъ, лорнируя ее черезъ пенснэ, — какіе чудные волосы...

Но разговоръ оборвался раздавшимся вдали свисткомъ, — всѣ спѣшатъ къ краю дебаркадера.

— Господа, прошу отойти, — раздается озабоченный голосъ жандарма и вотъ, пыхтя и стуча, поѣздъ подкатываетъ къ платформѣ.

Цѣлая масса молоденькихъ лицъ въ офицерскихъ фуражкахъ, въ новыхъ погонахъ и блестящихъ чистою и новизною кителяхъ виднѣются и въ окнахъ, и на площадкахъ вагоновъ, всѣ они одинаково сіяютъ счастьемъ, радостью, всѣ они одинаково красивы и даже самыя неизящныя лица и тѣ имѣютъ что-то чудное, обаятельное. Молодые люди, только за часъ произведенные въ офицеры, бросаются въ толпу, слышны поцѣлуи, поздравленія, слезы умиленія матерей и видны радостныя улыбки барышень.

Блондинка безпокойно осматриваетъ эту молодую, полную жизни и радости толпу, сердце ея сильно бьется... — „А вдругъ его нѣтъ“, — тревожно думаетъ она, въ то же время прекрасно сознавая, что этого быть не можетъ, что онъ непременно здѣсь между ними, но тѣмъ не менѣе это нелѣпое безпокойство овладѣваетъ ею.

Но вотъ и онъ бѣжитъ къ ней на встрѣчу, увидѣлъ ее, улыбается. Ахъ, какъ онъ хорошъ, какъ ему идетъ артиллерійская фуражка, какъ мило сидитъ китель, какой онъ стройный и большой...

— Ника! дорогой, милый! — кричитъ она и бросается къ нему въ объятія... А онъ цѣлуетъ ее въ губы, въ глаза, руки, взоръ его сіяетъ счастьемъ и гордостью, онъ успокаиваетъ ея порывъ и, предложивъ матери руку, ведетъ ее къ выходу.

Теперь Марія Васильевна счастлива, теперь достигнута цѣль ея жизни, она удовлетворена и считаетъ себя счастливѣйшей изъ смертныхъ.

А сколько трудовъ, сколько лишеній и горести стоило ей это счастье. Кадетскіе годы Ники прошли для не незамѣтно, онъ росъ въ корпусѣ, на праздники приходилъ къ ней въ отпускъ и ему, мальчику, не были замѣтны тѣ стѣсненные рамки, въ которыхъ жила его мать. Ника имѣлъ все, каждая его прихоть исполнялась безусловно.

Бывало, у Маріи Васильевны положительно гроша не было въ карманѣ, но долженъ придти Ника, нужно его отпустить на катокъ или пойти съ нимъ въ циркъ и вотъ эта гордая, эта привыкшая къ полной жизненной чашѣ женщина, сама несла въ ломбардъ свои золотыя вещицы, и когда источникъ изсякъ — начала закладывать платя.

Но вотъ Ника юнкеръ. Ника такой добрый, ласковый, ну какъ же не баловать его, какъ же заставлятъ его невольно понимать ея тяжелое положеніе. Не могла Марія Васильевна допустить этого, больше всего она

оберегала внутренній міръ своего сына. — „Пусть онъ будетъ счастливъ пока я жива, — говорила она, — при мнѣ ему хорошо, зачѣмъ же волновать его дѣтскую душу житейскими вопросами — успѣетъ еще“.

Ника шелъ посредственно и повидимому долженъ былъ окончить училище по первому разряду и она не требовала отъ него ничего большаго, хорошо понимая, что не въ томъ дѣло, какъ окончить училище, а лишь бы окончить его и выйти въ офицеры.

Одно только обстоятельство огорчало любящую мать, а именно, что ласковый, привѣтливый Ника скучалъ, оставаясь вдвоемъ съ нею, она не могла себѣ представить, какъ это онъ могъ большую часть времени проводить внѣ ея общества. Сама не замѣчая того, Марія Васильевна ревновала его къ товарищамъ, къ семействамъ, гдѣ онъ бывалъ, но материнская любовь была сильнѣе разсудка и вотъ для нея начались новыя, хотя и тайныя муки, несмотря на это, она ни однимъ взглядомъ никогда не намекала сыну на его казавшееся ей равнодушіе къ матери.

Да, ему было и не до того: близились экзамены, лагеря, производство. Онъ суетился, хлопоталъ объ обмундировкѣ, волновался... и вотъ Ника офицеръ, ведетъ свою мать подъ руку, ему отдають честь солдаты, слегка улыбаясь его счастливому лицу и каждая улыбка какъ бы говоритъ: „Поздравляю ваше благородіе!“

Начались визиты, вспрыскиваніе офицерскаго мундира, и Марія Васильевна все это время проводила въ одиночествѣ. Она понимала, что ему скучно быть въ ея обществѣ, но все же она страшно томилась.

Графъ Завадскій, много лѣтъ ухаживавшій за нею и единственный, пользовавшійся ея вниманіемъ среди многочисленной толпы поклонниковъ, теперь уже не развлекалъ ее своею остроумною бесѣдою. Марія Васильевна тосковала, даже плакала тайкомъ. Но все же она была счастлива.

Но вотъ Ника уѣхалъ къ отцу и четыре недѣли находился въ отсутствіи. Въ первый разъ она разставалась съ нимъ на такой долгій срокъ и теперь она считала дни, часы, минуты, остававшіеся до его возвращенія. Какъ пусто стало вдругъ вокругъ нея, какъ мучительно было томительное ожиданіе.

Оставаясь одна и предаваясь размышленіямъ, большею частью мрачнымъ, Марія Васильевна невольно стала задумываться о судьбѣ своего сына. — „А вдругъ война, — съ ужасомъ думала она, — тогда вѣдь у меня отнимутъ его“. И вотъ подъ впечатлѣніемъ этихъ размышленій она вдругъ натолкнулась на счастливую идею и со свойственною ей рѣшимостью привела свой планъ въ исполненіе.

На удивленіе всѣмъ своимъ роднымъ и знакомымъ Марія Васильевна вдругъ поступила на курсы въ Красный Крестъ въ общину сестеръ милосердія.

Сѣренькій простой костюмъ, гладкая прическа, бѣлый платочекъ, не портили ея красоты и въ нихъ она оставалась все тою же прекрасной и свѣтлой. Съ какою аккуратностью посѣщала она лекціи, съ какимъ самоотверженіемъ ухаживала за больными въ госпиталѣ — это было изумительно, и начальница общины, скептически отнесшаяся къ красавицѣ-аристократкѣ, взяв-

шейся, по ея словамъ, не за свое дѣло, теперь совершенно иначе уже отзывалась о ней, повторяя всѣмъ и каждому: — „Да это не женщина, это герой какой-то“...

А она молча, спокойно дѣлала свое дѣло.

VII.

На дебаркадерѣ вокзала большое движеніе. Готовится къ отправкѣ воинскій поѣздъ. Множество офицеровъ въ походной формѣ толпятся группами въ разныхъ мѣстахъ. Комендантъ станціи, толстый полковникъ суетливо бѣгаетъ отъ одного вагона къ другому, солдаты съ веселыми загорѣлыми лицами выглядываютъ изъ товарныхъ вагоновъ и ихъ веселый смѣхъ и говоръ наполняетъ воздухъ.

— Эхъ братъ и вдаримъ мы на китайца, значить, — хлопая себѣ по ладони кулакомъ, говоритъ одинъ здоровенный солдатъ съ толстымъ какъ картошка носомъ, посаженнымъ на кругломъ широкомъ лицѣ.

— А коли онъ тебя-то, того, — отвѣчаетъ ему сердито унтеръ-офицеръ.

— Ну, меня то шалишь, до меня-то далеча, — возражаетъ толстякъ, что я — рядовой, ему, поди начальниковъ надо, „лычниковъ“ да „галунниковъ“, а я что!

Унтеръ не отвѣчаетъ ему и сердито отворачивается.

— А далече, знать, ѣхать то, поди съ мѣсяцъ въ дорогѣ намаетесь, сердечные вы мои, — причитываетъ, всхлипывая, баба, провожающая своего дружка на войну.

— Полно выть, — успокаиваетъ ее тотъ, — ишь вѣдь народъ кругомъ, нешто хорошо!

А та не слышитъ его, заливаема слезами, причитывая разныя глупости.

Около вагона 2-го класса стоитъ Марья Васильевна графъ и Ника.

Блѣдное лицо, и воспаленные глаза свидѣлствуютъ о состояніи ея души. Грустно смотритъ Марья Васильевна на сына, а онъ веселый, полный жизни, красивый, успокаиваетъ ее, при видѣ крупныхъ слезъ, катящихся изъ ея большихъ, нѣжныхъ глазъ.

— Мамочка, милая, не горюй, я, мамочка, скоро вернусь, вѣдь мнѣ нельзя же не итти туда, куда всѣ они идутъ, торопливо говоритъ онъ. Мамочка, какой же я тогда воинъ, защитникъ царя и отечества. Вѣдь это не съ турками воевать, ни съ нѣмцами, а съ китайской швалю. Посмотри, какимъ я молодцомъ вернусь, — и при этомъ онъ, улыбаясь, указываетъ пальцемъ на свою богатырскую грудь.

Грустная улыбка скользнула по губамъ Маріи Васильевны и она крѣпко обняла шею сына, цѣловала его, заливала слезами и онъ ощущалъ ихъ горячія капли, онъ чувствовалъ какъ они текли по его лицу, попадая въ ротъ и оставляя солоноватый вкусъ.

— Мамочка, мамочка, — еле сдерживая рыданія, съ полными слезъ глазами, повторялъ Ника, давая ей слезами умалить нахлынувшее на нее волненіе.

А бѣдная мать плакала, хватаясь за него, словно отъ нея вырывали ея сокровище безжалостныя, сильныя руки.

Графъ стоялъ поодаль, грустный и мрачный, онъ не подходилъ къ Марьѣ Васильевнѣ, онъ понималъ, что не въ силахъ ни помочь ей, ни облегчить ея глубокаго горя.

Раздался второй звонокъ, Марья Васильевна вздрогнула и обняла сына; онъ заторопился.

— Подпоручикъ Нелидовъ, — раздался голосъ изъ вагона, — ваши люди всѣ?

Ника на мгновенье повернулся и замѣтивъ толстое лицо командира, взялъ подъ козырекъ и отвѣтилъ.

Прогремѣлъ третій звонокъ. Марья Васильевна уже не плакала, она не сводила глазъ съ стоящаго на площадкѣ Ники, губы ея что-то шептали.

— Ахъ! вдругъ вспомнила Марья Васильевна — Ника, голубчикъ, я совсѣмъ забыла, она суетливо порылась въ своемъ саквояжикѣ и достала оттуда медальонъ.

— Дорогой мой, взволнованнымъ голосомъ проговорила она; — Ника быстро спрыгнулъ съ площадки, а мать дрожащими руками накинула на его шею цѣпочку и благословила его.

— Тамъ мой портретъ, Ника, помни свою маму, пиши. . . уже не въ силахъ сдержать рыданія простонала бѣдная женщина.

Раздался свистокъ, поѣздъ двинулся и мѣрно сталъ удаляться; Марья Васильевна не видѣла уже ничего, туманъ заволокъ ея зрѣніе, она рыдала, опершись на руку графа и ея слезы катились по его сѣрой шинели.

А поѣздъ, громяхая колесами, удалялся, унося отъ нея надолго частицу ея души, ея плоти и крови.

VIII.

Марія Васильевна Нелидова окончила курсы и изъ нея выработалась прекрасная сестра милосердія. Положеніе ея позволяло ей стать во главѣ одного изъ снаряженныхъ отрядовъ сестеръ на Дальній Востокъ и теперь она употребляла всѣ усилія для того, что бы достигнуть своей завѣтной цѣли. Графъ много способствовалъ ей въ этомъ, хотя все время ворчалъ и доказывалъ всю бессмысленность подобной затѣи.

— Что понятно мнѣ, того никогда не понять вашей эгоистической натурѣ, — возражала Марія Васильевна на его доводы, оставаясь непоколебимой въ своемъ рѣшеніи и онъ больше не протестовалъ. Въ душѣ графъ раздѣлялъ ея материнскій порывъ, но ему жаль было разстаться съ нею, которую онъ, какъ говорили, любилъ больше всего на свѣтѣ.

— Такъ поѣзжайте за мною, — предложила однажды Марія Васильевна графу, когда онъ особенно нылъ и жаловался на то, что остается одинъ безъ друга, безъ нравственной поддержки — вы будете тамъ полезны.

Это предложеніе очень изумило его и даже испугало, онъ смѣшался и не сразу нашель что отвѣтить ей.

— Да какъ же, — сказалъ онъ, — вѣдь меня не пустятъ, я нуженъ, князь ни за что не разстанется со мною, тѣмъ болѣе, что благодаря этой нелѣпой войнѣ, такъ запутались наши дѣла въ канцеляріи.

— Ну, вотъ видите, — прервала его Марія Васильевна, — ну и не стоните! . .

Между тѣмъ съ печелійскаго театра военныхъ дѣйствій все приходили тревожные слухи, говорили о гибели европейскихъ посольствъ въ Пекинѣ, въ газетахъ то и дѣло появлялись извѣстія о звѣрствѣ и неистовствѣ китайцевъ среди христіанъ, жившихъ въ китайскихъ провинціяхъ.

Марія Васильевна жадно перечитывала всѣ телеграммы, каждый разъ съ трепетомъ беря въ руки газету. Писемъ за послѣднее время отъ сына она не получала и не знала, гдѣ онъ и что съ нимъ. Въ штабѣ ей положительно не могли ничего сказать опредѣленнаго, — тамъ все держалось въ какой то тайнѣ, да собственно никто и не зналъ, что творилось даже за недѣлю на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Отрядъ, въ который вступила Марія Васильевна, готовился въ дорогу и вотъ она уже въ Одессѣ, она рвется скорѣе въ путь, досадуетъ на медленность сборовъ, она уже тамъ мысленно около него, своего дорогого, единственнаго сокровища, — она видитъ его, слышитъ его голосъ, гладитъ по головочкѣ и нѣжно смотритъ въ его большіе, сѣрые, совершенно материнскіе глаза.

Наступилъ и день отправленія парохода.

Горячо молилась любящая мать передъ тою же иконою Богородицы, которая висѣла въ изголовьѣ умиравшаго отъ дифтерита Ники, она рыдала стоя на колѣняхъ передъ этимъ образомъ, взывала къ Святой Дѣвѣ, моля спасти, сохранить ея сокровище, — больше она ничего не просила и съ этою молитвою, съ этимъ скромнымъ желаніемъ, полная надежды и вѣры, Марія Васильевна пустилась въ далекій и опасный путь.

IX.

По прибытіи въ Портъ-Артуръ, Ника былъ сейчасъ же отправленъ въ отрядъ, шедшій на выручку адмирала Сеймура и выдержалъ жестокій бой съ китайцами подъ Тянь-Цзинемъ.

Судьба улыбалась ему, онъ съ честью исполнялъ свое дѣло и безстрашно управлялъ огнемъ подъ неприятельскими выстрѣлами.

— Ишь, какой молодецъ, этотъ Нелидовъ,—услышалъ онъ однажды отзывъ о немъ своего командира, обратившагося къ одному изъ штабъ-офицеровъ.

Толстый подполковникъ изъ туркестанцевъ съ анненскимъ темлякомъ на шашкѣ, которому была сказана эта фраза, обернулся и посмотрѣлъ на Нелидова.

— Да, изъ этого юноши будетъ прокъ, г. полковникъ,—отвѣтилъ онъ и, прищпоривъ китайскую лошадинку, поѣхалъ дальше.

Ника густо покраснѣлъ, но ему вдругъ сдѣлалось такъ радостно и легко на душѣ.

Между тѣмъ, китайцы открыли сильную пальбу и на одной изъ ближайшихъ высотъ Нелидовъ увидѣлъ два орудія, снимавшихся съ передковъ, около которыхъ возились китайцы. Онъ взялъ бинокль и присмотрѣлся: это были двѣ китайскія пушки, приготовлявшіяся къ открытію огня; отнявъ отъ глазъ бинокль, Ника въ одинъ моментъ опредѣлилъ разстояніе, хотѣлъ скомандовать прицѣлъ, но вдругъ что то блеснуло около него въ нѣсколькихъ шагахъ и ему показалось, что огненная змѣя проползла мимо его ногъ, за-

тѣмъ грянулъ оглушительный ударъ. Струя горячаго воздуха пахнула ему въ лицо и сшибла фуражку, онъ схватился руками за нее и надвинулъ обратно.

— Ну, слава Богу, пронесло,—подумалъ Ника и хотѣлъ подать команду, но... что это? его рука точно онѣмѣла, въ глазахъ запрыгали круги.

— Господи! да что это такое?—прошепталъ онъ и передъ нимъ какъ будто опустились сумерки, въ головѣ стоялъ какой-то шумъ, въ вискахъ сильно стучало и онъ почувствовалъ, что голова его уперлась обо что-то твердое и холодное...

X.

Въ полевомъ лазаретѣ шла дѣятельная работа; измученный за день докторъ перевязывалъ съ помощью фельдшера раненыхъ; здѣсь были и французы, и англичане, нѣмцы и русскіе.

На низкихъ носилкахъ, прикрытый сѣрой офицерской шинелью лежалъ Ника и слегка стоналъ. Молоденькая сестра милосердія, склонившись надъ нимъ, измѣряла температуру и время отъ времени прикладывала къ его головѣ холодные компрессы. Раненый открылъ воспаленные глаза и страдальческимъ голосомъ попросилъ пить. Сестра бросилась за водою. Видъ молодого раненаго офицера переворачивалъ ея душу, она еле владѣла собою, что бы не разрыдаться надъ молодымъ мученикомъ, перенесшимъ тяжелую операцію.

Вдалекѣ раздавались выстрѣлы, сильно волновавшіе больного.

— „Что? гдѣ?“ вдругъ открывая глаза тревожно спрашивалъ онъ: „сюда? я сейчасъ“... И онъ силится подняться, а сестра успокаивала его и все чаще и чаще мѣняла примочку.

Наступилъ вечеръ, а за нимъ на землю спустилась темная южная ночь. Звѣзды загорѣлись на чернѣющемъ небосклонѣ, равнодушно поглядывая, какъ люди изъ алчности наживы убивали другъ друга, рвали на куски человѣческое тѣло, обагривая горячею молодою кровью свою кормилицу-землю.

Эти нѣмые свидѣтели кровавой драмы, разыгрывавшейся на полѣ брани то потухали, то загорались съ новою силою, являясь какъ бы доказательствомъ небеснаго могущества и брэннаго ничтожества земли.

Ника не спалъ, глаза его блуждали въ темнотѣ, онъ чувствовалъ что-то особенное, такое родостное;— передъ нимъ вдругъ ясно предстала его мама; ему казалось, что вотъ склонилась она надъ его постелью, ея волосы щекотятъ его щеки, вотъ она цѣлуетъ его...

Онъ открылъ глаза. Чуть замѣтный свѣтъ фонаря наполнялъ темное пространство, полотнище лазаретной палатки мѣрно покачивалось надъ нимъ, ему вдругъ сдѣлалось душно...

— „Сестрица?“ — простоналъ больной. Никакого отклика не было.

— „Сестрица?“, повторилъ онъ громче. Въ углу палатки что-то завожилось и сестра любовно склонилась надъ нимъ.

— „Сестрица, зажгите свѣчу“... — простоналъ

Ника,—„скорѣе!“—раздраженно заторопилъ онъ сестру милосердія, кинувшуюся за спичками.

— „Мнѣ плохо“... — вдругъ сказалъ онъ, — „дайте ближе свѣчу, медальонъ дайте... медальонъ, голубушка, медальонъ“...

Сестра не понимала что отъ нея требуютъ, растерялась и вопросительно смотрѣла на офицера.

— Вотъ здѣсь—указывая на шею, простоналъ онъ. Она бережно сняла съ его шеи цѣпочку, на которой висѣлъ большой медальонъ.

— Раскройте—проговорилъ Ника... Сестра открыла медальонъ и умирающій жадно схватилъ его и впился глазами въ дорогой ему образъ.

— „Мама милая, бѣдная мама“, — прошептала онъ и крѣпко прильнулъ высохшими губами къ портрету...

Сестра опустилась возлѣ кровати и плакала...

Къ разсвѣту Никѣ сдѣлалось хуже, онъ впалъ въ безпамятство, не выпуская изъ руки медальона, а съ первыми лучами восходящаго солнца его не стало.

А тамъ на „Добровольцѣ“, въ своей маленькой каютѣ, склонившись передъ иконой Богаматери, несчастная мать молилась о спасеніи сына, полная вѣры, надеждъ и упованія.

ЮНУСКА АРБАКЕШЪ.

I.

Тяжело живетса Юнускъ.

Вотъ ужъ 12 лѣтъ занимается онъ извозомъ, а все на немъ тотъ-же старенькій рваный халатъ, пропитанная потомъ и саломъ тюбитейка, да стоптанные неуклюжіе сапоги. Даже голова его зачастую по цѣлымъ мѣсяцамъ не видитъ бритвы.

Съ завистью посматриваетъ Юуска на другихъ арбакешей¹⁾, когда они веселой вереницей, заткнувъ свою заунывную пѣсню, бодро ѣдутъ къ базару въ щегольскихъ халатахъ, съ веселыми сытыми лицами, обгоняя его тощую лошаденку, съ большимъ напряженіемъ, влачащую обветшалую арбу.

Тяжело на душѣ становится у Юуски, при видѣ счастливыхъ сотоварищей, и онъ, глубоко вздыхая, сворачиваетъ въ сторону, чтобы дать дорогу нагнавшимъ его арбамъ. Если бы были деньги, то купилъ бы Юуска себѣ новую чистенькую арбу, впрегъ бы въ нее хорошую лошадь, завелъ бы себѣ щегольской халатъ и сталь-бы, какъ другіе арбакешы, возить изъ города въ городъ баевъ²⁾. А теперь какой же пассажиръ сядетъ въ его грязную арбу, съ растрепанной плетенкой, сквозь которую неистово печетъ солнце, да при томъ, когда лошаденка еле, еле

¹⁾ Арбакешъ — извозчикъ.

²⁾ Бай — купецъ богатый.

влачить ее своею неровною ходою¹⁾ не болѣе четырехъ верстѣ въ часъ.

Хотѣлъ было еще въ прошломъ году Юуска обновить свой экипажъ, да не судилъ ему Аллахъ привести въ исполненіе этого намѣренія. Пришли какіе то русскіе чиновники, порубили въ его саду деревья, тянули цѣпь изъ желѣза, ставили палки и смотрѣли въ какую то штуку, какой никогда еще Юуска и не видалъ до той поры.

Испугался арбакешъ, думалъ, что отбираютъ отъ него его землю, тѣмъ болѣе, что тутъ и Ахметъ-Байминъ-баши²⁾ находился значить, важные господа были эти русскіе. Выволокъ Юуска старый палацъ, согрѣлъ кунганчикъ³⁾ чаю, кишмишу положилъ на мѣдный подносъ, сбѣгалъ къ муллѣ Махмуту — лавочнику и взялъ у него на 4 копѣйки русскаго сахара. Пригласилъ онъ тюру⁴⁾ и его помощника отвѣдать дастархана⁵⁾, все же, молъ, не съ пустыми руками встрѣтитъ Юуска господъ.

Всталъ онъ за карагачъ⁶⁾ и видитъ, что самъ Ахметъ-Бай волостной, въ широкомъ серебряномъ поясѣ бѣгаетъ и услуживаетъ русскимъ.

— Э! значить большіе господа собрались въ его саду, думаетъ Юуска, а у самага такъ и стучить

¹⁾ Хода — аллюръ.

²⁾ Минъ-баши — волостной управитель. На востокъ эти должностныя лица пользуются огромною властью и вліяніемъ среди туземнаго населенія.

³⁾ Кунганъ — чайникъ.

⁴⁾ Тюра — баривъ.

⁵⁾ Дастарханъ — угощеніе.

⁶⁾ Карагачъ — родъ дерева.

сердце подъ старымъ халатомъ, такъ что и удары его слышитъ бѣдный арбакешъ.

Смотритъ онъ, какъ расположились на его палацѣ, на которомъ онъ ежедневно приноситъ горячую молитву Аллаху, русскіе чиновники, видитъ, какъ наливаютъ они въ піалю¹⁾ аракъ²⁾ и, громко побрякивая, залпомъ осушаютъ чашку. Видитъ, какъ рѣжетъ одинъ изъ нихъ что-то длинное, посмотрѣлъ Юусъ и сплюнулъ даже. Свинину ѣдятъ его гости и лежитъ она на его палацѣ. Неприятно стало Юускѣ, а развѣ можетъ онъ протестовать русскимъ тюрамъ, когда самъ волостной тутъ же и даже не побрезгалъ запрещеннымъ аракомъ.

Кончили завтракъ чиновники и около самага дома Юускина забили какую-то палку въ землю и, окопавъ ее холмомъ, ушли дальше, не поблагодаривъ даже хозяина.

Хотѣлъ было арбакешъ спросить у джигита волостного управителя—зачѣмъ приходили сюда господа, да не посмѣлъ онъ. Еще побьетъ, чего добраго джигитъ, ужъ больно скверные люди служатъ у волостного. Собралъ свое угощеніе Юуска и побрѣлъ онъ подбросить клеверу тощей своей лошаденкѣ.

Взялъ онъ одинъ снопъ и несетъ его въ конюшню, да раздумываетъ о странномъ посѣщеніи русскихъ и о колѣ, что забили они возлѣ его сакли, тѣмъ болѣе, что минъ-баши строго-на-строго приказалъ Юускѣ беречь этотъ колъ подъ страхомъ тяжкаго наказанія.

¹⁾ Піаля — чашка.

²⁾ Аракъ — водка.

— А скверные люди стали нынче, — разсуждаетъ Юнуска, — вишь сколько деревьевъ испортили даромъ, — подумаль онъ, увидѣвъ срубленную яблоню, — а кто мнѣ заплатитъ за это — пожалуй аминъ ¹⁾, сдеретъ еще 3 теньги (60 коп.) за то, что русскій тюра прѣзжалъ. Ужъ это всегда такъ. Вотъ хотъ бы въ прошломъ году, когда хакимъ ²⁾ ѣздилъ по волости, въ самую рабочую пору дѣло было, такъ всѣхъ жителей джигиты выгоняли дорогу поправлять, а потомъ еще по два рубля съ кибитки собрали для волостного. — Много денегъ, значить, на хакима истратилъ минъ-баши. Ой-бой! — вздохнулъ Юнуска и, бросивъ на землю снопъ клевера, растрепаль его и сталъ разнуздывать своего гнѣдого работника.

Лошаденка, почуя свѣжую зелень клевера, нетерпѣливо заржала, порываясь захватить сочные стебли вкусной травы.

— Тохта ³⁾, — остановилъ порывъ голоднаго животнаго Юнуска, разнуздавъ лошадку, подвелъ ее къ столбу и закрѣпилъ за него арканъ.

Лошадь съ жадностью, заложивъ уши и косо поглядывая на арбакеша, какъ бы боясь, что у нея отнимутъ пищу, стала поспѣшно жевать зеленый клеверъ, а хозяинъ медленно побрелъ въ саклю.

— Хамра, а Хамра! — крикнулъ онъ, подходя къ низкой двери своего жилища.

— Нима! ⁴⁾, — раздался оттуда рѣзкій женскій го-

¹⁾ Аминъ — сельскій старшина.

²⁾ Хакимъ — начальникъ уѣзда.

³⁾ Тохта — погоди, стой.

⁴⁾ Нима — что.

лось и вслѣдъ затѣмъ изъ дверей вышла въ грязной ситцевой рубашкѣ сартянка, съ повязанной желтымъ платкомъ головой, держа на рукахъ маленькое голое существо, похожее скорѣе на обезьянку, чѣмъ на ребенка.

— Послушай, Хамра, — сказалъ Юнуска, — я сегодня въ Маргеланъ поѣду, авось кто-нибудь и найметъ, а ты посмотри, чтобы урюкъ ¹⁾ мальчишки не воровали.

— А акчи ²⁾ оставишь? — спросила Хамра.

— А какія тебѣ акчи? Сегодня и такъ четыре копѣйки на сахаръ истратилъ, небось съ голоду не умрешь: мука еще есть, на два дня хватитъ.

— Ну айда, майле ³⁾, — сказала сартянка и пошла обратно въ саклю, видимо не въ первый разъ приходилось слышать ей такой отвѣтъ мужа.

Запрягъ Юнуска свою арбу, да и поѣхалъ въ городъ.

Прѣхалъ онъ уже поздно и направился къ арбяному базару, только смотритъ онъ сарбазъ ⁴⁾ что-то кричитъ ему и машетъ рукою. Не понимаетъ Юнуска по-русски, но все же остановился и слушаетъ, а солдатъ тоже только по-русски знаетъ. Къ счастью нашелся по близости добрый человекъ и перевелъ онъ Юнускѣ, что нанимаетъ его солдатъ вещи перевести офицерскія.

¹⁾ Урюкъ — абрикось.

²⁾ Акчи — деньги.

³⁾ Майле — все равно.

⁴⁾ Сарбазъ — солдатъ.

Обрадовался Юнуска, видно сжалился надъ нимъ Аллахъ и посылаетъ ему на бѣдность заработокъ. Сторговался онъ за 60 коп. ѣхать къ тюрь. Посадилъ на арбу солдата и, весело потряхивая сѣдока, покатылъ по городу.

Около небольшого русскаго домика остановилъ Юнуску солдатъ и скрылся въ воротахъ.

Слѣзъ Юнуска съ лошади и сталъ полою халата вытирать ея запотѣлую морду.

— Мана тамыръ ¹⁾, сегодня ячменю тебѣ подсыплю, да и самъ чайку напьюсь, джуда-якши булады ²⁾, — сказалъ онъ своему гнѣдому товарищу и, оправивъ уздечку, помахивая нагайкой, пошелъ въ ворота.

Посреди двора стоялъ толстый офицеръ съ длинными усами. Юнуска, почтительно сложивъ на животѣ руки, прошепталъ обычное саломалейкумъ ³⁾ и сѣлъ въ сторонкѣ на корточки, заслонивши лицо свое рукавомъ халата отъ лучей, уже клонящагося къ закату солнца.

— Чего разсѣлся! — вдругъ закричалъ офицеръ, — Пойди помогай, видишь людямъ трудно управиться, — прибавилъ онъ, грозно смотря на Юнуску и указывая на солдатъ, тащившихъ большой платяной шкафъ.

Поднялся на ноги Юнуска отъ крика тюры, да только не понялъ онъ, что отъ него требуютъ.

— Должно быть нельзя здѣсь сидѣть, — подумалъ арбакешъ и направился къ воротамъ.

¹⁾ Мана тамыръ — другъ.

²⁾ Джуда-якши булады — очень хорошій будеть.

³⁾ Саломалейкумъ — привѣтствіе.

— Ахъ, подлецъ! — заоралъ офицеръ и, догнавъ несчастнаго Юнуску, схватилъ его за шиворотъ и, давъ въ шею пинка, толкнулъ къ шкафу.

— Айда, помогай! — сказалъ одинъ изъ солдатъ, жестами указывая, чтобы Юнуска помогъ ему поднять шкафъ.

Поправилъ Юнуска сбившуюся отъ толчка на затылкѣ тюбитейку и неумѣло взялся за уголь шкафа, не смѣя даже взглянуть отъ страха въ ту сторону, гдѣ стоялъ свирѣпый офицеръ.

Наконецъ, шкафъ былъ уложенъ на арбу, куда помѣстились и оба солдата.

— Ну айда, айда, — указывая на лошадь, сказали одинъ изъ нихъ.

Проученный тюрой за непониманіе русскаго языка, Юнуска теперь сразу сообразилъ, что требовалъ отъ него солдатъ, вскочилъ въ сѣдло, задергалъ поводьями и арба, переваливаясь изъ стороны въ сторону, покатылась по неровной дорогѣ.

— Осторожнѣй! — закричалъ въ догонку офицеръ. — Сидоровъ, даъ ему сорокъ пять копѣекъ, слышишь, — крикнулъ еще разъ онъ, — больше не стойтъ. Нечего баловать этихъ чертей.

— Слушаюсь, ваше благородіе, — отвѣтилъ солдатъ, а Юнуска, понукая свою лошаденку и желая всей душой угодить сѣдокамъ, бодро ѣхалъ, побѣдоносно посматривая на обгоняемыхъ имъ арбакешей.

Ѣхать пришлось далеко и уже начинало смеркаться, когда запыхавшаяся кляча остановилась около деревянныхъ воротъ.

Солдаты спрыгнули съ высокаго экипажа и стали отвязывать вещи. Юнуска усердно помогаль имъ.

— Ну вотъ, — думаль онъ радостно, — и заработокъ на сегодня есть, — значить Аллахъ не оставилъ Юнуску.

— Сарбазъ якши ¹⁾, — сказалъ онъ, весело улыбаясь и хлопая по плечу солдата, когда шкафъ былъ уже на землѣ.

— Якши, якши, — поддакнулъ солдатъ и досталь свой засаленный кошелекъ. — На, вотъ тебѣ, — сказалъ онъ, — кладя на раскрытую ладонь Юнуски два пятиалтынныхъ.

Арбакешъ стоялъ съ протянутой рукою; онъ былъ вполне увѣренъ, что солдатъ за хорошую ѣзду прибавить ему сляу ²⁾, но тотъ преспокойно положилъ кошель въ карманъ и пошелъ къ воротамъ.

— Нима бу кичкина? ³⁾, — окликнулъ солдата арбакешъ, но тотъ продолжалъ удаляться, дѣлая видъ, что не слышитъ.

— Ой! сарбазъ! а сарбазъ! — кричалъ вслѣдъ ему Юнуска и медленно шелъ за солдатомъ.

— Учъ таньга киякъ! ⁴⁾.

— Чаго? — обернулся солдатъ.

Юнуска заговорилъ по сартовски и жестами, и лицомъ выражая свое недоумѣніе, что ему заплатили только половину ряженой цѣны.

¹⁾ Сарбазъ якши — солдатъ хорошій.

²⁾ Сляу — на чай.

³⁾ Нима бу кичкина? — что это? — мало.

⁴⁾ Учъ таньга киякъ — 60 коп. надо.

— Ну, ну, проваливай, — закричалъ солдатъ, которому уже надоѣло вести переговоры съ арбакешемъ. — Мало тебѣ баринъ маклашу ¹⁾ далъ, еще хочешь?

Разсердился наконецъ Юнуска; видитъ арбакешъ, что обманули его и сталъ упорно требовать онъ своихъ заработанныхъ денегъ, даже на дворъ вошелъ за солдатомъ.

— Ну на еще пятакъ, — одобрился наконецъ тотъ и полѣзъ за кошелькомъ, но Юнуска взглянулъ на монету и, не принявъ ее, сѣлъ на корточки около калитки въ полной рѣшимости не уходить до тѣхъ поръ, пока не получитъ всѣхъ денегъ. Вскипѣло сердце Юнускино, досадно стало ему на солдата.

Долго сидѣлъ арбакешъ пока не вышелъ опять изъ дому солдатъ и не сталъ гнать его со двора. Не шелъ было Юнуска, но больно прибилъ его сарбазъ и халать даже разорвалъ, да еще его же нагайкой по лицу ударилъ.

Заплакалъ Юнуска, подошелъ онъ къ лошаdkѣ своей, сѣлъ около ея переднихъ ногъ на землю и заливается слезами, а лошадь, какъ будто понимаетъ горе своего друга-хозяина, низко опустила голову и смотритъ на него своими усталыми, грустными глазами.

Долго плакалъ Юнуска, наконецъ всталъ и подошелъ къ арыку ²⁾. Лицо его горѣло. Отъ уха до самага глаза, краснѣлся сильный рубецъ отъ удара нагайкой. Вымылъ лицо Юнуска холодною водою и освѣжился

¹⁾ Маклашу — побой.

²⁾ Арыкъ — колодезь-канава.

немного. Подошелъ онъ къ лошади и, обтеревъ своимъ длиннымъ рукавомъ ея морду, сталъ взнуздывать утомленное животное.

— Не будетъ тебѣ тамыръ, сегодня арпы ¹⁾ — вздохнувъ, сказалъ онъ своему работнику, — знать, не судилъ намъ съ тобою Аллахъ поѣсть какъ слѣдуетъ.

Слезы показались на глазахъ у Юнуски и онъ въ раздумьи опустилъ голову, а лошадь повернула къ нему свою запотѣвшую морду, какъ бы отвѣчая на его рѣчь: „не привыкать моль“.

Горько стало на душѣ у арбакеша и поѣхалъ онъ домой съ тридцатью копѣйками и съ твердымъ рѣшеніемъ больше не ѣздить въ русскій городъ.

II.

Прошла зима и Юнуска все по прежнему занимался извозомъ, только въ жизни его случилась большая переменна.

Умерли у него жена и ребенокъ. Похоронили ихъ добрые люди на свой счетъ и остался Юнуска одинъ, какъ перстъ, со своею арбой и добрымъ товарищемъ, а тутъ весною опять пріѣхали чиновники русскіе, опять ставили машины какія то, и вотъ наконецъ, потребовалъ Юнуску минъ-баши и объявилъ, что земля его отобрана подъ желѣзную дорогу и чтобы онъ убирался по добру, по здорову такъ какъ саклю его ломаютъ.

¹⁾ Арпа — ячмень.

Не понялъ ничего Юнуска, слышалъ онъ про шайтанъ-арбу ¹⁾, а для чего понадобилась его жалкая сакленка, онъ никакъ не могъ въ толкъ взять. Но разговоритъ минъ-баши, значитъ правда, да вѣдь еще сказали ему, что за землю и домъ деньги заплатятъ, ну и нечего разговаривать.

Теперь онъ понялъ, что всему причиной былъ деревянный колъ, стоящій въ его саду.

Собралъ Юнуска пожитки, получилъ бумаги отъ волостного и поѣхалъ въ г. Андижанъ, куда обѣщался ему минъ-баши выслать и деньги за отчужденную землю и имущество.

Только ужъ что то много времени прошло послѣ этого, а денегъ Юнуска не получалъ.

Собрался онъ и поѣхалъ въ свой родной кишлакъ, но не узналъ арбакешъ того мѣста, гдѣ стоялъ его домикъ, гдѣ былъ тѣнистый садъ, въ который когда то ходила доить корову его Хамра.

Все было вырублено, а отъ сакли и слѣдъ простылъ и вмѣсто нея возвышалась какая то ровная дорога съ арыками по бокамъ.

Сѣлъ на сломанный дуваль ²⁾ Юнуска, и задумался.

Вспомнилось ему прежнее, хотъ и не веселое житье, но все же въ своемъ гнѣздышкѣ. Вспомнилась ему и Хамра, его первая и единственная любовь. Вспом-

¹⁾ Шайтанъ-арба — чертова повозка, какъ называютъ сарты желѣзную дорогу.

²⁾ Дуваль — заборъ.

нилъ онъ своего больного ребенка и стало тяжело на душѣ у бѣднаго арбакеша.

То же чувство, какъ будто испытывала его лошадка, она недоумѣвающе смотрѣла на разоренное гнѣздышко, гдѣ столько лѣтъ отдыхала она отъ тяжелыхъ трудовъ среди тѣнистаго сада.

Долго сидѣлъ Юнуска на своей бывшей землѣ и, тяжело вздохнувъ, поднялся на ноги и отправился онъ къ волостному, но и здѣсь его ожидала полная неудача. Ахметъ-бай уже не былъ волостнымъ управителемъ и уѣхалъ онъ въ г. Кокандъ, а на мѣсто его былъ назначенъ Мирза-Алимъ, человѣкъ черствый и думающій только о наживѣ.

Выслушалъ онъ Юнуску и сказалъ ему, что ничего не знаетъ о его деньгахъ. Ыздилъ Юнуска и къ хакиму, но его и не допустили вовсе къ начальнику уѣзда. Такъ и канули въ вѣчность денежки несчастнаго арбакеша.

Какъ-то досталось случайно Юнускѣ хлопокъ везти въ г. Наманганъ.

Наложилъ онъ 40 пудовъ на арбу и деньги впередъ получилъ 6 рублей — сумма хорошая. Ыдетъ Юнуска по степи и думаетъ, какъ въ кишлакѣ накормить онъ своего гнѣдого ячменемъ и самъ чаю напьется и покалякаетъ на базарѣ. Затянулъ даже и пѣсню Юнуска и легко стало такъ у него на душѣ, какъ никогда еще не бывало. Нагналъ онъ трехъ арбакешей и завязалъ съ ними бесѣду.

Особенно весель былъ Юнуска, никогда еще никто не видѣлъ его такимъ. Пріѣхалъ онъ въ кишлакъ

Язаванъ, подвязалъ торбу съ ячменемъ своему коню, а самъ усѣлся въ чай-ханъ, и съ наслажденіемъ затянулся душистымъ кальяномъ.

Давно такъ не отдыхалъ Юнуска, давно не ѣлъ онъ плова и вкусный запахъ жареной баранины щекочетъ его обоняніе, возбуждаетъ аппетитъ, а тамъ въ тѣни, около арбы стоитъ его гнѣдой помощникъ и съ наслажденіемъ жуетъ крупныя зерна вкуснаго ячменя.

Поѣлъ до сыта Юнуска, снялъ торбу съ лошади и, сѣвъ на оглоблю арбы, вполне довольный теперь своею судьбою, рѣшилъ проѣхать всю ночь, чтобы къ утру быть въ Наманганъ. Такъ и сдѣлалъ Юнуска.

Лишь только солнце скрылось за горизонтомъ и съ запада повѣяла легкая прохлада, онъ запрягъ своего коня и скорою ходою выѣхалъ изъ кишлака.

Темнѣло. Одна за другою загорались звѣздочки на небѣ, красиво мерцая, какъ бы борясь съ неугасяющимъ дневнымъ свѣтомъ, и, наконецъ, пересилия его, засвѣтились во всей красѣ своей среди безпредѣльнаго темнаго пространства.

Луна поднялась изъ за темнѣвшагося на горизонтѣ горнаго хребта, красиво озаряя арбу арбакеша и лошадь, отъ которыхъ длинная тѣнь, падала на освѣщенную землю.

Вотъ и болото Сары-Су блеститъ, отражая въ водахъ своихъ серебристый свѣтъ ночнаго свѣтила. Опасно переѣзжать ночью его, ну да не въ первый же разъ ѣдетъ Юнуска по этимъ мѣстамъ. Гнѣдой и тутъ не задумавшись вступилъ въ воду и вскорѣ

арба съ шумомъ погрузилась до самыхъ осей въ холодныя воды, заросшаго камышемъ болота.

Ага-ага-га-га, А-га-га! понукаетъ Юнуска свою лошаденку, и та, напрягая всѣ свои силы, медленно влачить по илистому дну тяжело нагруженную арбу. Видитъ Юнуска, что выбивается изъ силъ лошаденка, а остановиться нѣтъ никакой возможности, засосетъ арбу такъ, что и не вытянуть потомъ, да и хлопокъ подмокнетъ.

Задергалъ Юнуска поводьями, но толку мало. Рванулась впередъ лошаденка, а арба — ни съ мѣста. Засѣли крѣпко колеса ея въ вязкое дно. Испугался Юнуска и соскочилъ въ воду. Обошелъ онъ кругомъ арбы, попробовалъ сдвинуть одно колесо, да крѣпко засѣло оно, не вытащить знать одному безъ помощника. Подошелъ онъ къ лошади, дернулъ подъ уздцы, но напрасно.

Стоитъ Юнуска по колѣна въ водѣ, опустилъ на грудь голову и не знаетъ, что дѣлать.

Хоть бы подѣхалъ кто, думаетъ арбакешъ, но какъ на зло никого не было видно кругомъ и только концертъ лягушекъ наполнялъ воздухъ. Подошелъ Юнуска къ коню и сталъ тянуть его за поводъ. Забылъ онъ про то, что утомилась его жалкая лошаденка, забылъ онъ, что цѣлыми недѣлями не ѣла она ничего, кромѣ соломы и помнилъ только арбакешъ, что кормилъ онъ ее сегодня ячменемъ. Чувство досады наполнило его существо и вызвало вдругъ злобу противъ виновнаго животнаго.

— Обожралась! — закричалъ онъ, и въ припадкѣ гнѣва сталъ стегать своего друга нагайкой.

Бѣдная лошадь рвалась въ стороны, а арба оставалась неподвижною. Наконецъ, собравши всѣ свои силы, животное, изнемогая отъ боли, въ полномъ отчаяніи ринулось впередъ и арба тронулась съ мѣста.

Ободренный Юнуска шелъ рядомъ, подсобляя ему за оглоблю тащить тяжелый возъ. Вотъ уже и берегъ недалеко, твердая сухая земля уже подъ ногами, осталось только выѣхать на небольшой откосъ.

— Ага! ага! — кричалъ Юнуска, обрадованный удачнымъ исходомъ катастрофы и, понукая лошадку, быстро зашагалъ около колесъ.

Лошадь, тяжело дыша, какъ то вытянулась подъ оглоблями и, дѣлая послѣднія усилія, тянула въ гору арбу... Но вдругъ она какъ бы споткнулась, упала на переднія колѣни и, упершись мордою въ землю, силилась подняться. Юнуска подбѣжалъ къ ней и, не теряя ни минуты, разхомутилъ упавшую лошадь.

Арба мѣрно перевалилась назадъ, поднявъ въ верхъ прямыя оглобли. Лошадь вскочила на мгновеніе на ноги, но опять рухнула на землю.

Юнуска снова бросился къ ней. Изъ ноздрей больнаго животнаго темною струйкою сочилась кровь. Растерялся арбакешъ и, не вѣря глазамъ своимъ, безпомощно стоялъ съ опущенными руками надъ лежащимъ животнымъ, такъ поразило его случившееся.

Лошадь пыталась поднять свою голову, но силы окончательно измѣнили ей.

Она какъ то особенно глубоко вздохнула и за-

хрипѣла, конвульсивно вздрагивая всѣмъ корпусомъ и, вдругъ неестественно вытянувшись, успокоилась на всегда.

Громкій стонъ вырвался изъ груди Юнуски и онъ упалъ на трупъ своего единственнаго друга, котораго только-что жестоко и незаслуженно обидѣлъ, и громкія рыданія раздались среди царственной тишины ночи.

А луна все также ярко лила свой серебристый свѣтъ, озаряя арбу, плачущаго арбакеша и его мертваго друга.

ЮСУФЪ КЕРЕКЕШЪ.

Медленно движется длинная вереница сѣрыхъ утомленныхъ солдатъ, пробирающихся между большими каменными глыбами и поднимающихся вверхъ по Кизиль-Артскому ущелью.

Это ущелье врѣзывается узкою щелью въ Заалайскій хребетъ, поднимаясь отъ Алайской долины къ перевалу Кизиль-Артъ и затѣмъ съ вышки его снова спускается въ долину рѣки Марканъ-Су.

Шумя и пѣнясь, бѣжитъ на встрѣчу идущимъ горная рѣчка Кокъ-сай, затѣйливо извиваясь между камнями и утесами еще болѣе затрудняя и безъ того нелегкое движеніе отряда. Еле проходима тропа вьется, круто поднимаясь вверхъ и часто пересѣкаемая быстрою рѣкой, представляетъ собою немалое препятствіе для движущагося обоза и пѣхоты, не говоря уже про совьючившуюся артиллерію, которой особенно тяжело было пробираться въ этихъ мѣстахъ.

19-го іюня 1892 года погода была пасмурная, облака почти спустились на землю и казалось, что — вотъ коснешься ихъ головою. Дорога, благодаря небольшой ширинѣ и нагроможденнымъ всюду камнямъ, была чрезвычайно неудобна.

Вьюки поминутно задѣвали за большіе обломки

скаль, лежащіе на протяженіи всего пути, обрывались и падали, такъ что бѣдные солдаты положительно выбивались изъ силъ, поминутно перевьючивая лошадей. Часамъ къ восьми поднялся холодный вѣтеръ, облака совершенно спустились на землю, снѣжная крупица стала гуще падать и немилосердно бить въ лицо, но вскорѣ повалилъ сначала мелкій, а затѣмъ крупный снѣгъ. Закрутилась мятель, кругомъ не видно ни зги. Спереди, сзади, съ боковъ — все бѣло, все несется въ какомъ-то фантастически-ужасномъ вихрѣ.

Идти приходилось положительно ощупью, наобумъ выбирая дорогу. Измокшіе и прозябшіе солдаты, одѣтые по-лѣтнему, старались быстрою ходьбою хоть немного разогрѣть свои окоченѣвшіе члены. Но, несмотря на всю неприглядную и тяжелую обстановку, въ нашемъ солдатѣ сказывался бодрый, свѣжій, не унывающий русскій духъ, тотъ духъ, который руководилъ имъ и при переходѣ черезъ Балканы, и въ альпійскихъ походахъ Суворова.

Вотъ, подъ большимъ камнемъ, немного прикрывающимъ собою отъ снѣга и вѣтра, собралась кучка измокшихъ и иззябшихъ солдатъ. Какъ ни въ чемъ не бывало закручиваются „цыгарки“, и, вслѣдъ за подбадривающимъ табачнымъ дымкомъ, слышатся солдатскія остроты и разговоры:

— Ну, что, братцы, совсѣмъ зимушка-то рассейская, смотри: всѣ уши залѣпило, — говоритъ одинъ.

— А въ Маргеланѣ-то, поди, теперь солдаты лежать себѣ да фрухтой разной обжираются, — добавляетъ другой солдатъ, выколачивая о каблукъ трубку.

— И не пойму право, для ча это насъ повели сюды, кому нужны эти гали¹⁾, пропади они совсѣмъ, ишь сапожинишки о нихъ, проклятыхъ, размочалилъ, — прибавляетъ онъ, рассматривая свои изорванные и никуда уже негодные сапоги.

Недолго длится привалъ; раздается команда. Медленно, какъ будто нехотя, поднимаются со своихъ мѣстъ солдаты и снова безмолвно лѣзутъ впередъ, навстрѣчу разсвирѣпѣвшей стихіи. Какъ ни хотѣлось бы подольше отдохнуть, но положительно нѣтъ физической возможности дѣлать болѣе или менѣе продолжительные привалы въ такую погоду, когда даже во время ходьбы холодъ пронизываетъ до костей, а попадающій за воротникъ снѣгъ, тая, холодными струйками бѣжитъ по спинѣ. Но вотъ, послѣ полудня, снѣгъ мало-по-малу началъ стихать, туманъ разсѣялся, и дорогу можно было уже различить на довольно далекое разстояніе.

Люди и обозъ страшно растянулись. Кое-гдѣ между камней мелькали вяло идущіе, измученные солдаты и выючныя лошади, сопровождаемая керекешами²⁾.

Несчастныя существа эти керекешы, просто жаль смотрѣть на нихъ. Оборванные, при томъ вѣчно голодные, находящіеся въ полной зависимости отъ своихъ караванбашей³⁾ и, конечно, страшно эксплуатируемые ими, они къ окончанію похода превращались просто въ нищихъ. Съ какою грустью и отчаяніемъ на лицѣ при-

¹⁾ Гали — камни.

²⁾ Керекешъ — возчикъ.

³⁾ Караванбашъ — глава каравана.

ходили многіе изъ нихъ къ офицерамъ, заявляя плачевнымъ тономъ: „тюра, тюра, алаша кунчалъ!“, то есть, что лошадь, не вынеся тяжести вьюка, пала. Часто приходилось слышать такія восклицанія, но кому же какое дѣло до чужого горя?

Грустно ступаетъ ногами въ жалкихъ изорванныхъ оберткахъ, рядомъ съ своею лошадью, керекешъ Юсуфъ; невесело у него на душѣ. Весь въ лохмотьяхъ, въ просаленомъ и рваномъ халатѣ, черезъ который холодный вѣтеръ пронизываетъ насквозь его иззябшее отошало тѣло.

Заложивъ руки за спину съ вывороченными ладонями наружу, медленно поднимается Юсуфъ по узкому ущелью.

— И для чего я пошелъ въ этотъ походъ, думаетъ онъ, — хоть плохо, бѣдно жилось дома, а все какъ ни на-есть свой уголь былъ, а теперь живешь, какъ собака, не зная отдыха, не имѣя пищи и крова.

— Э—эхъ плохо-яманъ, вздохнулъ Юсуфъ и покосился на лошадь. Бѣдное животное со сплошною ранюю на спинѣ, на которую безжалостно было положено поверхъ чомы¹⁾ 9 пудовъ казеннаго груза, вытянуло шею и низко опустилъ голову, напрягая всѣ силы, тащилось въ гору.

Жаль стало Юсуфу лошадь и онъ, подойдя къ ней, сталъ рукою подпирать накренившійся на одну сторону вьюкъ. Лошадь кряхтѣла и время отъ вре-

¹⁾ Чома — вьючное туземное сѣдло, напоминающее собою попону подбитую войлокомъ и соломой.

мени останавливалась. Останавливался и Юсуфъ, не въ силахъ былъ онъ подгонять усталое животное; онъ самъ шелъ пѣшкомъ и испытывалъ сильную усталость, и ему понятно было, что лошадь съ вьюкомъ въ 9 пудовъ тоже томилась, да кромѣ того два дня подрядчикъ выдавалъ только половинную порцію ячменя, а травы нигдѣ не было.

Юсуфъ былъ человекъ съ добрымъ сердцемъ и характера мягкаго, лошадей онъ любилъ, такъ какъ съ малолѣтства занимался извозомъ, и видя теперь муки своего работника, онъ испытывалъ что-то вродѣ страданія — ему очень хотѣлось бы помочь своей алача¹⁾, но какъ, чѣмъ? — онъ самъ измученъ, истощенъ и нравственно подавленъ, — гдѣ ему помочь кому бы то ни было.

Лошадь остановилась и не шла.

— Чего сталъ, ей! — раздался голосъ казака, сопровождавшаго транспортъ, — ей, шайтанъ! — выругался казакъ, видя, что керекешъ медлитъ, и не успѣлъ обернуться Юсуфъ, какъ почувствовалъ, что его точно ожгло чѣмъ-то по лицу, искры брызнули изъ глазъ и онъ схватился за голову.

— „Какой нехорошій народъ эти казаки“, — подумалъ несчастный сартъ, но не выругался, не закричалъ даже, только двѣ крупныя слезы навернулись на его глаза и онъ сквозь нихъ, какъ будто сквозь замерзшее стекло, увидѣлъ казака, расправлявшагося съ другимъ керекешемъ. Лошадь, казакъ, идущіе солдаты — все

¹⁾ Алача — лошадь.

какъ-то скривилось передъ глазами Юсуфа, а въ груди стало какъ-то неловко, что-то подступало къ горлу и бѣдный керекешъ не выдержалъ — заплакалъ.

Тихо, какъ-то не хотя подошелъ онъ къ лошади, поправилъ вьюкъ и проговорилъ: айда! — Животное двинулось дальше. Шелъ и Юсуфъ возлѣ своего работника и весь погрузился въ воспоминанія о прошломъ.

Вспомнились ему его сакля, его жена, его ребенокъ въ Ошѣ, когда, бывало, онъ усталый послѣ утомительнаго дня отдыхалъ у себя въ саклѣ, а ему приготовлялась шурпа¹⁾ или пловъ, разъ только заработокъ бывалъ хорошій, въ особенности во время покупки хлопка.

Эхъ, если бы не Абду-Джалиль, отрядный подрядчикъ, обѣщавшій Юсуфу хорошую плату, онъ ни за что бы ни пошелъ на Памиръ; вѣдь вотъ, и лошадь пропала. Куда теперь годна она, спина вся въ ранахъ, ноги разбиты, сплечилась, а смотритъ-то какъ уныло, какъ будто съ жизнью прощается. Поддался Юсуфъ увѣщаніямъ и пошелъ.

— Чтожъ, утѣшалъ себя Юсуфъ, вѣдь быть можетъ, не обманетъ подрядчикъ, вѣдь онъ человекъ богатый, да и мусульманинъ, — и тутъ, на мгновение, забывъ всю тяжесть своего настоящаго положенія, Юсуфъ началъ рисовать въ своемъ воображеніи разныя заманчивыя картины.

Представлялось ему возвращеніе изъ похода, когда

¹⁾ Шурпа — супъ.

наконецъ Абду-Джалиль заплатитъ ему обѣщанные 100 рублей.

— Сто рублей,—повторялъ полусшепотомъ Юсуфъ эту небывалую для него сумму, — да, вѣдь, это цѣлый капиталъ, на который я такую саклю построю, что всѣ кишлячники ахнутъ, да арбу заведу, лошадку куплю хорошую рублей за 40. Эхъ! да женѣ и себѣ на халатъ еще останется. Буду ѣздить въ новой арбѣ не съ товаромъ, а съ баями¹⁾, которые такъ много платятъ, пловъ буду каждый день ѣсть, какъ богатые арбакешы на базарѣ, ну и оставаться на черный день будетъ много.

Юсуфъ даже подпрыгнулъ отъ радости, такъ легко стало у него на душѣ.

Между тѣмъ обозъ подходилъ къ горной рѣчкѣ. Сильныя воды ея какъ будто кипѣли, пѣнились, ударяясь о камни и наполняли воздухъ такимъ шумомъ, что невозможно было слышать самаго сильнаго крика въ нѣсколькихъ шагахъ.

Одно за другимъ покорно спускались вьючныя животныя въ холодную воду и, медленно ступая по каменистому дну, съ трудомъ передвигали ноги противъ теченія, ежеминутно рискуя быть сбитыми съ ногъ и унесенными водою. Двигались они по направленію къ противоположному берегу, ободряемые криками солдатъ и керекешей. Вотъ и Юсуфъ со своею лошадыо у рѣки. Захрапѣло животное и понятилось.

¹⁾ Бай — купецъ, богатый.

— Айда, айда! — ободрялъ ее Юсуфъ, но лошадь не шла, только глаза ея выражали какой-то особенный страхъ.

Нѣсколько лошадей обошло Юсуфа и спустилось въ воду. Подъѣхалъ завѣдывающій обозомъ офицеръ.

— Это что? чего она не идетъ? — Ей, Петренко. — крикнулъ онъ казаку, всыпь-ка ей нагайкой, да этому болвану тоже, что онъ тутъ стоитъ, только дорогу загораживаетъ!

Не понимая, что это относится до него и, видя гнѣвъ начальника, керекешъ началъ старательно дергать упирающуюся лошадь за недоуздокъ, а казакъ въ это время неистово стегалъ ее по крупу.

Попыталось было животное лягнуть своего мучителя, но тяжесть вьюка не позволяла ей даже чуть-чуть приподнять обѣ заднія ноги и ея порывъ выразился въ какомъ-то судорожномъ движеніи корпуса, а нагайка продолжала дѣлать свое дѣло.

Отъ боли и отчаянія лошадь шарахнулась впередъ, на мгновение остановилась въ нерѣшимости и, какъ бы боясь новыхъ мученій, вдругъ спустила въ воду переднія ноги и погрузилась въ рѣку. Юсуфъ полѣзъ за ней.

Вотъ вода уже выше колѣнъ, онъ чувствуетъ, что его сноситъ, голова кружится отъ быстрого движенія воды и ему кажется, что все быстро несется назадъ, а онъ какъ будто все по прежнему продолжаетъ стоять на мѣстѣ. Вотъ что-то больно ударило его по ногѣ, — ой! какъ больно, — подумалъ Юсуфъ и хотѣлъ рукой схватить за ногу, но вода была уже по поясъ, онъ

энергичнѣе двинулся впередъ, но ноги его не могли осилить воды и его отнесло обратно. Собралъ всѣ силы Юсуфъ и рванулся впередъ, желая схватить рукою конецъ болтавшагося аркана отъ его вьюка.

Вдругъ что-то сильное толкнуло его и понесло. Онъ не понималъ, что съ нимъ, и чувствовалъ только что несся куда-то далеко, далеко. Два раза мелькнула передъ его глазами голова его лошади и больше онъ ничего не видѣлъ.

А тамъ на берегу раздавались крики: — Держи, утонуть! Лошадь то лови! соль на ней, — разойдется!

И цѣлая толпа солдатъ и керекешей бросились ловить тонущую лошадь, спасая драгоцѣнную въ отрядѣ соль, а обѣ Юсуфѣ всѣ какъ будто и позабыли, вспомнили о немъ лишь тогда, когда отъ него и слѣда уже не было.

Памятью о немъ только въ карманѣ подрядчика остались тѣ сто рублей, о которыхъ такъ недавно еще мечталъ бѣдный керекешъ.

И много такихъ было въ отрядѣ Юсуфовъ.

В. Л. Тазеев.

ЦАРИЦА АЛАЯ.

Варшава, 1902

I.

Въ одномъ изъ многочисленныхъ ущелий Алайскаго хребта, носящемъ названіе Яга-Чартъ, подъ отвѣсною высокою скалою, ютится небольшой ауль, состоящій не болѣе, какъ изъ десятка юртъ. Но не похожъ этотъ ауль на прочія киргизскія кочевки. Какой-то особенный порядокъ царитъ здѣсь, да и сами юрты ¹⁾ щеголяютъ красотою и роскошью.

Пріятно ласкаетъ глазъ высокая сочная трава и живописно разметавшаяся арча ²⁾. Многочисленныя стада барановъ и рогатаго скота, громадныя табуны лошадей и верблюдовъ оживляютъ этотъ красивый, хотя немного суровый пейзажъ, придавая ему болѣе мягкій оттѣнокъ.

Около самаго подножія одной изъ горъ, недалеко отъ аула, стоитъ старая маленькая юрта, выдѣляющаяся среди прочихъ, богато убранныхъ кибитокъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, посѣтивъ этотъ уголокъ

¹⁾ Юрты — кибитки.

²⁾ Арча — смолистое дерево въ родѣ пихты.

грознаго Алая, я засталъ тамъ кипучую жизнь. Цѣлыя толпы веселыхъ киргизовъ обступили меня, скаля свои бѣлые зубы.

Теперь въ 1896 году, когда я, по обыкновенію, путешествуя въ Алайскихъ горахъ, заѣхалъ въ это уютное ущелье, меня сразу поразила необыкновенная тишина, царящая въ Яга-Чартѣ.

Тѣ же юрты, сѣренькими грибочками выглядывающія изъ ковра зеленой травы, тѣ же стада барановъ, тѣ же киргизки, бѣгающія съ турсуками ¹⁾ для приготовления кумысу,—все это было, какъ прежде; но я не видѣлъ того радушія, съ которымъ, бывало, встрѣчали меня хозяева этого аула, я не видѣлъ ихъ добродушныхъ скуластыхъ лицъ, и мнѣ стало необыкновенно грустно.

Два киргиза въ черныхъ бараньихъ шапкахъ прошли мимо меня, бросивъ изъ подлобья сердитый взглядъ и скрылись въ дверяхъ одной изъ кибитокъ; никто даже лошади моей не принялъ, а прежде бывало со всѣхъ сторонъ сбѣгались люди, чтобы взять и поводить усталое животное, совершившее нелегкую дорогу.

Увидя сидѣвшаго подлѣ юрты старика, я подѣхалъ къ нему и попросилъ по-киргизски, чтобы онъ проводилъ меня въ юрту къ Курбанъ-Джанъ-датхѣ. Киргизъ что-то пробормоталъ себѣ подъ носъ, укоризненно покачалъ головою и двинулся впередъ, указывая мнѣ путь. Подойдя къ маленькой, отдѣльно стоящей

¹⁾ Турсукъ — мѣшокъ изъ кожи.

юртѣ, онъ отдернулъ кошму, заслонявшую входное отверстіе въ кибитку. На меня пахнуло чѣмъ-то кислымъ, прѣлымъ. Я удивленно посмотрѣлъ на своего проводника, думая, что онъ, не понявъ меня, привелъ къ какой-нибудь другой юртѣ, но тотъ какъ бы угадалъ мою мысль и, указывая рукою на дверь, сказалъ:

— Мана датха ¹⁾.

Я нагнулъ голову и вошелъ въ юрту.

Мракъ, царившій внутри ея, и рѣзкій переходъ отъ свѣта къ темнотѣ не дали мнѣ возможности сразу разсмотрѣть внутренность юрты, но предупредительный проводникъ оттянулъ кусокъ кошмы, закрывавшій тюнтякъ ²⁾, и я былъ пораженъ представившимся мнѣ зрѣлищемъ.

Въ трехъ шагахъ отъ меня, на голой землѣ, въ страшномъ рубищѣ, сквозь дыры котораго сквозило сухое черное тѣло, сидѣла маленькая, жалкая старуха; ея рѣденькіе сѣдые волосы какими-то жидкими хвостиками покрывали сморщенное, похожее на печеное яблоко, лицо. Она устремила на меня свои слезящіеся глаза и, шамкая своимъ беззубымъ ртомъ, бормотала непонятныя мнѣ слова.

Я присѣлъ на корточки около нея и проговорилъ обычное привѣтствіе. Старуха дико посмотрѣла на меня и вдругъ захохотала своимъ старческимъ дребезжащимъ смѣхомъ. Холодъ пробѣжалъ по моей спинѣ отъ этого хохота...

¹⁾ Мана датха — вотъ датха.

²⁾ Тюнтякъ — верхнее отверстіе юрты.

И это — датха ¹⁾, это — бывшая царица Алая, передь которой трепетали кокандскіе ханы, одного слова которой было достаточно, чтобы казнить и миловать? Это — та самая датха, которая нѣсколько разъ, окруженная своими сыновьями, принимала меня съ непритворной радостью, которая еще два года тому назадъ, будучи 90-лѣтней старухой, верхомъ безъ отдыху проѣзжала 70 верстъ и которую въ 1895 году я видѣлъ еще совсѣмъ бодрой и здоровой.

Боже мой, во что она превратилась теперь! Мнѣ стало необыкновенно тяжело и я быстро выбѣжалъ изъ юрты и, вскочивъ на лошадь, отправился къ ожидавшимъ меня спутникамъ, вспоминая о датхѣ и ея жизни, полной глубокаго трагизма.

II.

Курбанъ-Джанъ-датха была женою одного изъ властителей Алая, Алимъ-бека, управлявшаго имъ еще задолго до прибытія русскихъ въ Туркестанъ. Въ районъ его владѣній входили тогда всѣ горные системы Алайскихъ горъ: богатѣйшая подножнымъ кормомъ долина Большого Алая, Заалайскій хребетъ и обширная площадь Памировъ, вплоть до владѣній китайскихъ и Афганистана.

Еще молодою женщиною датха овдовѣла. Мужъ ея былъ убитъ памиро-алайскими кочевниками въ время

¹⁾ Датха — правительница.

сбора податей, и юная красавица-киргизка сдѣлалась правительницею Алая.

Отомстивъ убійцамъ своего мужа, она собрала около себя цѣлую гурьбу преданныхъ ей батырей ¹⁾, а одного изъ нихъ избрала себѣ въ мужа, оставаясь все же полною правительницею Алайскаго царства.

Но недолго продолжалась замужняя жизнь правительницы. Второй мужъ, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ свадьбы, былъ убитъ въ стычкѣ съ китайцами, оставивъ ей трехъ сыновей: Абдулла-бека, Канчи-бека и Махмудъ-бека.

Датха сама занялась воспитаніемъ своихъ сыновей, и изъ молодыхъ джигитовъ они постепенно превратились въ неустрашимо храбрыхъ батырей. Гордилась датха своими сыновьями, постоянными побѣдителями въ улакахъ ²⁾ и байгахъ ³⁾, и она видѣла въ дѣтяхъ своихъ вѣрныхъ и надежныхъ помощниковъ. Обладая твердой волей и энергичнымъ характеромъ, правительница Алая сразу сумѣла поставить себя въ независимое положеніе среди окружавшихъ ее дикихъ народовъ и въ 60-хъ годахъ уже приобрѣла такое значеніе въ Средней Азій, что даже кокандскіе ханы, съ завистью относившіеся къ ней, посылали на Алай своихъ пословъ, снабженныхъ богатыми дарами.

Однако, несмотря на это обстоятельство, ханы не

¹⁾ Батырей — богатырей.

²⁾ Улакъ — конная игра. Бросается зарѣзанный козель и всѣ стараются отнять его другъ у друга и привести къ хозяину.

³⁾ Байги — скачки, похожія на европейскую.

хотѣли официально признавать ее „датхою“, т. е. правительницею, но въ 70-хъ годахъ она сумѣла заставить кокандскаго хана Худояра титуловать ее царственнымъ титуломъ и оказывать ей соотвѣтствующія почести.

Но вотъ наступилъ 1875 годъ.

Всколыхнулось, зашумѣло алайское населеніе. Достигли и до датхи слухи, что идутъ на Кокандъ побѣдоносныя русскія войска, передъ которыми уже пали одно за другимъ кокандскія укрѣпленія. Вотъ слышитъ она, что данъ и Кокандъ и, наконецъ, въ 1875 году доносится до царицы еще одна ужасная вѣсть, что Автобачи, этотъ знаменитый коноводъ кипчаковъ, взятъ русскими и отправленъ въ Россію.

Вѣсть эта съ быстротою молніи разнеслась по вновь покоренному Кокандскому ханству и, переходя изъ ущелья въ ущелье, пронеслась надъ всѣмъ краемъ. Закипѣло, заколыхалось горное населеніе Алая и шайки отважныхъ батырей стали пополняться новыми и новыми силами. Сердце Курбанъ-Джанъ-датхи радовалось, что батыри грудью стояли за свою родину, не желая подчиниться „гяурамъ“.

Всѣми силами старались муллы поднять мусульманъ на священную войну противъ русскихъ, а тѣмъ временемъ датха, не щадя ни силъ, ни средствъ, готовилась къ походу. И вотъ въ 1876 г. огромныя шайки кипчаговъ и кара-киргизовъ, имѣя во главѣ старшаго сына датхи, Абдулла-бека, открыто возстали противъ русскихъ. Это обстоятельство заставило Россію покончить съ Алаемъ, и въ томъ же году изъ Маргелана, подъ начальствомъ командующаго войсками Ферган-

ской области генераль-маіора Скобелева 2-го, выступилъ отрядъ, состоящій изъ трехъ родовъ оружія.

Отрядъ этотъ, во главѣ съ своимъ храбрымъ начальникомъ, двинулся по Ошско-Гульчинской дорогѣ и, наконецъ, остановился въ м. Гульча, откуда были высланы конные разъѣзды для рекогносцировокъ.

Много было ауловъ въ Гульчинской долинѣ, но какъ услышали киргизы о движеніи русскихъ, они бросились всѣ со скотомъ и скарбомъ къ Кашгару, предоставивъ батырямъ защищать родную страну.

Покидала свою дорогую родину и Курбанъ-Джанъ-датха. Какъ мать расстаётся съ своимъ дѣтищемъ, такъ и она разставалась съ Алаемъ, поручивъ его всецѣло своимъ сыновьямъ.

Не торопясь, отправляла она свои многочисленныя стада въ Кашгаръ черезъ суровый перевалъ Терекъ-Даванъ и вслѣдъ за имуществомъ, въ сопровожденіи многочисленныхъ джигитовъ и сына своего Канчибека отправилась туда же и сама.

Тяжело было на сердцѣ у царицы, но она не теряла надежды и крѣпко вѣрила, что Аллахъ не допуститъ гибели ея дорогого сокровища — Алая.

III.

Между тѣмъ Абдулла-бекъ съ братомъ своимъ Махмудъ-бекомъ и скопищемъ киргизовъ и кипчаковъ твердо укрѣпились въ урочищѣ Янги-Арыкъ, построили укрѣпленіе съ каменными завалами, и дали клятву, что отстоятъ свое орлиное гнѣздо. Вполнѣ былъ увѣренъ

Абдулла-бекъ, что позиція его неприступна, тѣмъ болѣе, что онъ надѣялся на большую воду въ рѣкѣ Янги-Арикѣ, которая не дастъ русскимъ перейти на другую сторону.

Тщетно старался русскій отрядъ выбить горцевъ изъ ихъ засады, пока, наконецъ, Скобелевъ не прибѣгъ къ труднымъ и большимъ обходамъ. Планъ былъ таковъ: Справа со стороны перевала Талбыкъ ¹⁾ наступалъ отрядъ маіора Іонова, который, построивъ черезъ рѣчку Белаули висячій мостъ, зашелъ въ тылъ Абдулла-беку. Отступленіе же къ кургану Омаръ-бека отрѣзали двѣ казачьи сотни, подъ командою полковника князя Витгенштейна. Тутъ только Абдулла-бекъ увидѣлъ, что сопротивленіе невозможно, и бросился черезъ большой перевалъ Кизиль-Артъ ²⁾ на Памиры.

Летучій отрядъ князя Витгенштейна по пятамъ преслѣдовалъ Абдулла-бека, но тотъ, съ ловкостью горнаго козла, увертывался отъ него, завлекая такимъ образомъ князя вглубь Заалайскаго хребта; гдѣ вѣсь летучій отрядъ чуть не погибъ у озера Кара-Куль во время метели, отрѣзанный огромнымъ переваломъ, безъ провіанта и фуража. Благодаря этому обстоятельству, Абдулла-беку удалось увернуться отъ преслѣдованія русскихъ, и онъ съ небольшимъ числомъ людей, въ сопровожденіи своего брата, Махмудъ-бека, черезъ вѣсь Памиръ, бѣжалъ въ предѣлы Афганистана и, приславъ

¹⁾ 12000 ф. выс.

²⁾ 14000 ф.

оттуда заклятіе изъ корана, что не будетъ больше воевать, а такъ же сломанный клычъ ¹⁾, въ знакъ примиренія, ушелъ въ Мекку, но умеръ по дорогѣ въ пустынь. Между тѣмъ стада и имущество Курбанъ-Джанъ-датхи были еще на пути къ Кашгару разграблены китайцами, и бѣдная царица принуждена была броситься по слѣдамъ своихъ сыновей съ остатками уцѣлѣвшихъ богатствъ, т. е. къ перевалу Кизиль-Арту. Но и эта попытка ея оказалась неудачною.

Не далеко отъ перевала наткнулась она на возвращавшійся отрядъ князя Витгенштейна, которымъ и была арестована и отведена къ генералу Скобелеву.

Ласково обошелся съ плѣнницею бѣлый генералъ, одарилъ онъ ее почетными халатами, обласкалъ бывшаго съ нею сына, Канчи-бека, и совѣтывалъ ей воспользоваться ея безграничнымъ вліяніемъ на дикое населеніе и повліять на него въ духѣ миролюбія.

Умная царица, понявъ свое положеніе и не видя ничего унижительнаго въ подчиненіи себя русской власти, дала обѣщаніе туркестанскому герою, что миръ и тишина будутъ царить въ долинахъ Алая.

Послѣ удачнаго дѣла при Янчи-Арыкѣ, русскій отрядъ, переваливъ Алайскій хребетъ, черезъ перевалъ Талдыкъ, наконецъ вышелъ на долину Большого Алая и, окопавшись около мѣстечка Сары-Ташъ, ожидалъ дальнѣйшихъ распоряженій. Между тѣмъ шайки киргизовъ не переставали показываться и несмотря на утрату своихъ предводителей, сильно беспокоили от-

¹⁾ Клычъ — шапка

рядъ, производя ночныя атаки. Простоявъ нѣсколько мѣсяцевъ на Алаѣ, отрядъ прошелъ на западъ по долину до ущелій Кара-Мука, перевалилъ черезъ переваль Кара-Казыкъ и, спустившись въ долину Шахи-Мардана, черезъ Вуадиль, возвратился обратно въ Маргеланъ.

IV.

Прошло долгихъ 17 лѣтъ со времени покоренія Алая, и населеніе его уже совершенно освоилось съ жизнью подъ русскимъ владычествомъ. Смирились и батыри, и занялись они своимъ скотомъ и охотою. Свято хранила данное обѣщаніе датха, по прежнему поселилась она въ Яга-Чартъ и, пользуясь своимъ безграничнымъ вліяніемъ охраняла миръ и спокойствіе на Алаѣ, а сыновья ея сдѣлались ея помощниками и вѣрными слугами русскому правительству. Были назначены они волостными управителями¹⁾, а мимбаши пользуются громадною властью надъ туземцами въ Туркестанѣ. Всегда съ необыкновеннымъ радушіемъ встрѣчали беки вмѣстѣ со своею матерью русскихъ путешественниковъ, всегда старались, чѣмъ только могли, угостить ихъ. Сколько разъ приходилось мнѣ самому принимать участіе въ ихъ торжествахъ и увеселеніяхъ.

Во время слѣдованія памирскаго отряда черезъ Алай, датха угостила на славу и солдатъ, и офицеровъ. Любили и русскіе царицу Алая.

¹⁾ Управителями — мимбаши.

Много лѣтъ правилъ Махмудъ-бекъ Гульчинской волостью, а Мирза-Паясъ, его племянникъ, — Алаемъ. Много медалей и почетныхъ халатовъ было у обоихъ управителей, и радовалась престарѣлая датха на своихъ сыновей.

Только одинъ Канчи-бекъ огорчалъ свою старуху-мать. Ужъ очень былъ крутого нрава, и ходили слухи, что занимается онъ провозомъ контрабандныхъ товаровъ. Сколько ни старались поймать его таможенные стражники, но такъ и не удалось имъ подстеречь увертливаго батыря.

Вдругъ тревожная вѣсть дошла до русскаго начальства, — вѣсть о безслѣдномъ исчезновеніи таможеннаго объѣздчика и двухъ стражниковъ. Всѣ поиски оказались тщетными. Ходили кое-какіе слухи, но основанные на однихъ предположеніяхъ. Чиновники, командированные на Алай, возвратились ни съ чѣмъ, а объѣздчикъ Боровковъ и его два джигита такъ и канули въ воду.

Отлично знали киргизы, въ чемъ дѣло, да молчали пока, боясь выдать тайну. Зналъ и Махмудъ съ Мирза-Паясомъ, да не хотѣли они выдавать виновника, тѣмъ болѣе, что косвенно въ этомъ дѣлѣ былъ замѣшанъ ихъ братъ Канчи-бекъ.

Вдругъ все разоблачилось само собою. Совершенно случайно участковый приставъ наткнулся на сожженный трупъ лошади. Приѣхалъ слѣдователь, началось слѣдствіе, вскорѣ все окончательно выяснившееся.

Испугался Махмудъ-бекъ и Мирза-Паясъ, что очень ужъ долго скрывали они преступленіе, и донесли ра-

портомъ начальнику уѣзда о случившемся. Да было уже поздно. Вмѣстѣ съ Канчи-бекомъ они были арестованы и посажены въ тюрьму за укрывательство преступленія.

Великое горе разразилось надъ головою бѣдной матери, но ея материнское сердце вполне было увѣрено, что сыновья ея невинны въ этомъ темномъ дѣлѣ.

Между тѣмъ слѣдствіе выяснило, что объѣздчикъ, запасный унтеръ офицеръ Боровковъ, былъ посланъ въ сопровожденіи двоихъ стражниковъ для объѣзда линіи и около перевала Белеауліе встрѣтилъ караванъ контрабандистовъ, везшихъ „нашу“¹⁾.

Осмотрѣвъ караванъ, Боровковъ приказалъ слѣдовать ему за собою къ таможенному пункту, но контрабандисты воспротивились и предложили Боровкову взятку, которую тотъ сначала изъявилъ согласіе принять, но потомъ раздумалъ и силой хотѣлъ принудить киргизовъ подчиниться его требованію. Произошла схватка. Револьверы объѣздчика и его стражниковъ оказались безъ патроновъ, а потому киргизы, осиливъ таможенныхъ, связали ихъ и послали джигита съ донесеніемъ къ Канчи-беку, къ которому и везли контрабанду, а сами ожидали разрѣшенія вопроса, что дѣлать съ русскими.

Къ несчастью, Канчи-бека не было дома; онъ въ то время находился за 90 верстъ въ Гульчѣ и на мѣсто происшествія пріѣхалъ его 12-ти-лѣтній сынъ Ар-

¹⁾ „Наша“ — наркотическое курево туземцевъ, запрещенное правительствомъ.

сланъ-бекъ и приказалъ крѣпче связать таможенныхъ и вести ихъ въ ауль, а самъ уѣхалъ.

Связывая Боровкова, одинъ изъ киргизовъ веревкой содралъ съ его руки кожу, съ которой потекла кровь, на что Боровковъ и замѣтилъ, что за его кровь они отвѣтятъ жизнью.

Киргизы испугались, тѣмъ болѣе, что по ихъ законамъ за кровь мстятъ кровью. Подумали, посоветывались между собою и рѣшили прикончить съ таможенными.

Подъ арчею таможенные были по очереди задушены, при чемъ Боровкова задушили послѣднимъ, и онъ видѣлъ смерть своихъ товарищей. Трупы и оружіе были спрятаны въ пещерѣ, а лошади съѣдены и кости ихъ сожжены. Когда явился Канчи-бекъ, то стражниковъ и слѣдъ простылъ. Узнали объ этомъ его братья волостные, ужасно испугались и приказали всѣмъ старшинамъ молчать о случившемся.

V.

Въ областной тюрьмѣ Новаго Маргелана въ одиночныхъ камерахъ сидятъ двадцать одинъ киргизъ, арестованные по дѣлу объ убійствѣ таможенныхъ. Вотъ уже два года сидятъ они, свободныя дѣти горъ, подъ строгимъ надзоромъ тюремнаго начальства. Поблѣднѣлъ, осунулся полный Махмудъ-бекъ, а тутъ еще новое горе постигло его. Ъхалъ навѣстить заключеннаго отца молодой сынъ его, да по дорогѣ сорвался и раз-

можилъ себѣ снѣ голову о камни. Не судиль, знать, Аллахъ увидѣть сыну позоръ своего отца.

Мрачный, точно запертый въ клѣтку волкъ, сидѣть въ тюрьмѣ Канчи-бекъ и шепчетъ молитвы, соблюдая строгую уразу¹⁾.

Пріѣхала и датха въ Маргеланъ, и посѣтила бѣдная мать сыновей своихъ. Поддерживаемая подъ руки двумя почтенными туземцами, вошла бывшая царица Алая въ тюрьму. Дрогнуло сердце старухи при видѣ дѣтей своихъ въ арестантскихъ халатахъ. Горько заплакала датха. Не думала бывшая царица дожить до такого позора, что дѣти ея попадутъ въ тюрьму наравнѣ съ ворами и мошенниками. Ужъ лучше задушила бы она ихъ собственными руками.

Настали дни суда. Дѣло разбиралось при закрытыхъ дверяхъ. Нѣсколькой дней длились пренія и, наконецъ, наступилъ день объявленія приговора.

Съ восьми часовъ утра до семи вечера сидѣли арестанты въ ожиданіи своей участи, и вотъ наконецъ вошелъ судъ...

Девять киргизовъ были приговорены къ смертной казни, и въ числѣ ихъ Канчи-бекъ съ сыномъ Арсланомъ, а Махмудъ-бекъ и Мирза-Паясъ приговорены къ каторжнымъ работамъ; остальные оправданы за недостаткомъ уликъ.

Въ неописанное отчаяніе пришла Курбанъ-Джанъ-датха. Несмотря на свою дряхлость поѣхала она къ губернатору, генералу Повало-Швейковскому, валялась

¹⁾ Постъ.

въ ногахъ у него и молила о смягченіи участи сыновей. Но было уже поздно. Велико было горе матери, у которой судьба на глазахъ стнимала дѣтей.

Уѣхала датха изъ Маргелана къ себѣ на зимовку, какъ обыкновенно, верхомъ, и заболѣла тамъ бывшая царица; не вынесла она нравственной пытки.

Между тѣмъ смертный приговоръ былъ подтвержденъ туркестанскимъ генераль-губернаторомъ только надъ Канчи-бекомъ и киргизомъ Палваномъ, а остальнымъ казнь замѣнена каторгой. Махмуду же, Мирзѣ-Паясу и Арсланъ-беку наказаніе замѣнено ссылкой въ Сибирь.

VI.

По ошской дорогѣ движется сотня казаковъ 6-го Оренбургскаго полка.

На арбѣ, въ оковахъ, сидятъ съ мрачными лицами два киргиза. Одинъ съ красивымъ разбойничьимъ лицомъ, не лишеннымъ величія, другой маленькій, съ черной бородкой, съ узкими прорѣзами глазъ, представляетъ собою заурядный типъ киргиза племени адыгинъ. Это Канчи-бекъ и Палванъ, осужденные на смерть, конвоируемые сотнею, отправляются въ городъ Ошъ, гдѣ и должны быть повѣшены у подножія Алая.

Алай, на которомъ родились они, провели дѣтство и юность, дорогой ихъ Алай, съ которымъ два года назадъ они разстались въ надеждѣ скоро увидѣть его, — опять передъ ними, такой же грозный, такой же суровый, съ тѣми же снѣжными вершинами, на которыя,

бывало, съ радостью смотрѣли осужденные, любуются ихъ красотою и величіемъ.

Какое же теперь производитъ онъ на нихъ впечатлѣніе? Съ какимъ чувствомъ приближаются осужденные къ своей родинѣ? Съ какими мыслями всматриваются они въ темные, чернѣющія впереди ущелья.

Вдругъ кто-то дернулъ Канчи-бека за плечо; вздрогнулъ онъ и очнулся отъ своей задумчивости. . .

— Айда „слазь“ слышитъ онъ голосъ конвойнаго казака, и снова дѣйствительность во всемъ своемъ ужасѣ развертывается передъ нимъ.

Солнце уже совсѣмъ почти спряталось за серебристый хребетъ большого Алая, красиво озаривъ его снѣжныя вершины. Холодный мракъ ночи уже окуталъ кишлакъ Араванъ, въ которомъ остановились на ночлегъ, осужденные на казнь преступники.

Мрачный покой царитъ надъ небольшимъ бивуакомъ, и только мѣрные шаги часового казака раздаются среди гробовой тишины.

2-го марта 1895 года состоялась казнь надъ осужденными.

На большой площади въ гор. Ошѣ¹⁾ была приготовлена висѣлица съ двумя желѣзными кольцами. Цѣлое море пестрыхъ халатовъ уже наводнило всѣ улицы.

Прибыль изъ Маргелана и военный-губернаторъ генералъ Повало-Швуйковскій присутствовать при казни Канчи-бека.

¹⁾ За 90 верстъ отъ Маргелана, ближе къ мѣсту убійства таможенныхъ.

Въ 10^{1/2} часовъ вдругъ толпа заволновалась, и пронесся шопоть „везуть“. Вскорѣ показались медленно двигающіяся двѣ черныя арбы, окруженныя конвоемъ. Впряженныя въ нихъ черныя лошади и арбакиши во всемъ черномъ тяжело дѣйствовали на окружающихъ.

Спокоенъ, но мраченъ сынъ Алая, часто поднимаетъ онъ руки къ небу и громко читаетъ молитву.

Мѣрно движутся, блистая на солнцѣ штыками, конвойные солдаты, не веселы ихъ лица, шагъ за шагомъ идутъ они за арбами. И вотъ, наконецъ, печальная процессія подошла къ эшафоту.

Гордо съ достоинствомъ держалъ себя Канчи-бекъ во время чтенія смертнаго приговора, смѣло готовился онъ встрѣтить смерть. Не разъ ужъ приходилось ему встрѣчаться съ нею лицомъ къ лицу; только видно было, какъ досадно горному орлу, что подрѣзаны его крылья, что не можетъ онъ въ бою сложить свою буйную голову.

Не такъ велъ себя Палванъ. Растерялся бѣдный и упалъ на колѣни, прося помилованія. Послѣ прочтенія приговора воцарилась гробовая тишина.

— Можно мнѣ еще разъ помолиться? спросилъ генерала Канчи-бекъ, и, получивъ разрѣшеніе, сталъ на колѣни и, поднявъ руки къ небу, прочелъ краткую молитву, затѣмъ всталъ и, промолвилъ.

— Довольно молиться, снова повернулся къ генералу, сказалъ — я готовъ и самъ подошелъ къ палачу.

Вотъ уже крѣпко связаны его руки, и бѣлый саванъ, казалось, сейчасъ скроетъ представительную фигуру Канчи-бека. Вотъ ужъ надѣваютъ его на голову

батыря. Поднялъ глаза Канчи-бекъ и увидалъ рядъ синѣющихъ горъ съ снѣжными вершинами, и показалось ему, что киваютъ онѣ своими сѣдыми головами.

— Прощай Алай, прошептали его губы, и бѣлый саванъ, какъ страшная завѣса, закрылъ на всегда его отъ всего живого, свѣтлаго.

Быстро подвели осужденнаго къ скамьѣ, и онъ самъ всталъ на нее. Палачъ началъ возиться около его шеи . . . прошло еще мгновеніе и палачъ сильно толкнулъ скамью . . .

Канчи-бекъ погибъ.

Распалась семья бывшей царицы Алая, осталась она одинокая убитая горемъ, несчастная. Отдала она все имущество свое родичамъ и поселилась въ Яга-Чартъ въ старой дырявой юртѣ и сидитъ она въ ней въ рубищѣ, все плача о своихъ погибшихъ дѣтяхъ.

Не выдержалъ мозгъ старой датхи, лишилась она разсудка и ждетъ несчастная мать возвращенія своихъ батырей.

Но стара датха, не долго остается ей скитаться на этомъ свѣтѣ и со смертью ея навѣки угаснетъ владѣтельный родъ на Алаѣ и лишь преданія о ея быломъ могуществѣ и силѣ будутъ передаваться изъ рода въ родъ среди кочевого населенія отъ подножій Алая до сѣдыхъ Памирскихъ высотъ.

ОХОТА НА КИЖКА.

Изъ воспоминаній туркестанскаго охотника.

Одну изъ самыхъ интересныхъ и трудныхъ охотъ въ Туркестанѣ представляетъ собою охота на Кіика¹⁾ обитающаго въ Алайскихъ и Заалайскихъ горахъ и на Памирѣ. Сколько разныхъ ощущений переиспытаетъ, сколькимъ подвергнешься опасностямъ, пока, наконецъ, удастся убить одного и, много, двухъ козловъ.

Это животное держится на высотѣ вѣчнаго снѣга, рѣдко спускается въ долины, а потому розыскивая его, приходится забираться на такія кручи, ползать по такимъ узкимъ карнизамъ, что потомъ, какъ вспомнишь, такъ просто страшно становится.

Постараюсь описать одну изъ такихъ охотъ, въ которой я былъ участникомъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ, когда снѣгъ въ горахъ уже совершенно стаялъ и перевалы черезъ Алайскій хребетъ всѣ уже давно открылись, наступаетъ самое удобное время для охоты въ горахъ, гдѣ въ это время достаточно прохладно, тогда какъ въ Ферганской долинѣ держатся невѣроятныя жары.

¹⁾ Кіикъ — родъ альпійскаго козла.

Но недолго приходится изнывать отъ страшнаго зноя, такъ какъ первыя предгорія отъ Маргелана¹⁾ начинаются въ 25 — 30 верстахъ и до нихъ смѣло, въ одинъ переходъ, можно добраться и скрыться отъ палящихъ лучей туркестанскаго солнца въ одномъ изъ темныхъ ущелій, уже издали манящихъ путника въ свою соблазнительную тѣнь.

10-го августа, съ утра погода была прекрасная; небо блестѣло густою бирюзой какъ-то особенно ярко. Высокіе пирамидальные тополи стройными рядами возвышались, рѣзко выдѣляясь своими темнозелеными одеждами на яркомъ фонѣ неба, и бросали длинныя тѣни на свѣтло-сѣрый грунтъ глинистой почвы. Птицы наполняли воздухъ своимъ разнообразнымъ пѣніемъ.

Было 5 часовъ утра, когда меня разбудилъ вошедшій Б—нъ; недовольный моимъ долгимъ сномъ, онъ началъ было ворчать, но я такъ быстро вскочилъ и такъ энергично сталъ одѣваться, что Б—на видимо это тронуло; онъ усѣлся на отоманку и молча закурилъ папирску.

Собравши все необходимое, приказавъ засѣдлать лошадь, осмотрѣвъ патроны и ружья и рѣшивъ напиться чаю гдѣ-либо по дорогѣ въ чайханѣ, мы тронулись въ путь.

Солнце уже поднялось и своимъ утреннимъ блескомъ золотило верхушки тополей. Лошади шли быстрою ходой, а впереди, задравши хвосты, бодрой собачьей рысцою бѣжали мои „Ральфъ“ и „Кокъ“.

¹⁾ Маргеланъ областной городъ Ферганской области, лежащій въ котловинѣ окруженной горами.

Б—нъ молчалъ, да и мнѣ какъ-то говорить не хотѣлось; сонъ еще не совсѣмъ покинулъ меня, и я часто и съ наслажденіемъ позевывалъ.

Дорога пролегала по узкой, длинной и крайне пыльной улицѣ сартовскаго кишлака и своимъ однообразіемъ сильно утомляла глаза.

Длинные глиняные сѣрые дувалы¹⁾, иногда съ маленькими, узенькими дверями; арбы съ оборванными арбакешами, сидящими верхомъ на впряженной лошади. На нѣкоторыхъ изъ арбъ сидѣло, поджавъ ноги и мѣрно покачиваясь, по нѣсколько человекъ туземцевъ, съ любопытствомъ посматривая на насъ.

Сарты въ огромныхъ чалмахъ или зъ расшитыхъ разными шелками тюбитейкахъ, въ пестрыхъ, съ предлинными рукавами халатахъ, медленно, еле передвигая ноги, шли съ утренней молитвы изъ мечети.

Наконецъ мы добрались до небольшого базарчика. Слева и справа тянулись весьма разнохарактерныя лавки и чайханы, а продавцы туземныхъ лепешекъ громко выкрикивали, предлагая свѣжій еще горячій хлѣбъ.

Въ виду того, что день былъ базарный, огромные толпы туземцевъ стеклись сюда и оживленіе было всеобщее. Мальчики съ перепелками на рукахъ, сартянки въ своихъ „паранджа“²⁾, покрывающихъ голову, и съ закрытыми волосаюною сѣткой лицами, сарты въ пестрыхъ халатахъ, съ большими и малыми, сѣдыми и чер-

¹⁾ Дувалы—стѣны и заборы изъ глины.

²⁾ Паранджа—халатъ.

ными бородами, навьюченный верблюдъ съ сидящимъ на верху киргизомъ, въ необыкновенной формы и вывороченной мѣхомъ наружу, бараньей шапкѣ, маленькій ишакъ¹⁾ съ сидящимъ на немъ громаднымъ сартомъ, ноги котораго чуть не достигаютъ до земли, — все это представляло собою характерную толпу, съ тою пестротой, какую вы можете встрѣтить только въ Азіи.

Около одного изъ чайхановъ, представляющаго собою просто возвышеніе подъ навѣсомъ, мы остановились.

Около громаднаго русскаго самовара сутился игасы²⁾ чайхана, подкладывая въ него угли, тутъ же на небольшомъ возвышеніицѣ стоялъ цѣлый рядъ кунгановъ³⁾ и нѣсколько русскихъ фарфоровыхъ чайниковъ. Когда мы вошли, сарты сидѣвшіе въ кружокъ на коврѣ, встали и почтительно уступили намъ мѣсто.

Потребовавъ себѣ кунганъ кокъ-чаю, т. е. зеленого чаю, благотворно дѣйствующаго во время жаровъ, а также пшеничныхъ лепешекъ, замѣняющихъ туземцамъ нашъ печеный хлѣбъ, мы въ ожиданіи прошлись по базару.

Пестрая, галдящая толпа разступилась передъ нами и такимъ образомъ мы вышли на небольшую площадку, гдѣ какое то существо, въ рваномъ, состоящемъ изъ всевозможныхъ лоскутьевъ, халатѣ, въ высокой конической шапкѣ, что то громко и съ азартомъ рассказывало. Его длинные, грязно-черные волосы безобразными

¹⁾ Ишакъ — осель.

²⁾ Игасы — хозяинъ чайной.

³⁾ Кунганы — мѣдные туземные чайники въ видѣ кувшиновъ, въ которыхъ завариваютъ кокъ-чай

космами распадались по плечамъ; онъ держалъ длинную палку въ рукѣ и жестикулируя ею, оборачиваясь во всѣ стороны, хриплымъ голосомъ, то повышая его, то опять утихая, нисколько не смущаясь нашимъ появленіемъ, продолжалъ свою проповѣдь.

Это дервишъ дувана¹⁾, рассказывавшій или читавшій какую-то проповѣдь народу.

Подобные дуваны обыкновенно появляются въ базарные дни на базарахъ, читаютъ туземцамъ свои проповѣди, имѣющія на нихъ большое вліяніе. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, многіе изъ муллъ, которымъ особенно непріятно русское владычество, утилизируютъ этихъ фанатиковъ, подстрекая ихъ къ проповѣдыванію священной войны противъ русскихъ, и во время большихъ базаровъ иногда можно видѣть такого дувана, съ пѣною у рта читающаго свою проповѣдь. Его голосъ совершенно уже охрипъ и глаза дико блуждаютъ, а окружающая его многочисленная толпа бессмысленно слушаетъ, ничего не понимая изъ его проповѣди и по окончаніи ея безпечно идетъ смотрѣть на танцующаго батчу²⁾ или на бой перепеловъ.

Теперь уже подобныя проповѣди, послѣ неоднократныхъ арестовъ проповѣдниковъ и послѣдователей ихъ, не имѣютъ болѣе прежней силы и остаются глазомъ вопіющаго въ пустынь, такъ что даже правительство уже перестало обращать вниманіе на этихъ сумасшедшихъ фанатиковъ, которые въ настоящее время служатъ туземцамъ просто предметомъ развлечения.

¹⁾ Дувана — юродивый.

²⁾ Батча — мальчикъ одѣтый по женски.

Выпивши чаю и расплатившись съ хозяиномъ, который долго не могъ размѣнить данную ему монету, мы тронулись дальше и скоро выѣхали на довольно ровную мѣстность.

По бокамъ, на довольно большомъ разстояніи, зеленѣли длинными полосами насажденія кишлаковъ; кое гдѣ желтѣли нивы второго всхода и красиво поднималась джугара ¹⁾, свѣся свои тяжелыя и красивыя кисти. Мѣстами, точно зеленымъ бархатнымъ ковромъ, разстилались поля, засѣянные бидой ²⁾ и красиво ласкали своимъ свѣжимъ, ярко-зеленымъ цвѣтомъ.

Тишина въ воздухѣ была полная; даже самый незначительный вѣтерокъ не шелохнулъ ни одного листочка. Солнце между тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе припекало и настолько нагрѣло ружейные чехлы и патронташи, что къ нимъ прикоснуться было невозможно.

Но надо имѣть въ виду, что это было въ августѣ, можно же представить себѣ, что за жары стоятъ здѣсь въ іюнѣ и іюлѣ.

Насъ, туркестанцевъ, впрочемъ, нисколько не смущаетъ это обстоятельство:—мы привыкли къ этому палящему зною и довольно легко переносимъ его.

Передъ нами уже ясно виднѣлся темнымъ контуромъ, покрытый снѣгомъ Алайскій хребетъ, и я уже различалъ ущелье, въ которое мы должны были войти.

По мѣрѣ приближенія къ горамъ, мѣстность дѣлается холмистѣе и холмистѣе, и дорога замѣтно поднимается.

¹⁾ Джугара — растеніе, похожее на кукурузу съ висячею кистью зеренъ.

²⁾ Биды — клеверъ.

Нѣсколько разъ надъ нами пролетѣли небольшія стайки куропадокъ, которыми изобилуютъ степи Ферганы. Вотъ уже и кишлакъ виднѣется, въ которомъ мы рѣшили остановиться и провести нѣсколько часовъ, дабы дать вздохнуть лошадямъ.

Кишлакъ Учъ-Курганъ красиво раскинулся по горамъ въ доль рѣки Исфайранъ-сая, на крутыхъ берегахъ котораго размѣстились низенькія, какъ ласточкины гнѣзда, сѣрыя сартовскія саклюшки.

Миновавъ мостъ, красиво висящій надъ ревущею рѣкой, и выѣхавъ на базарчикъ, мы остановились въ чайханѣ. Заказали пловъ, поручили лошадей заботливому хозяину и, утомленные сорокаверстнымъ переходомъ, улеглись въ ожиданіи ужина отдохнуть.

Было уже 5½ часовъ. Жара стояла еще сильная, но тѣмъ не менѣе усталость брала свое и я крѣпко уснулъ на разостланной кошмѣ.

Но недолго пришлось мнѣ покоиться въ объятіяхъ Морфея. Я проснулся отъ осторожныхъ толчковъ хозяина, который, стараясь разбудить меня, приговаривалъ: „тюра, а тюра! палау тоіоръ“ ¹⁾.

Пріятный запахъ поспѣваго плова сразу отозвался на моемъ пустомъ желудкѣ. Б—нъ уже доставалъ изъ куржумовъ ²⁾ водку.

Ну, и пріятно же поѣсть пловъ, прекрасно сва-

¹⁾ Господинъ, а господинъ, пловъ поспѣлъ.

²⁾ Куржумы — мѣшки, которые туземцы приторачиваютъ къ сѣдлу.

ренный сартомъ, именно сартомъ, потому что другой никто такъ не сварить его какъ онъ.

Уже совершенно стемнѣло, но луна еще не восходила и мы рѣшили выждать ея появленія, а затѣмъ продолжать свой путь. Насколько тяжелымъ было наше путешествіе во время знойнаго дня, настолько пріятною прогулкой показалось намъ оно ночью.

Луна громаднымъ желтымъ шаромъ вышла изъ-за горъ, ярко какъ электрической фонарь, освѣщая громадные тополи, чернѣвшіе своими контурами на освѣщенномъ луною фонѣ неба.

Пріятная прохлада, смѣнившая страшный дневной жаръ, охватывала необъяснимою нѣгой все существо и даже лошади и собаки бодрѣе шли, несмотря на пройденное днемъ разстояніе.

Скоро мы миновали кишлакъ и насъ приняло въ свои темныя объятія чернѣвшее передъ нами Учъ-Курганское ущелье. Узкая тропа пролегала по краю карниза, нависшаго надъ шумящею и будто кипящею, покрытою пѣною рѣкой, то поднимаясь, то опускаясь и какъ змѣя извиваясь между громадными осколками скалъ, сорвавшихся съ невѣроятной высоты, но не скатившихся въ рѣку, а загородившихъ тропу и лежащихъ здѣсь въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій.

Иногда тропа совершенно спускалась къ рѣкѣ и страшный шумъ, похожій на шумъ водяной мельницы, но съ гораздо большею силой, какъ то непріятно дѣйствовалъ на слухъ.

Проѣхали мы черезъ 2—3 мостика, состоящіе просто изъ двухъ балокъ, перекинутыхъ въ узкихъ мѣ-

стахъ, гдѣ скалы двухъ противоположныхъ береговъ слишкомъ нависли; на балки эти набросаны стволы арчи и полусгнившія доски.

Проѣхавъ добрыхъ 35 верстъ, мы съ разсвѣтомъ подошли къ мѣстечку, называющемуся Аустанъ, и передохнувъ здѣсь, направились подъ переваль Тенгизъ-бай, не доходя до котораго рѣшили свернуть въ одно ущелье, и тамъ остановиться у знакомаго киргиза-охотника, а затѣмъ съ нимъ отправиться искать добычи.

Часамъ къ 12-ти, все поднимаясь и поднимаясь, мы свернули въ одно изъ большихъ ущелій, изъ котораго съ шумомъ струился большой потокъ; слѣдуя по его покрытымъ растительностью берегамъ, мы вскорѣ увидѣли нѣсколько юртъ, въ безпорядкѣ разбросавшихся на небольшой зеленой площадкѣ. Около одной изъ нихъ стояла киргизка, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ. Увидя насъ, она быстро спряталась въ юрту, откуда вышелъ старый, съ длинною бородой киргизъ, Махмудъ-бій, отецъ того охотника, къ которому мы пріѣхали.

— А саломать! саломать! тюра! ¹⁾—радостно прошамкалъ беззубымъ ртомъ старикъ и взялъ подъ уздцы мою лошадь.

— Эй, Мать-Муса! — крикнулъ онъ.

— А? — лѣниво отозвался кто-то на его зовъ изъ юрты и вслѣдъ затѣмъ толстый, но еще молодой киргизъ, съ лоснящимися жирными, сильно выдающимися

¹⁾ Здравствуй, здравствуй, господинъ.

скулами, вылезъ изъ узкой двери юрты, съ улыбкою, оскаливъ свои поразительно ровныя и сверкавшіе бѣлизной зубы.

— Хасанъ іокъ ¹⁾, — сказали старикъ, — Хасанъ уѣхалъ. Завтра пріѣдетъ.

Такое извѣстіе сильно огорчило насъ. Безъ Хасана, знавшаго всѣ мѣста, какъ свои пять пальцевъ, охота была бы затруднительною. Дѣлать нечего. Мы порѣшили ждать его до слѣдующаго дня, а тамъ, если бы онъ не пріѣхалъ, охотиться однимъ.

Старикъ отстегнулъ висячую, сдѣланную изъ длинныхъ шепочекъ дверь и мы согнувъ спины, вошли въ юрту...

Неприятный кислый запахъ чего-то прѣлаго сразу пахнулъ на насъ и я просилъ хозяина открыть тентюкъ, т. е. снять кусокъ кошмы, закрывавшій верхнее отверстіе юрты.

Яркій свѣтъ сразу освѣтилъ юрту и я увидѣлъ въ двухъ шагахъ отъ меня, киргизку, возившуюся съ небольшимъ барашкомъ, кажется чѣмъ-то большимъ. Хозяинъ видя, что намъ неприятно это зрѣлище, суровымъ голосомъ, сморщивъ свои сѣдыя брови, крикнулъ „китъ“ ²⁾ и киргизка моментально исчезла.

Мы сидѣли на коврѣ. Между тѣмъ въ юрту понемногу стали набираться обитатели аула и каждый изъ нихъ, погладивъ обѣими руками бороду и прого-

¹⁾ Хасана нѣтъ.

²⁾ Пошла, убирайся.

воривъ свое „саломалейкумъ“ ¹⁾, протянувъ намъ каждому обѣ руки, сѣли, поджавъ подъ себя ноги и сказавъ „Хасанъ екъ“, изрѣдка перебрасывались другъ съ другомъ фразами; а снаружи доносились распоряженія хозяина о приготовленіи угощенія для гостей. Вскорѣ турсуки ²⁾ съ кумысомъ киргизскій творожный сыръ, „крутъ“ лепешки на бараньемъ салтѣ, каймакъ-сливки, все было передъ нами, а въ заключеніе мы были угощены жареною на вертелѣ бараниной, да такою, что просто слюнки текутъ, какъ вспомнишь.

Тѣмъ временемъ для насъ была приготовлена совершенно особая и самая нарядная юрта; появились прекрасныя одѣяла и даже сальная свѣчка была вставлена въ какой-то допотопный, русской фабрикаціи подсвѣчникъ, какими-то судьбами попавшій въ эту горную трущобу Алая.

Въ свою очередь мы пригласили хозяина къ себѣ и угостили его водкой, до которой старикъ оказался большимъ охотникомъ; проглотивъ стаканчикъ, онъ сталъ вдругъ замѣчательно разговорчивымъ и веселымъ. Удивительное дѣло какъ туземцы любятъ водку, съ какимъ удовольствіемъ пьютъ ее они; но такъ какъ по корану спиртные напитки имъ запрещены, то они употребляютъ ихъ чрезвычайно секретно. При русскихъ въ этомъ случаѣ не стѣсняются, но просятъ никому не говорить.

Такимъ образомъ мы остались до сумерокъ въ юр-

¹⁾ Здравствуйте.

²⁾ Турсукъ — мѣхъ животного, служащій для храненія воды, кумыса и т. д.

тахъ и, благодаря теплымъ одѣяламъ, довольно сносно провели ночь, которая не отличалась теплотою.

Я проснулся почти съ разсвѣтомъ и первымъ дѣломъ пошелъ освѣдомиться, пріѣхалъ ли Хасанъ. Какова же была моя радость, когда на мой вопросъ изъ темноты юрты раздался знакомый мнѣ гортанный, немного сильный голосъ Хасана, вслѣдъ за которымъ вылъзъ и самъ ожидаемый охотникъ.

Хасанъ — средняго роста, крѣпко сложенный батыръ съ смуглымъ лицомъ и сильно выдающимися скулами. Узкіе прорѣзы глазъ, по-китайски, поднялись наружными уголками къ верху и чрезъ нихъ лукаво проглядывали быстрые и не лишеныя ума зрачки. Маленькіе черные усы и на концѣ подбородка жалкая мочалистая бородка дополняли наружность его; что поражало въ немъ — это бѣлые, какъ бы выточенные изъ слоновой кости, крѣпкіе зубы.

Вообще киргизы отличаются прекрасными зубами и объясняютъ это тѣмъ, что не ѣдятъ совсѣмъ ничего соленого, мало употребляютъ мяса, питаются обыкновенно молочною пищею.

Хасанъ спросилъ меня, когда мы ѣдемъ, очевидно уже предупрежденный о цѣли моего посѣщенія. Я сказалъ, что готовъ хоть сейчасъ, такъ какъ еще рано и до вечера мы можемъ далеко забраться.

— Знаешь что тюра, — сказалъ мнѣ Хасанъ, — мы лучше выѣдемъ верхами, у Ходжа-Серкера въ аулѣ оставимъ лошадей и поднимемся по ручью Еки-Булакъ и какъ разъ къ вечеру будемъ на мѣстѣ, гдѣ я въ прошлый разъ убилъ кінка, когда онъ спустился на

водопой; тамъ переночуемъ и на утро поднимемся къ снѣгу. Хопъ ¹⁾, — закончилъ онъ свой проектъ.

Я былъ вполне согласенъ и увѣренъ, что Б—нъ не будетъ также протестовать.

— А что, тюра, итыкъ ямнъ ²⁾, — сказалъ мнѣ Хасанъ, глядя на мои выростковые сапоги. — Мои лучше, а? Хочешь, у меня есть еще пара, я тебѣ ихъ дамъ, да и другому тюрѣ достану.

Скрывшись въ юрту, онъ вытащилъ оттуда два свертка кожи. Конечно, я не замедлилъ тщательно рассмотреть предложенную мнѣ обувь, которая состояла въ мягкомъ сапогѣ безъ каблуковъ и нѣсколькихъ кускахъ сыромятной кожи; изъ нихъ одинъ накладывался подъ подошву, а остальными обматывалась вся нога и все это завязывалось воловьими жилами. Въ такой лишь обуви возможно бродить по горнымъ дебрямъ и въ особенности въ погонѣ за кінками.

Поблагодаривъ киргиза за цѣнный въ настоящую минуту подарокъ и рѣшивъ отдарить его кинжаломъ и напоить водкой, я разбудилъ Б—на и мы, взявъ киргизскихъ лошадей и запасшись всѣмъ необходимымъ, выѣхали наконецъ въ сопровожденіи Хасана.

— Что-то дастъ намъ наша охота? Увидимъ ли мы кінковъ? — думалъ я, хотя Хасанъ увѣрялъ, что ихъ тутъ много.

Направились мы вверхъ по горному ручью, берегами, покрытыми великолѣпною сочною травой, кото-

¹⁾ Хорошо.

²⁾ Сапоги плохіе.

рую наши лошади пощипывали на ходу и не безъ удовольствія пережевывали.

Высокія скалы сурово громоздились надъ нами, а впереди въ высоко-голубое небо уходили снѣжныя вершины одного изъ отдаленныхъ хребтовъ.

Путь, усѣянный острыми осколками сорвавшихся и расколовшихся каменныхъ глыбъ, былъ достаточно неудобенъ для лошадей, но наши киргизскіе горцы, очевидно привыкшіе къ подобнымъ путямъ, шли бодро, ловко лавируя между камнями.

Было довольно свѣжо и чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ холодъ дѣлался ощутительнѣе и ощутительнѣе. Наконецъ уже стали попадаться небольшія площадки, покрытыя неоттаявшимъ еще съ зимы снѣгомъ, благодаря тому, что солнечные лучи не проникаютъ въ это темное, узкое, загроможденное скалами ущелье.

Такимъ образомъ, проѣхавъ безъ остановки часа четыре, все поднимаясь по тому же ручью, мы повернули въ одно изъ ущелий, въ которомъ, говорилъ Хасанъ, находился знакомый ему аулъ, гдѣ и предполагалось остаться на ночевку. Дѣйствительно на небольшой равнинѣ намъ попался, на тощей, съ виду замороженной лошади, киргизъ, гнавшій небольшое стадо барановъ, который, обмѣнявшись привѣтствіемъ съ Хасаномъ, что-то сказалъ ему и проѣхалъ мимо.

Наконецъ я увидѣлъ четыре юрты и мы на рысяхъ подъѣхали къ аулу.

Та же встрѣча любопытныхъ обитателей, то же угощеніе бараниной и кумысомъ, какъ и у Хасана,

повторились и здѣсь, только съ тою разницею, что приносила намъ угощеніе жена аульнаго старшины, молодая, здоровая и чрезвычайно красивая киргизка, все время закрывавшаяся рукавомъ своей рубашки и скалившая бѣлые зубы.

Хасана обступила цѣлая толпа и мы въ отведенной намъ юртѣ уже пили чай и рѣшили, передохнувъ немного, идти въ засаду, гдѣ козелъ спускается на вечерній водопой.

Начинало смеркаться.

— Ну, тюра хайда! ¹⁾ сказалъ мнѣ Хасанъ, высунувъ голову изъ юрты.

Лицо его на этотъ разъ было необыкновенно серьезно; за спиной былъ крѣпко притороченъ его мултукъ ²⁾, а на поясѣ болтались разные мѣшочки съ порохомъ и дробью, неизбѣжный ножъ, а такъ же кремень и кресала.

Презабавная штука у киргизъ — это ихъ „мултукъ“, и можно лишь удивляться, какъ они мѣтко и всегда удачно изъ него стрѣляютъ, — да иначе и представить себѣ невозможно, такъ какъ на заряженіе его употребляется не менѣе 20 минутъ.

Мултукъ состоитъ изъ основательнаго, утолщеннаго къ верхней части, ствола съ нарѣзнымъ каналомъ въ 8 м/м. въ діаметрѣ. Стволъ привязанъ проволокой къ куску дерева, напоминающему пистолетную ложу. Около дульной части устроена рогатина, служащая

¹⁾ Пойдемъ.

²⁾ Ружье.

стойкою и упоромъ во время стрѣльбы. Выстрѣлъ производится помощью фитиля, приставляемаго къ затравкѣ. Зарядъ и пуля закладываются съ дульной части и послѣдняя представляетъ собою просто кусочекъ спрессованнаго свинца и туго забивается въ дуло. Однако такое первобытное оружіе не мѣшаетъ киргизу стрѣлять изъ него на довольно большое разстояніе и быть отличнымъ стрѣлкомъ.

Въ нѣсколько минутъ я уже былъ готовъ, а Б—нъ отказался идти, говоря, что лучше поберечь силы для завтрашней тяжелой и болѣе интересной охоты и хотя я сначала и подсаждалъ на него за подобную недостойную охотника лѣность, однако впоследствии ужасно завидовалъ ему за его бодрость духа.

Мы вышли съ Хасаномъ вдвоемъ и бодрымъ шагомъ стали подниматься по довольно крутому скату горы.

Мѣстами намъ попадались узенькія, чуть замѣтныя тропинки; какъ 'сказалъ мнѣ Хасанъ, онѣ пробиты козлами, которые всегда ходятъ по старымъ путямъ.

Уже было почти совсѣмъ темно, когда мы подошли къ журчащему по камнямъ ручейку и сѣли подъ большою старою арчей.

— Ну здѣсь, — сказала Хасанъ, — теперь тюра, сиди и смотри, а я пойду вонъ на ту арчу. Приведа въ порядокъ свое оружіе, онъ отправился по указанному направленію и скоро скрылся за камнями.

Громадный дискъ луны какъ бы вынырнулъ изъ-за горы и своимъ мѣднымъ свѣтомъ озарилъ ущелье, живописно играя въ журчащей водѣ ручейка. Стало

довольно свѣтло и я даже различалъ арчу, за которою сидѣлъ Хасанъ.

Все было тихо и мнѣ казалось, что я слышу собственные удары сердца; я ждалъ съ нетерпѣніемъ желаннаго гостя, но видимо судьба намъ не благопріятствовала.

Просидѣвъ такимъ образомъ часа два, я вдругъ услышалъ приближающійся шорохъ по камнямъ, взвелъ курки и приготовился. Шорохъ затихъ и вдругъ снова раздался съ большею силой. Но каково же было мое разочарованіе и досада, когда вмѣсто кійка ко мнѣ подошелъ Хасанъ.

— Нѣтъ, тюра, теперь ужъ кійкъ не придетъ, пойдемъ-ка въ ауль и съ разсвѣтомъ отправимся на поиски.

Не повезло, подумалъ я и печально побрелъ за Хасаномъ.

— Что, много убили? — иронически спросилъ меня Б—нъ. Но мнѣ было не до шутокъ и его вопросъ неприятно отозвался на мнѣ. Съ тяжелымъ чувствомъ закутался я въ одѣяло и крѣпко уснулъ. Однако, недолго пришлось мнѣ отдыхать. Б—нъ отдыхалъ цѣлый день, почему ему не спалось и онъ, сговорившись съ Хасаномъ выйти возможно раньше, въ 3 часа безпощадно разбудилъ меня.

Дѣлать было нечего, — несмотря на то, что хотѣлось страшно спать, я былъ менѣе чѣмъ черезъ 10 минутъ совершенно готовъ, а умывшись снѣжною водою и выпивъ чашку кумысу, почувствовалъ себя необыкновенно бодрымъ.

Чуть начинало свѣтать, когда мы подошли къ ручью, по которому ѣхали вчера и стали подниматься по направленію къ снѣжнымъ вершинамъ, казавшимся въ весьма близкомъ отъ насъ разстояніи и скрывавшимся изъ глазъ по мѣрѣ приближенія нашего къ крутой горѣ, по которой мы начали взбираться.

Лѣзть было довольно тяжело; камни вырывались изъ подъ ногъ и съ шумомъ, увлекаемая въ своемъ паденіи множество мелкихъ осколковъ, катились внизъ. Иногда попадалась не большая и полусгнившая арча.

— Ну вотъ наконецъ вершина, — подумалъ я, глядя вверхъ и замѣчая, что гора будто кончается; я собираю силы, и въ одинъ махъ залѣзаю на мнимую вершину, но увы! — предо мною открывается небольшая равнина, а дальше опять такая же и даже болѣе высокая гора, надъ которой все также близко возвышаются снѣжныя вершины.

— Что, Хасанъ, скоро снѣгъ, — спросилъ я.

— Юкъ, къ вечеру развѣ доберемъ — невозмутимо, лѣниво, переставляя ноги, отвѣтилъ онъ.

Я сѣлъ на камень и закуривъ папироску, невольно бросилъ взглядъ внизъ и не могъ не полюбоваться чудною картиной.

Ручейка не было видно и громадные камни, казавшіеся такими большими, теперь имѣли видъ не больше булавочной головки, а ущелье, изъ котораго мы вышли, утопало въ какомъ-то дымчато-голубоватомъ туманѣ. Со всѣхъ сторонъ возвышались снѣжные хребты, уто-

павшіе въ голубомъ небѣ своими, позолоченными восходомъ солнца, снѣжными головами. Дальше подъемъ дѣлался все тяжелѣе и тяжелѣе.

Часто приходилось чуть не ползкомъ пролѣзть по такимъ мѣстамъ, гдѣ какъ сказалъ поэтъ: „лишь злой духъ одинъ шагаль, адски когда низверженный съ небесъ въ бездонной пропасти исчезъ“. Голова не выдерживаетъ, когда посмотришь внизъ, и мысль о томъ, что вы можете сорваться, дѣлаетъ васъ необыкновенно осторожнымъ.

Ползя все выше и выше и часто спугивая кекликовъ¹⁾ и уларовъ²⁾, мы къ полудню забрались на значительную высоту и пошли по гребню хребта, покрытому арчею.

— Вонъ туда пойдѣмъ, — сказалъ Хасанъ, указывая на виднѣвшуюся снѣжную массу, какъ разъ впереди насъ, — тутъ Аллахъ поможетъ и мы козловъ увидимъ.

Я чувствовалъ сильную усталость и досадовалъ на Б—на, который подтрунивалъ надо мной и вчерашней моей охотою. Мы усѣлись подъ небольшой камень и закусили захваченной вареной бараниной съ лепешками. Стало значительно теплѣе и солнце даже довольно сильно припекало. Подкрѣпивъ такимъ образомъ свои силы, карабкаясь по невѣроятнымъ глыбамъ, часамъ къ четыремъ мы добрались до снѣговой линіи.

¹⁾ Кекликъ—горный рябчикъ.

²⁾ Уларъ—горная индюшка.

Холодъ былъ сильный и, несмотря на солнце, давалъ себя чувствовать.

Мы были на краю громаднаго обрыва. Ноги и руки, изодранныя о камни, сильно болѣли и отдыхъ казался необходимымъ.

— Здѣсь заночуемъ? — спросилъ у Хасана.

— Какъ хочешь, тюра . . .

Онъ не договорилъ и сталъ пристально смотрѣть внизъ, гдѣ далеко внизу виднѣлись нѣсколько деревьевъ арчи.

— Кіики, таинственнымъ голосомъ сказалъ Хасанъ.

— Кіики? повторяли мы и всякая усталость была забыта.

Я долго не могъ разглядѣть ничего тамъ, куда указывалъ мнѣ пальцемъ Хасанъ и наконецъ увидѣлъ двухъ козловъ, щипавшихъ траву, около небольшой арчи. Мы порѣшили спуститься.

Кіики были возлѣ самаго обрыва, на небольшомъ, почти неприступномъ карнизѣ, и убить ихъ тамъ было бы бесполезно, такъ какъ они достались бы развѣ беркутамъ и стервятникамъ; мы рѣшили дѣйствовать такимъ образомъ: Хасанъ долженъ спуститься и зайти по возможности въ сторону и выстрѣломъ заставить ихъ перемѣнить свое мѣсто, а мы предполагали спуститься и выждать, когда добыча приблизится на ружейный выстрѣлъ.

Хасанъ быстро исчезъ, а мы стали спускаться.

Спускъ представлялъ собою совершенно гладкую, крутую осыпь, покрытую сплошь осколками аспида, который катился вмѣстѣ съ нами, увлекаая за собою

массу другихъ мелкихъ камней; казалось, что мы плыли вмѣстѣ съ горою.

Мѣстами приходилось схватываться за вѣтви арчи или упираться на попадавшіеся большіе камни, которые скользя сопутствовали намъ далѣе. Наконецъ, спустившись на достаточное разстояніе, мы пошли вправо по узкому карнизу тропѣ, протоптанной кіиками, и снова перелѣзая съ камня на камень, со скалы на скалу, стали спускаться далѣе.

Кіики были въ разстояніи не болѣе четырехсотъ шаговъ и видимо не замѣчали насъ, находившихся какъ разъ противъ нихъ, на краю страшной пропасти.

Стрѣлять или нѣтъ, подумалъ я, и рѣшилъ лучше еще немного спуститься, но было поздно: Хасанъ выстрѣлилъ.

Глухой звукъ выстрѣла разнесся по ущельямъ и продолжительнымъ раскатистымъ эхомъ долго переливался по горамъ. Кіики вздрогнули и въ одинъ моментъ страшными прыжками бросились вправо отъ насъ. Б—нъ выстрѣлилъ, но очевидно промахнулся.

Одинъ кіикъ вдругъ остановился и, перемѣнивъ направленіе, сталъ подниматься съ правой стороны прямо на насъ.

Мы притаились за камнями.

Ровные щелчки его крѣпкихъ копытъ о камни уже ясно долетали до насъ; страшное сопѣнье, какъ отъ паровоза, которое всегда сопровождаетъ кіика во время бѣга, слышалось сильнѣе и сильнѣе, и вдругъ справа отъ меня шагахъ въ 45-ти появилась его мощная, сѣро-бурая, стройная фигура. Громадные рога загибались

далеко за спину, длинная борода была почти прижата къ груди; пораженный неожиданностью неприятной съ нами встрѣчи, онъ какъ бы вдругъ окаменѣлъ и сдѣлалъ быстрый поворотъ . . .

Мы выстрѣлили съ Б—нымъ почти сразу.

Стремглавъ, увлекая за собою цѣлыя глыбы камней, полетѣлъ кинкъ въ зияющую черную пропасть, оставляя за собою цѣлый столбъ пыли.

Иногда ударившись о камень, онъ дѣлалъ чудовищный сартомортале, отлеталъ въ сторону и снова катился внизъ.

Наконецъ около арчи, запутавшись ногами въ ея корняхъ, торчавшихъ надъ землею, онъ остановился.

Между тѣмъ новый выстрѣлъ Хасана заставилъ насъ отвлечься на минуту отъ убитой добычи, но никто не появился и мы стали осторожно спускаться къ нашему трофею.

Какъ это вытащимъ мы его оттуда, думалъ я, вѣдь въ немъ добрыхъ пудовъ 6, если не болѣе.

Мы все ниже спускались и наконецъ подошли къ арчѣ. Громадный кинкъ лежалъ съ окровавленной мордой; голова его была прострѣлена одной пулей; кто изъ насъ попалъ — неизвѣстно; каждый приписывалъ удачный выстрѣлъ себѣ.

Сосчитавъ число шишекъ на рогахъ, мы увидѣли, что козлу было не болѣе семи лѣтъ и приблизительно вѣсилъ онъ пудовъ $5\frac{1}{2}$.

Подумавъ и посоветовавшись другъ съ другомъ, какъ быть съ убитымъ козломъ, мы рѣшили общими силами втащить добычу на верхъ; привязавъ его за ноги,

взятыми съ собою арканами и передохнувъ немного мы принялись за свою тяжелую ношу и такъ измучились, какъ еще никогда, по крайней мѣрѣ мнѣ, не приходилось. Два раза онъ срывался у насъ и приходилось снова спускаться внизъ и затаскивать на пройденное уже разстояніе.

Между тѣмъ Хасана не было и мы не могли понять, что бы это значило.

Уже совершенно стемнѣло, когда мы взобрались на мѣсто, откуда увидѣлъ Хасанъ кинковъ. Ноги и руки страшно болѣли. Я чувствовалъ, что болѣе не въ силахъ сдѣлать шагу. Б—нъ былъ бодрѣе меня, но и онъ молчалъ, закинувъ руки за голову и лежа враспяжку на землѣ.

— Хасанъ,—громко крикнулъ Б—нъ.

Эхо повторило его крикъ, но отвѣта не послѣдовало.

— Куда же Хасанъ дѣлся въ самомъ дѣлѣ,—сказалъ я, ужъ не убится ли, чего добраго.

— Что вы? киргизъ — да убьется? Нѣтъ. Мы съ вами пять разъ успѣли бы сломать себѣ шею, прежде чѣмъ онъ хоть разъ оступился бы, — возразилъ мнѣ Б—нъ.

Вдругъ донесся до насъ отдаленный свистъ. Мы прислушались; вскорѣ свистъ повторился еще два раза.

Б—нъ отвѣтилъ тѣмъ же. Свистъ раздался уже гораздо ближе.

Собравши немного сухой травы и наломавъ вѣтокъ арчи, я развелъ вмѣстѣ съ Б—немъ костеръ и громадное яркое пламя озарило большое простран-

ство, веселыми языками играя въ темнотѣ. Луна еще не всходила.

— „Эге!“ раздался крикъ и мы съ радостью узнали голосъ Хасана, но каково же было наше удивленіе и радость, когда онъ свалилъ на землю съ плечъ порядочнаго кіика.

Въ изнеможеніи онъ сѣлъ у огня. Потъ ручьями лилъ съ него и онъ, самодовольно улыбаясь, проговорилъ:

— Якши кіикъ.

Правда, что его добыча была гораздо меньше по величинѣ нашей, но дотащить одному и такую — было положительно подвигомъ съ его стороны.

— Ну, что Хасанъ, усталъ?—спросилъ я его.

— Немножко, тюра, отвѣтилъ онъ.—Ни, тузукъ¹⁾ тюра, скоро пойдемъ?

Я вытаращилъ на него глаза.

— Какъ! идти въ аулъ? Нѣтъ, я не пойду ранѣе, чѣмъ взойдетъ солнце. Такъ, безъ отдыха, и ногъ не дотащишь.

Съ этимъ рѣшеніемъ я сталъ дремать у костра, а Хасанъ между тѣмъ налаживалъ палки для приготовления ужина, состоявшаго изъ куска жареной на кострѣ козлятины, да кунгана чаю. Б—нъ спалъ, положивъ голову на спину убитаго кіика. Съ большимъ удовольствіемъ поѣли мы кіичины. Это очень вкусное мясо даже въ такомъ видѣ, какъ ѣли его мы, но можно себѣ представить, что это за лакомое блюдо, когда кіичина предварительно вымочена въ уксусѣ.

¹⁾ Довольно.

Однимъ словомъ, охотой нашей мы могли похвастаться и съ возгласами одобренія были встрѣчены въ аулахъ. На слѣдующій день мы взяли подъ добычу вьючныхъ лошадей и предварительно выпотрошивъ, засоливъ и набивъ травой козловъ, завалили ихъ снѣгомъ и отправились обратно въ Маргеланъ, куда въ два перехода и прибыли, довольные проведеннымъ временемъ и удачнымъ исходомъ охоты.

ХУДОЯРЪ ХАНЪ.

(Послѣдній ханъ Коканда).

I.

Сильнымъ и могущественнымъ было кокандское ханство до конца шестидесятыхъ годовъ.

Широко раскинулось оно отъ неприступныхъ кряжей Алая и до береговъ Аральскаго моря. Грознымъ сосѣдомъ было ханство для Хивы и Бухары и безпокойнымъ для Россіи.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ кочевое населеніе Киргизкайсакскихъ степей, получая денежную поддержку отъ кокандскихъ властителей, начало открыто нападать на наши пограничные поселки, уводя цѣлыми толпами въ плѣнъ русскихъ подданныхъ.

Нападеніе кочевниковъ на укрѣпленные посты, заставило наконецъ наше правительство принять самыя энергичныя мѣры для прекращенія безпорядковъ на востокѣ.

Съ покореніемъ Ташкента и присоединеніемъ къ Россіи нынѣшнихъ Сыръ-Дарьинской области и Аму-Дарьинскаго отдѣла, территорія кокандскаго ханства значительно уменьшилась и въ районѣ его осталась лишь Ферганская область, одна изъ плодороднѣйшихъ и культурнѣйшихъ провинцій Туркестана.

Между тѣмъ, въ 1868 году командующій войсками вновь покореннаго туркестанскаго военнаго округа, генераль-адъютантъ Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ, видя, что для окончательнаго укорененія русской власти въ средней Азии нельзя было ограничиться присоединеніемъ только Сыръ-Дарьинской области, которая со времени занятія нашими начала подвергаться нападеніямъ со стороны Бухары и Хивы, рѣшилъ покончить съ безпокойными сосѣдями и въ 1868 году предпринялъ походъ въ Бухару.

1-го мая непріятель былъ разбитъ у рѣки Заревшанъ и на слѣдующій день русскіе взяли гордыню мусульманъ—Самаркандъ.

23 іюня того же года миръ былъ подписанъ и Бухара стала въ зависимое положеніе по отношенію къ Россіи.

Однако этотъ урокъ не послужилъ на пользу другому безпокойному сосѣду.

Подъ вліяніемъ англійскихъ агентовъ, хивинскій ханъ всѣми силами старался поднять мусульманскіе народы противъ Россіи, и муллы неистовствовали среди возбужденныхъ массъ населенія, проповѣдуя священную войну.

Огромныя скопища хивинцевъ и бухарцевъ съ одной стороны, киргизъ и кипчаковъ съ другой (кокандцы), вызвали наконецъ Кауфмана предпринять походъ въ Хиву.

Это было въ 1873 году, когда наши неутомимыя туркестанскія войска, сражаясь съ хищнымъ и увертливымъ врагомъ, боролись и съ тяжелыми климатиче-

скими условіями въ безводныхъ пустыняхъ, заносимыя барханами, безъ вѣрныхъ картъ, безъ провіанта и обуви.

Стоитъ только познакомиться съ исторіей Хивинской экспедиціи, чтобы имѣть полное представленіе о тѣхъ колоссальныхъ лишеніяхъ, которыя выпали на ихъ долю въ голодныхъ степяхъ Хивы и Бухары.

Теперь, когда проѣзжаешь по Закаспійской дорогѣ и въ теченіе трехъ дней пути видишь одну только безконечную гладь песку, или громадныя движущіеся бахраны, сливающіеся съ горизонтомъ, невольно приходишь въ трепетъ при мысли, что здѣсь проходили отряды со скуднымъ запасомъ воды, безъ провіанта, въ палящій жаръ, заносимые раскаленнымъ пескомъ пустыни ¹⁾).

Походъ въ Хиву на этотъ разъ кончился для Россіи благополучно. Хивинцы смирились и ханство сдѣлалось вассальной провинціей русскаго государства. Оставалось на востокѣ кокандское ханство, но пока, со стороны его хановъ не было замѣтно особенно враждебнаго направленія противъ нашихъ владѣній и, казалось, спокойствіе было установлено.

Объяснялось это тѣмъ, что кокандскимъ ханствомъ правилъ ханъ Худояръ, человекъ умный, видѣвшій въ Россіи непосильнаго врага и хорошо понимавшій, что благо его народа, а также независимость ханства всецѣло зависятъ отъ мирныхъ отношеній его съ

¹⁾ Въ 1839 году походъ въ Хиву Перовскаго окончился очень неудачно для Россіи.

представителемъ русской власти въ Азіи — Кауфманомъ.

Къ этому заключенію Худояръ-ханъ пришелъ послѣ того, какъ часть его владѣній была уже въ рукахъ русскихъ, когда оазисы Чимкентъ, Ташкентъ, и Ходжентъ отошли къ намъ и кокандское ханство сразу уменьшилось въ территориальномъ отношеніи.

Занятіе этой части кокандскаго ханства русскими, случилось какъ разъ въ то время, когда тамъ господствовали междоусобія изъ-за престола.

Издавна существовало тамъ двѣ партіи: осѣдлыхъ и кочевниковъ, каждая изъ нихъ хотѣла имѣть властелиномъ своего избранника, вслѣдствіе чего въ ханствѣ господствовала полная анархія и усобицы.

Извѣстные своими звѣрствами, вожаки кочевой партіи Мусульманъ-Куль и Алимъ-Куль три раза осиливали приверженцевъ Худояръ хана и три раза хану приходилось слагать съ себя бразды правленія, но судьба сжалилась надъ нимъ, ему удалось снискать заступничество генерала Кауфмана и укрѣпиться на отцовскомъ престолѣ. Послѣ этого Худояръ-ханъ поклялся никогда не нарушать обѣщанія, даннаго имъ Кауфману быть другомъ русскихъ.

Приободренный установившимися мирными отношеніями съ Россією, Худояръ-ханъ дѣятельно занялся восстановленіемъ порядка въ ханствѣ, нарушеннаго усобицами и, со свойственнымъ каждому восточному правителю деспотизмомъ, казнилъ всѣхъ своихъ враговъ, предавалъ ихъ неслыханнымъ мученіямъ, наводя на все населеніе панической страхъ, сохранившійся

между кокандцами и до настоящаго времени въ видѣ ужасныхъ разсказовъ.

Постояннымъ мѣстомъ жительства Худояръ-хана была столица ханства Кокандъ.

Здѣсь величественно возвышалась построенная предками хана великолѣпная урда ¹⁾. Эта урда, по приказанію хана, обновленная и украшенная аравійскими мастерами, представляла собою одинъ изъ самыхъ великолѣпныхъ дворцовъ въ Средней Азіи. Здѣсь ханъ жилъ въ продолженіе зимы, уѣзжая лѣтомъ въ роскошный загородный садъ, откуда черезъ день пріѣзжалъ въ урду разбирать дѣла и награждать подчиненныхъ.

Кокандская урда до такой степени изяшна и оригинальна, что трудно оторваться отъ этого чуднаго зданія, носящаго на себѣ всю прелесть фантазіи восточной архитектуры.

Сколько разъ въ теченіе двѣнадцатилѣтняго пребыванія въ краѣ я видѣлъ урду и всегда съ одинаковымъ чувствомъ восторга любовался величественнымъ и гордымъ видомъ прелестнаго зданія.

Урда поднимается высоко надъ площадью и кажется какимъ-то волшебнымъ изваяніемъ, поставленнымъ на огромный пьедесталь. Ея широкой фасадъ съ минаретами переливаются всевозможными цвѣтами мозаики и кажутся сдѣланными изъ самага тонкаго китайскаго фарфора.

¹⁾ Урда—дворецъ. Омаръ-ханъ выстроилъ эту урду, но затѣмъ она была заброшена и только при Худоярѣ восстановили въ ней ханскую резиденцію.

По стилю своему дворецъ представляетъ собою необыкновенно изящный видъ. Высокій и широкій порталъ, обрамленный двумя минаретами, грозно выдается изъ середины фасада зданія, вершины-же минаретовъ ажурныя и увѣнчаны сверху мозаичными остроконечными крышами. Другіе минареты, вдоль которыхъ спиралью тянется полоса зеленыхъ арабесковъ, красиво возвышаются по краямъ фасада.

Смѣсь этихъ нѣжныхъ цвѣтовъ, эта необыкновенно тонкая пестрота, дѣлаютъ урду на видъ какой-то ажурной-хрупкой и кажется, что сквозь ея каменные стѣны просвѣчиваютъ тысячи разноцвѣтныхъ огней.

Верхняя часть зданія по всему его продолженію, рѣзко отбѣняетъ своимъ синимъ фаянсомъ голубыя стѣны, сложенные изъ переливающихся въ свѣтло-зеленый цвѣтъ изразцовъ.

Стѣны урды всѣ сплошь покрыты нишами разнообразнаго рисунка, обрамленными фестонами, вылѣпленными изъ алебаstra и покрытыми мозаикой.

Внутренность зданія такъ-же щеголяла великолѣпіемъ, какъ и его внѣшность. Огромные высокіе покои съ росписанными мозаикой всевозможныхъ цвѣтовъ потолками, которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ небольшими уступчиками съ изобиліемъ позолоты, куполами подымались вверхъ и потому представляли собою необыкновенное зрѣлище для европейца. Лѣпныя стѣны, мозаичные полы дополняли убранство роскошнаго ханскаго обиталища.

Однако, несмотря на все великолѣпіе урды, въ покояхъ ея не было совершенно обстановки и только въ

двухъ или трехъ изъ нихъ стояла европейская мебель, подаренная хану однимъ русскимъ купцомъ.

За урдою открывается довольно обширный дворъ, весь застроенный по краямъ жилыми помѣщеніями. Здѣсь былъ и знаменитый гаремъ правителя Коканда, въ которомъ жило 80 затворницъ ханскихъ женъ. Здѣсь помѣщалась и придворная прислуга. Изъ урды былъ потайной проходъ въ гаремъ, по которому могъ проходить въ обиталище своихъ красавицъ одинъ лишь ихъ властитель, да евнухи, эти бдительные церберы томившихся въ урдѣ женщинъ.

Тяжелая участь выпала на долю несчастныхъ. Роскошь, изобиліе во всемъ — не были отрадой для нихъ; ихъ молодая натура требовала любви, ихъ сердце, снѣдаемое страшною ревностью другъ къ другу изъ-за предпочтенія своего владыки готово было разорваться на части.

Сколько слезъ, сколько безумныхъ желаній сотенъ юныхъ существъ, были свидѣтелями эти молчаливыя стѣны урды, теперь мрачно и равнодушно глядящія на все окружающее.

Бывало, что по личной ненависти старшей изъ женъ, или по наговорамъ, подкупленнаго евнуха, молодая фаворитка обвинялась передъ ханомъ въ измѣнѣ. Безжалостно произносилъ тогда свой страшный приговоръ владыка, и казнь надъ бѣдной жертвой совершалась въ его присутствіи въ назиданіе прочимъ жемчужинамъ гарема.

Когда приверженцы Автобачи возстали противъ Худояръ-хана и когда онъ принужденъ былъ бѣжать

въ Ташкентъ подъ защиту русскихъ, гаремъ былъ уничтоженъ; нѣкоторыя затворницы успѣли бѣжать изъ него и разбрелись въ разныя стороны. Многія-же изъ нихъ сдѣлались жертвою ужаснаго закона, по которому, жена хана не можетъ принадлежать обыкновенному смертному — и были умерщвлены. Только немногія изъ красавицъ, захваченныя ханомъ въ Ташкентъ, а затѣмъ и въ Оренбургъ, избѣгли горькой участи.

II.

Однажды, во время пребыванія въ Ташкентѣ, я сидѣлъ у моего походнаго товарища поручика Б—ова. Мы, развалясь на отоманкахъ, покуривали чалимъ¹⁾ въ ожиданіи, когда деньщикъ Осипъ доложитъ намъ, что пловъ²⁾ поданъ. Разговоръ шелъ на ту самую тему, которой посвященъ мой настоящій очеркъ; говорили мы о Худояръ-ханѣ и вообще о прошломъ теперешняго Туркестана.

Подполковникъ Д—скій особенно много рассказывалъ намъ о взятіи Коканда, о Худоярѣ, его жизни и правленіи и мы не менѣе охотно слушали его интересное сообщеніе, я-же кое-что даже записывалъ.

Когда рассказъ коснулся гарема, слушатели сдѣлались особенно внимательными, тѣмъ болѣе, что Д—скій рассказывалъ о судьбѣ одной, извѣстной всѣмъ намъ

¹⁾ Калянь.

²⁾ Восточное кушанье изъ рису.

сартянки, принявшей впоследствии православіе и вышедшей замужъ за русскаго офицера. Эта сартянка была дочерью Худояръ-хана.

— Интересно было-бы познакомиться съ этой удивительной дамой, замѣтилъ я, когда Д—скій окончилъ свою интересную повѣсть.

— И это не такъ трудно сдѣлать, отвѣтилъ мнѣ рассказчикъ.

— Такъ, пожалуйста, доставьте мнѣ удовольствіе, представьте меня ей, воспользовался я случаемъ поймать на словѣ Д—скаго — ужъ теперь я отъ васъ не отстану.

— Хорошо сказалъ Д., вставая и мы всѣ направились на террасу.

Поѣвши плову и выпивъ порядочно, мы разошлись.

— Такъ значитъ я могу надѣяться на ваше обѣщаніе? — Когда? спросилъ я Д—скаго, пожимая ему на прощанье руку.

— Въ воскресенье, въ собраніи отвѣтилъ онъ.

— Въ собраніи? удивленно переспросилъ я.

— Ну да, въ собраніи, улыбнулся онъ и сѣлъ на извозчика.

До воскресенья оставалось четыре дня и я ждалъ съ нетерпѣніемъ этого интереснаго момента.

III.

Въ танцевальномъ залѣ уже гремѣли звуки вальса, когда я снималъ шинель въ передней.

— Здѣсь подполковникъ Д—скій?, спросилъ я швейцара.

— Точно такъ, въ билліардной.

Я прямо прошелъ въ билліардную, гдѣ засталъ Д—скаго, игравшаго въ пирамидку.

— „На лѣво въ уголь двѣнадцатаго“ проговорилъ Д—скій, когда я переступалъ порогъ билліардной и при этомъ его кій привычно толкнулъ шаръ, который съ трескомъ вскочилъ въ лузу. Д. обернулся, кивнулъ одобрительно мнѣ и сдѣлалъ еще два шара. Противникъ его, казачій офицеръ, хмурясь осматривалъ невыгодность своей позиціи.

— Ну что, не забыли? улыбаясь спросилъ меня Д., пожимая мнѣ руку, кончу вотъ партію и пойдёмъ, она здѣсь, прибавилъ онъ.

Я съ нетерпѣніемъ дожидался конца игры, которая затянулась, такъ какъ дѣло было въ послѣднемъ шарѣ.

Наконецъ, ловкимъ дуплетомъ Д. положилъ въ средину шаръ и побѣдоносно, бросивъ кій на билліардъ, пошелъ къ умывальнику, а казакъ съ недовольной миной записывалъ въ книгу проигранное время.

— Ну идемъ, обратился ко мнѣ Д—скій и мы пошли въ залъ. Большой залъ ташкентскаго военнаго собранія былъ ярко освѣщенъ. Музыка только что кончила вальсъ и танцующія дамы отдыхали, обмахиваясь вѣерами и, томно опуская глазки, бесѣдовали съ кавалерами. Д—скій подвелъ меня къ очень красивой брюнеткѣ, одѣтой во все желтое.

Я сразу не могъ хорошенько разглядѣть ее, но общее впечатлѣніе она производила довольно пріятное.

Не можетъ быть сартянкой, такая изящная женщина, подумалъ я.

Д—скій представилъ меня.

Маленькая, изящная ручка въ палевой перчаткѣ пожала мою и пожала энергично, не по-дамски.

Большіе черные глаза, обрамленные длинными рѣсницами, немного насмѣшливо глядѣвшіе изъ подъ тонкихъ длинныхъ бровей, открыто, даже отчасти нагло остановились на мнѣ; я не могъ выдержать этого взгляда и отвелъ глаза.

— Очень рада съ вами познакомиться, съ едва замѣтнымъ акцентомъ проговорила она, — я много о васъ слышала, пожалуйста сядьте, указала она вѣеромъ на свободный рядомъ съ собою стулъ.

Д—скій отошелъ отъ насъ. Наступила самая тягостная минута молчанія, и затѣмъ завязался преглупѣйшій разговоръ о вечерѣ, собраніи и даже, увы, о погодѣ, этой неизбежной темѣ почти для каждаго новаго знакомства. Мою собесѣдницу часто ангажировали и она ни разу никому не отказала и танцевала всѣ танцы. Я слѣдилъ за нею, непуская съ нея глазъ.

Танцевала она не хорошо, но природная грація маскировала неумѣнье и кромѣ того она необыкновенно быстро усваивала всѣ приемы, которые замѣчала у дамъ, пользовавшихся славою хорошихъ танцовщицъ. Особенно замѣтно это было во время кадрили и эта копировка выходила у нея немного комичной.

Передъ ужиномъ къ моей новой знакомой подошелъ уже гѣжилой штабъ-офицеръ, оказавшійся ея мужемъ.

Получивъ приглашеніе бывать у нихъ въ домѣ, я вскорѣ-же воспользовался имъ и сталъ часто бывать у Горской, какъ была русская фамилія сартянки. Но я лучше буду называть настоящимъ ея именемъ, которое и она сама больше любила, чѣмъ свое русское Наталія. Звали ее Зумрадъ-ханъ.

IV.

Я часто началъ бывать у Зумрадъ и очень скоро подружился съ нею; какъ женщина она мнѣ не нравилась, въ ней не было женственности, не было искры, которая могла-бы запасть въ душу и зажечь тамъ цѣлый костеръ. Любви она мнѣ не внушала, но своею оригинальностью, простою и необыкновеннымъ умомъ она привязала меня къ себѣ.

Что она была страстная женщина, въ этомъ не было сомнѣнія, о ея похощеніяхъ, сопряженныхъ съ страшнымъ рискомъ для репутаціи (она дорожила ею) мнѣ было многое извѣстно. Два раза она была подъ огнемъ, въ нее стрѣляли изъ ревности, но она всегда выходила какъ ни въ чемъ не бывало изъ всѣхъ этихъ исторій.

Она злилась на меня за мое равнодушіе къ ней, за молчаніе на ея вызовы и одно время мы долго не видѣлись.

Однажды, въ тотъ періодъ времени, когда я не бывалъ у Зумрадъ, я сидѣлъ дома и повторялъ уставъ лагерной службы, какъ ко мнѣ вошелъ сартъ и подалъ

письмо. Письмо было отъ нея, и въ немъ она просила меня немедленно пріѣхать.

Отпустивъ джигита, я одѣлъ китель и отправился.

Засталъ я Зумрадъ одну, она сидѣла въ своей комнатѣ на разбросанныхъ, по полу подушкахъ. На ней была шелковая рубашка съ длинными рукавами, сквозь которую вырисовывались ея стройныя упругія формы.

Маленькая золотистая тубитейка, изъ подъ которой выбивались пряди густыхъ, черныхъ волосъ, была надѣта немного на бокъ. Въ ушахъ красовались большія золотыя серьги съ побрякушками. Я въ первый разъ видѣлъ ее въ такомъ костюмѣ и она мнѣ показалась неизмѣримо лучше чѣмъ въ модномъ дамскомъ нарядѣ.

Она ехидно улыбнулась, замѣтя какое впечатлѣніе произвелъ на меня ея костюмъ.

— Ну „отурь“, садись, сказала она, указавъ подлѣ себя и я усѣлся по сартовски, поджавъ подъ себя ноги.

— Якши ма? ¹⁾ скаля свои чудные зубы и улыбаясь во весь ротъ, спросила она меня.

Джюда якша ²⁾ отвѣтилъ я.

— Ну, вотъ я нарочно принимаю васъ, какъ сартянка, быть можетъ я вамъ такою больше понравлюсь.

Я пробормоталъ обычную любезность.

— А идетъ мнѣ этомъ костюмъ? спросила она.

— Вы восхитительны въ немъ, непритворно воскликнулъ я, и дѣйствительно она была великолѣпна.

¹⁾ Что, хорошо?

²⁾ Очень хорошо.

Она задумалась.

— А знаете-ли, сказала она, мнѣ всѣ говорятъ, что я похожа на мою мать, а моя мать была необыкновенная красавица, она была лучше всѣхъ въ гаремѣ...

Она остановилась и покраснѣла.

— Да, я слышалъ, сказалъ я, видя ея смущеніе и боясь, чтобы она не перемѣнила разговора.

— Такъ вы знаете... вы знаете, что я дочь Худояръ-хана.

— Да, знаю.

— А я думала, что вы не знаете, и думаете, что я простая сартянка. Нѣтъ, въ этихъ жилахъ течетъ царская кровь, гордо сказала она, указывая пальцемъ себѣ на грудь.

— Но я ужасно несчастная, одинокая, разбитая горемъ женщина — она заплакала. Я утѣшалъ ее, но она не переставала плакать. Я взялъ ея руку, умолялъ успокоиться и она успокоилась.

— Вы хорошій, сказала она, вы не такой какъ они, вы лучше, вотъ я васъ за это уважаю, а они только и смотрятъ какъ-бы... она опять остановилась, видимо боясь, что перейдетъ границу. Вы мой другъ и я это цѣню.

— Вотъ вы меня жалѣете, хоть и не любите, а другіе меня не жалѣютъ, хоть увѣряютъ клятвами въ своихъ ко мнѣ чувствахъ... а сколько я перестрадала, горя перенесла, еще въ гаремѣ дѣвочкой, сколько страху натерпѣлась.

Слушайте-же, я расскажу вамъ про себя, начала

она, устремивъ свой взоръ мимо меня, обнявъ свои колѣни руками и откинувъ немного назадъ голову. Эта поза была достойна художника, въ ней сквозила какая-то особенно дикая простота и изящество.

V.

Я родилась въ гаремѣ въ ту пору, когда ханъ Худояръ велѣлъ зарѣзать десять женъ, которыя завели себѣ общаго любовника одного изъ конюшихъ хана; всѣ евнухи знали это, но были подкуплены.

Однако отъ хана не осталось тайною такая подробка. Кто донесъ неизвѣстно, но однажды онъ врасплохъ засталъ у женъ счастливца и собственноручно перерѣзалъ ему горло.

Всѣ до одного евнухи были посажены на колъ, и въ гаремѣ начались такія строгости, о которыхъ и слуха раньше не было.

Мать моя была незадолго до этого привезена въ гаремъ и Худояръ, особенно полюбилъ ее, да и было за что. Такой красавицы, какъ мать я не видала болѣе между нашими женщинами, она была хороша, какъ майская роза, нѣжная такая, полногрудая, здоровая и страстная.

Она влюбила въ себя хана, сдѣлалась фавориткой его и оставалась ею цѣлыхъ пять лѣтъ, что считалось въ гаремѣ необыкновенно долгимъ срокомъ.

Съ шестого года моей жизни я очень хорошо помню себя и окружающую меня обстановку.

Спала я вмѣстѣ съ матерью въ нишѣ¹⁾, но не каждую ночь, иногда приходилъ евнухъ и уносилъ меня, это бывало передъ посѣщеніемъ гарема ханомъ.

Ужасно я боялась этого евнуха, его сморщенное черное лицо всегда наводило на меня ужасъ и мнѣ казалось, что онъ долженъ былъ непременно прокусить мнѣ горло своими бѣлыми острыми зубами.

Всѣ женщины въ гаремѣ ласкали меня, давали мнѣ лакомства, и я охотно сиживала на рукахъ, то у одной, то у другой; больше-же всѣхъ я любила свою мать и моимъ лучшимъ удовольствіемъ было засыпать подлѣ нея и чувствовать теплоту ея могучаго тѣла.

Но вотъ меня рѣже стали уносить отъ матери и скоро совсѣмъ перестали. Я была довольна этою переменой, но къ огорченію моему замѣтила перемену въ матери, а также въ отношеніи ко мнѣ всѣхъ окружающихъ.

Мать грустная ходила по саду и часто даже плакала, и я плакала съ нею, не зная почему и что заставляло плакать мою мать. Всѣ оставили насъ и меня больше ни одна женщина не брала на колѣни. Разъ я подошла къ Хайрѣ, которая прежде очень любила меня, но она сердито оттолкнула меня и крикнула джуръ²⁾.

Видѣла я, что всѣ хлопчутъ около новой женщины, прибывшей въ гаремъ, но я тогда не понимала, что въ этомъ-то и была вся разгадка.

¹⁾ Сакля въ гаремѣ.

²⁾ Убирайся.

Такъ прошло два года и вотъ однажды ночью я проснулась отъ сильнаго толчка въ бокъ. Открывъ глаза, я къ ужасу своему, увидѣла надъ собою лицо ужаснаго евнуха.

Однимъ взмахомъ руки онъ взялъ меня подмышку... я закричала, но его грубая ладонь зажала мнѣ ротъ. Другой евнухъ держалъ на рукахъ женщину, завернутую въ паранджу, я инстинктивно узнала въ ней мать, сердце мое сжалось.

Я уже слышала о казняхъ въ гаремѣ и теперь я была увѣрена, что меня сейчасъ зарѣжутъ.

Но меня не зарѣзали, а долго носили по разнымъ ходамъ и наконецъ евнухъ положилъ меня на землю. Чирокъ тускло освѣщаль какое-то подземелье, я вскрикнула и потеряла сознание.

Мнѣ показалось, что я лечу куда-то, но куда именно? вверхъ или внизъ, я въ томъ не могла дать себѣ точнаго отчета. Я чувствовала, что летѣла и задыхалась, мнѣ нехватало воздуха, но лицо мое было чѣмъ-то укутано. Я собрала всѣ свои силы схватила за покрывало и рванула его...

Въ саклѣ было темно; я оглядѣлась, ощупала кругомъ себя и, наткнувшись рукою на спящаго человѣка, замерла отъ ужаса и не смѣла пошевелиться. Мѣрное дыханіе раздавалось въ саклѣ, я прислушалась и узнала дыханье моей матери — это подбодрило меня; значитъ мать жива и со мною.

Однако страхъ былъ сильнѣе желанія подползти къ матери и прижаться къ ней, грозное лицо евнуха

такъ и стояло передъ моими глазами. Я рѣшила лежать не двигаясь.

Темнота была полная, но холода я не испытывала и это также успокоивало меня, такъ какъ это вполнѣ доказывало, что я въ саклѣ, а не подъ землею, но гдѣ? возникъ вопросъ въ моей головѣ.

Раздалось пѣніе пѣтуха, громкое такое и ему гдѣ-то вдалекѣ вторило другое, уже болѣе слабое.

Я вздрогнула, но сейчасъ-же успокоилась, сообразивъ, что скоро будетъ свѣтать.

И дѣйствительно мало-по-малу мракъ сталъ разсѣиваться, сначала обрисовалось маленькое окошечко, а потомъ нѣкоторые предметы въ саклѣ и, осмотрѣвшись, я даже вскочила отъ радости; теперь уже не было сомнѣнія, что я была въ моей саклѣ.

Никакого евнуха не было, мать спокойно спала недалеко отъ меня, подушки мои были разбросаны и я лежала на коврѣ далеко отъ своего ложа.

Великій Аллахъ! — такъ это былъ сонъ. Но какой страшный, какой ужасный сонъ.

Съ легкимъ сердцемъ легла я снова, и крѣпко уснувъ, проспала до тѣхъ поръ, пока солнечный лучъ не разбудилъ меня, ударивъ сквозь окошечко прямо въ мое лицо.

Да, я никогда не забуду этого ужаснаго сна, сказала Зумрадъ, ему было суждено свершиться и на яву.

Не прошло и недѣли послѣ этой памятной для меня ночи, какъ однажды моя мать, собравъ небольшой узелокъ, разбудила меня и шепотомъ съ страшнымъ испугомъ на лицѣ приказала мнѣ одѣваться.

Я дрожала отъ страха, немедленно одѣлась и вмѣстѣ съ матерью вышла изъ сакли.

Луна ярко свѣтила, озаряя своимъ серебристымъ свѣтомъ и тополи, медленно качающіе своими остроконечными головами, и красивую урду, отражаясь фантастическими цвѣтами на ея мозаичныхъ минаретахъ, и гладкій пустой дворъ. Мы прошли въ виноградникъ и спустились въ садъ. Я страшно боялась. Призракъ евнуха не покидалъ меня, но умѣренная походка матери и ея рука, сжимавшая мою дрожащую руку, придавала мнѣ бодрости.

Вдругъ мать вздрогнула и, быстро узлекая меня, спряталась за кустъ шиповника. Я замерла и слышала клочотанье сердца моей матери, мое-же какъ будто-бы вдругъ замолкло. Недалеко отъ насъ слышался разговоръ. Прошло нѣсколько томительныхъ мгновений и мимо насъ прошли два евнуха, я ихъ хорошо видѣла, но они видимо и не подозрѣвали о нашемъ присутствіи за кустомъ.

Что я и моя бѣдная мать перенесли за это мгновение, одному Аллаху извѣстно — мнѣ казалось, что долго, долго шли мимо насъ эти ненавистные намъ люди. Наконецъ шаги стихли и мы вышли изъ засады.

Мать повела меня къ маленькой калиткѣ и, доставъ деревянный ¹⁾ ключъ отперла замокъ. Двери отворились и мы отчуждились за урдою.

— Прощай урда, чуть слышно прошептала мать

¹⁾ Туземцы и до сихъ поръ употребляютъ деревянные ключи и замки.

и скорымъ шагомъ направилась по улицѣ Коканда, увлекая меня за собой.

Тутъ только я замѣтила, что на матери и на мнѣ совсѣмъ старья и рванья поранджи. Это странное обстоятельство, послужившее началомъ моей не менѣе оригинальной судьбы, было вызвано слѣдующимъ.

Худояръ-ханъ, видя невозможность бороться съ возставшими кипчаками и Автобачіемъ, рѣшился предаться русскимъ и, собираясь въ Ташкентъ, бралъ съ собою и свой гаремъ. Но не всѣхъ женъ бралъ ханъ, онъ выбралъ себѣ только тридцать, а остальныхъ приказалъ зарѣзать, такъ какъ по закону жена хана не могла принадлежать кому-либо другому. Въ числѣ обреченныхъ на казнь была и моя мать, меня же брали въ Ташкентъ.

Я ничего этого тогда не знала и мнѣ сообщила мать объ этой ужасной участи, которую мы избѣгли, уже въ Андижанѣ.

Видя безвыходность положенія мать моя рѣшилась на крайность — за свои драгоценности она достала старья паранджи, ичиги¹⁾ и рѣшилась бѣжать. Зная, что въ полночь дежурные евнухи обходятъ садъ, она запаслась деревянной отмычкой, которою запиралась наша сакля и взявъ нѣсколько лепешекъ, двѣ или три рубашки, отважилась привести свой планъ въ исполненіе — побѣгъ удался.

Я не знаю, какая участь постигла прочихъ женъ хана, но думаю, что жестокій законъ былъ примененъ къ несчастнымъ женщинамъ и только взятыя въ Таш-

¹⁾ Туземные сапоги изъ козлиной кожи безъ каблукъ.

кентъ, послѣ отъѣзда хана въ Оренбургъ, разбрелись по всему Туркестану.

VI.

Долго мы скитались съ матерью по Намангану, куда мы добрались пѣшкомъ, питаюсь подаянїями, охотно подаваемыми добрыми людьми. Долго спали мы на улицахъ подъ открытымъ небомъ и вотъ однажды, проходя по базару, мы увидѣли дервиша-дувану, громко рассказывавшаго про Худояръ-хана, про измѣну его корану и бѣгство къ русскимъ.

Мать моя жадно слушала рассказъ дувана и когда онъ кончилъ, взяла меня за руку и сказала:

— Ну Зумрадъ — мы спасены, намъ теперь нечего бояться.

Съ этихъ поръ моя жизнь какъ-бы улучшилась. Мы отправились въ Андижанъ на арбѣ, куда насъ согласился довести одинъ арбакешъ за шелковую рубашку моей матери. Въ Андижанѣ мы пришли къ родителямъ матери къ Юсуфу-оглы, гдѣ и поселились.

Хорошо мнѣ было въ это время, я отдохнула и душой и тѣломъ подъ опекою моего дѣда, полюбившаго меня отъ всего сердца. Родители матери сначала очень испугались приходу ея, но узнавъ о бѣгствѣ Худояра, успокоились и благодарили Аллаха за чудесное спасеніе ихъ дочери.

Прошло полгода и стали распространяться слухи о томъ, что русскіе войска идутъ на Андижанъ.

Разные ужасы рассказывались про русскіе пушки,

про ихъ мѣткую стрѣльбу и непобѣдимаго генерала;— мы всѣ были въ ужасѣ.

Я помню, какъ муллы на улицахъ воодушевляли народъ возстать единодушно, для защиты родины, во имя Аллаха и Его пророка, помню какъ дѣдъ мой досталъ клынчъ, ружье-муль-тукъ и придѣлывалъ къ нему сошку.

Женщины плакали, предвидя скорую гибель ихъ мужей, братьевъ и сыновей.

Съ каждымъ днемъ безпокойство все возросло и наконецъ насталъ ужасный день.

Часовъ въ 7 утра что-то тяжелое упало на дворъ мечети, находившейся противъ нашей сакли, затѣмъ раздался страшный трескъ и что-то завыло въ воздухѣ, мы выскочили на улицу — пахло гарью, а со двора мечети поднимался дымъ. Сквозь рѣшетку было видно двухъ лежащихъ на землѣ людей, а нѣсколько въ разныхъ позахъ сидѣли держась кто за голову, кто за руку или за бокъ. Всѣ они громко стонали, призывая на помощь.

Я бросилась обратно въ саклю и забила въ самый темный уголъ.

Цѣлый день слышались выстрѣлы, а на другой день рано утромъ я услышала какіе-то незнакомые звуки — это была музыка русскихъ солдатъ, входившихъ въ городъ.

Любопытство пересиливало страхъ и я вмѣстѣ съ другими женщинами выглянула сквозь щели дверей.

Никогда не забуду впечатлѣнія, какое на меня произвели русскіе.

Я ихъ ненавидѣла отъ души, считала ихъ нечи-

стыми, но была очарована этою стройностью и одинаковымъ ихъ нарядомъ.

У всѣхъ были красные шаровары, а бѣлыя рубахи и кэпи красиво выдѣлялись изъ сѣраго колорита улицы кишлака.

Я думала, что русскіе похожи на шайтановъ¹⁾, но тутъ съ изумленіемъ увидѣла, что они очень красивы и многіе изъ нихъ похожи на нашихъ мужчинъ.

Однако дѣдъ мой, ушедшій защищать городъ, еще не возвращался и больше я его не видала — онъ былъ убитъ въ числѣ многихъ нашихъ батырей.

Съ приходомъ русскихъ, начались новые порядки, а съ ними наступила опять новая эра въ моей жизни, Бабушка моя умерла и ея сестры съ ихъ мужьями завладѣли всѣмъ нашимъ имуществомъ, оставивъ въ сторонѣ мою мать. Жаловалась она казію и муллѣ, но ничего не вышло, мы остались опять нищими и безжалостно были прогнаны на улицу.

Мнѣ было уже въ то время 10 лѣтъ и я многое понимала и сознавала, что я ханская дочь, а не простая дѣвочка, о чемъ мнѣ часто говорила мать, но я никакъ не могла понять почему-же я ханская дочь — должна голодать, ходить босикомъ, носить рванья рубашки, когда другія дѣвочки моихъ лѣтъ шеголяли красивыми шароварами и халатами, носили золотыя тюрбейки и цвѣтныя ичиги, я часто спрашивала мою мать объ этомъ, но отвѣта никакого не получала.

Мать моя была очень красива. Рослая, съ матовымъ цвѣтомъ лица и длинными пушистыми волосами,

¹⁾ Шайтаны — черти.

которые она никогда не мазала кислымъ молокомъ, какъ дѣлають это сартянки, она была еще къ тому-же стройна и обладала необыкновенно красивой походкой.

Когда она смѣялась, то на душѣ дѣлалось легко, какъ будто случилось что-то особенно пріятное.

Тяжелая жизнь, холодъ ночью, голодовки цѣлыми недѣлями, плачущая дочь, безвыходное положеніе, благодаря полному отреченію родныхъ, завладѣвшихъ имуществомъ, принадлежащимъ по праву матери, толкнуло ее на ужасный путь...

Зумрадъ остановилась, ея глаза горѣли какимъ-то лихорадочнымъ огнемъ. Она пристально взглянула на меня и вдругъ, проведя рукою по лбу, быстро проговорила:

— Для чего я все это рассказываю вамъ? Вѣдь это вамъ не интересно, да вы вѣдь и не поймете... нѣтъ, я не то хочу сказать,—поправилась она,—я хочу сказать... вы осудите...

— Ради Бога,—прервалъ я ее,—умоляю, продолжайте, я буду слушать до утра, я весь превратился во вниманіе, умоляю васъ, продолжайте.

Она перемѣнила позу и, поправивъ рукой волосы, продолжала:

— Боже, если бы я знала тогда, что мать моя, чтобы спасти меня отъ голодной смерти, принесетъ себя въ жертву разврату и пороку, я бы лучше убила ее и себя, но я не знала, я не понимала того, что происходило съ нами.

Напротивъ, я считала за великое благополучіе, когда мы очутились среди большого двора съ огром-

ными воротами, гдѣ насъ обступило много женщинъ веселыхъ, разодѣтыхъ и очень недружелюбно смотрѣвшихъ на мою мать.

Хозяинъ двора съ длинною бѣлою бородою долго говорилъ съ матерью, и затѣмъ повелъ насъ по цѣлому ряду маленькихъ сакель, ютившихся по стѣнамъ, окаймляющимъ огромный дворъ.

Противъ дверей сакли на громадныхъ деревянныхъ кроватяхъ, устланныхъ коврами, сидѣло много сартянокъ и сартовъ.

Это меня удивило, я знала, что женщины не сидятъ съ открытыми лицами при постороннихъ мужчинахъ. Многія играли на дутарахъ¹⁾ и пѣли, а нѣкоторыя, молча пили чай.

Когда мы проходили мимо ихъ, они осматривали насъ и громко говорили „новенькія“.

Старикъ привелъ насъ въ довольно чистую саклю и мы съ того дня поселились въ ней.

Не могу я сказать, чтобы мнѣ плохо жилось, я была сыта, ѣла сладости, ходила гулять въ городъ съ матерью, часто слушала музыку и рассказы сартовъ, бывавшихъ каждый день у насъ, въ саклѣ; стала привыкать и къ русскимъ, пріѣзжавшимъ на нашъ дворъ, но ужасно боялась я пьяныхъ, которыхъ бывало не мало пріѣзжало къ намъ въ позднее время и русскихъ, и сартовъ.

Къ моей матери часто приходилъ одинъ офицеръ,

¹⁾ Дутары — инструментъ въ родѣ мандолины съ длиннымъ грифомъ и 3 струнами.

онъ дарилъ ей и мнѣ разныя украшенія и ласкалъ меня, но я боялась его пуще всего на свѣтѣ, однако судьба потомъ надолго связала меня съ нимъ.

Жизнь наша въ этомъ ужасномъ вертепѣ походила на сплошной праздникъ.

Просыпались мы поздно и, напившись чаю, шли на базаръ за покупками, затѣмъ, вернувшись, ѣли пловъ, который готовилъ намъ караульщикъ Хасанъ, а съ наступленіемъ вечера ворота затворялись и начинали съѣзжаться гости.

Иногда прѣзжали къ намъ богатые купцы и тогда моя мать была очень довольна и весела, но иногда наша сакля наполнялась цѣлою толпою русскихъ чиновниковъ, тогда начиналось пьянство, оканчивавшееся страшными драками и скандалами между сартами и русскими, и тогда мать моя, уложивъ меня въ другую саклю, уходила изъ своей къ какой-нибудь изъ женщинъ.

Наконецъ мы уѣхали изъ джалапъ-ханы ¹⁾ и поселились у офицера, бывавшаго часто у матери.

Тутъ уже для меня настала совершенно новая жизнь, жизнь полурусская, полутуземная.

„Дядю“, какъ приказывалъ звать мнѣ себя офицеръ, я до сего времени не знаю, кто онъ былъ и какъ его настоящая фамилія.

Всѣ его звали Иванъ Петровичъ или капитанъ, и мнѣ только извѣстно, что онъ умеръ вскорѣ послѣ смерти матери.

¹⁾ Джалапъ-хана — публичный домъ.

Онъ очень ласково относился ко мнѣ, училъ меня своему языку и я научилась, благодаря ему, читать и писать по-русски. Хорошо было жить намъ у „дяди“ и я такъ привыкла къ новой жизни, что совершенно сроднилась съ нею.

Дядя рассказывалъ мнѣ про Кокандъ, про моего отца Худояръ-хана, про судьбу его и говорилъ мнѣ, что повезетъ меня въ Петербургъ, гдѣ помѣститъ въ училище, откуда я выйду русской барышней.

Эта перспектива мнѣ ужасно нравилась, такъ какъ русскихъ женщинъ болѣе я любила, чѣмъ моихъ соотечественницъ.

Прошло 1½ года, и мать моя умерла. Смерть ея отъ меня скрыли и я только значительно позднѣе узнала, что она отравилась.

Наступилъ часъ и моего паденія...

VII.

Я погибла тѣломъ, но душою я осталась невинной.

Два мѣсяца я прожила съ „дядей“ послѣ смерти матери и вотъ онъ уѣхалъ и уже не возвращался, а я была доставлена полицейскими въ домъ Алимджана, родственника покойной моей родительницы.

Я была хороша собою и гнусный Алимджанъ держалъ меня, дабы продать меня туда, откуда вырвалась моя мать.

Наступило время родовъ и я въ ужасныхъ мученіяхъ родила мертваго ребенка и тогда-то я только прозрѣла, я поняла, что я больше не дѣвушка и ту

страшную пропасть, отдѣлявшую меня отъ моего невиннаго прошлаго.

Я была еще ребенкомъ, мнѣ было всего 14 лѣтъ, но я уже знала жизнь, а теперь познала и подлость людскую.

Я инстинктивно стала бояться Алимджана и не безъ основаній. Онъ совсѣмъ уже сговорился съ хозяиномъ позорнаго дома и я должна была переѣхать туда черезъ нѣсколько дней, но тутъ случилось одно обстоятельство, разстроившее всѣ планы Алимджана и спасшее меня отъ гибели.

Алимджанъ былъ старшимъ аксакомъ¹⁾ и потому у него очень часто останавливались русскіе офицеры и чиновники.

Вотъ одинъ изъ нихъ, а именно теперешній мужъ мой, тогда проѣзжалъ въ г. Ошъ и остановился у насъ. Пока кормились его лошади, онъ бродилъ по саду и по дворамъ и случайно встрѣтился со мною.

Я закрылась рукавомъ и хотѣла бѣжать, но онъ крикнулъ мнѣ по сартски „стой“.

Не знаю, почему-то я подчинилась ему. Быстрыми шагами подошелъ онъ ко мнѣ. Я не двигалась.

— Ты дочь Алимджана? спросилъ онъ меня по сартски.

— Нѣтъ, отвѣчала я. И тутъ, не знаю почему, совершенно помимо моей воли, я сѣла на землю и заплакала.

¹⁾ Старшій аксаколь — туземный полицеймейстеръ.

Онъ думалъ, что я испугалась его и сталъ утѣшать, говоря, что онъ меня не обидитъ, затѣмъ повернулся и ушелъ.

Отчего онъ ушелъ, подумала я, и мнѣ жалко стало, почему я не сказала ему, что Алимджанъ, меня продалъ Карыму, содержателю джаляпъ-ханы.

Но судьба была моею покровительницей.

Горскій разспросилъ Алимджана самъ про меня и тотъ охотно уступилъ ему свою жертву, радуясь, что могъ угодить важному гостю. Такъ я и очутилась у Горскаго.

Я его не любила, — но привыкла, а привычка иногда сильнѣе любви. Гдѣ есть любовь, а нѣтъ привычки, тамъ связь не прочна, въ этомъ я убѣдилась въ послѣдствіи. Онъ-же меня любилъ и вотъ, проживъ 12-ть лѣтъ, женился на мнѣ.

Все его стремленіе было сдѣлать изъ меня русскую барыню. Онъ не щадилъ ни времени, ни денегъ на мое образованіе; онъ читалъ мнѣ, часами рассказывалъ древнюю исторію Россіи, онъ увлекался, и эти занятія облегчали мнѣ жизнь съ человѣкомъ, котораго я не любила.

Горскій же, напротивъ, страстно любилъ меня и ревновалъ къ каждому изъ своихъ товарищей.

По мѣрѣ моего умственнаго развитія, я стала тяготиться своею жизнью, я чувствовала, что отъ своихъ отстала, а къ русскимъ не пристала, слово „сартянка“, такъ и преслѣдовало меня, но я переломила себя и твердо рѣшилась сдѣлаться русской и достигла своего.

Религію я перемѣнила съ трудомъ— это мнѣ было не по сердцу, но я поняла, что безъ этого сближенія съ русскимъ духомъ, съ русскою жизнью будетъ немислимо.

И вотъ я стала женою Горскаго, я получила гражданскія права, общество приняло меня, но и здѣсь, и въ этомъ кружкѣ, я не нашла удовлетворенія; „сартянка“ осталось моимъ прозвищемъ, снисходительныя улыбки раздирають мою душу, и насмѣшки русскихъ кумушекъ заставляютъ меня переносить адскія страданія.

А смѣютъ-ли онѣ смѣяться, надо мною, отпрыскомъ владѣтельнаго хана, надо мною, бѣлою костью— онѣ, эти мѣщанки, полуобразованныя горничныя.

Развѣ преимущество ихъ въ томъ, что онѣ родились русскими? Развѣ ихъ поведеніе, далеко невысокаго достоинства, позволяетъ имъ бросать грязью въ меня, сартянку, въ нѣсколько лѣтъ сдѣлавшуюся членомъ ихъ-же общества.

Вотъ что мнѣ больно, вотъ что мнѣ дасадно. А мужчины, они-то какъ относятся ко мнѣ! Я красива и молода, я имъ нравлюсь, и только потому, что я сартянка, со мною обращаются, какъ съ публичной женщиной.

Вы одни, вы исключительный человѣкъ, вы поняли меня и вотъ я передъ вами открыла душу.

Простите, быть можетъ вамъ надоѣлъ мой длинный рассказъ, но это была потребность моей измученной души.

Раздался звонокъ.

— Это мужъ, сказала она, оправилась и вышла въ столовую. Я послѣдовалъ за нею и мы сѣли на диванъ.

Слуга отворилъ дверь.

Вошелъ Горскій, поздоровался со мною и пытливо посмотрѣлъ на жену; его смутило ея взволнованное лицо, а въ ея глазахъ я прочиталъ неизмѣримую скорбь: „ну, вотъ, видите—страданія мои начинаются“, какъ-бы говорилъ ея устремленный на меня взглядъ.

Я уѣхалъ и долго не видался съ Горской и только слышалъ о дикой ревности ея мужа, доходящей до невѣроятныхъ размѣровъ и что наконецъ его жена окончательно затворилась и нигдѣ не показывается.

Отъ души пожалѣлъ я мою пріятельницу и ужасно радъ былъ встрѣтить снова ее черезъ годъ при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Она была очень весела, говорила, что устроила свою жизнь вполне сносно, возила меня по своимъ знакомымъ сановнымъ туземцамъ, въ обществѣ которыхъ она чувствовала себя необыкновенно свободно и пользовалась у нихъ большимъ почетомъ, не смотря даже на свое православіе—важнѣе всего, всякой религіи для нихъ, это было то, что она—сартянка, была женою полковника.

Я замѣтилъ, что самочувствіе моей пріятельницы было хорошо, а хорошее самочувствіе равняется всегда самому розовому счастью.

На сплетни и насмѣшки она не жаловалась, всегда была окружена поклонниками, между которыми, по-

видимому, особеннымъ вниманіемъ пользовался одинъ артиллеристъ съ большими черными усами. Русскаго общества она не избѣгала, но къ нему все-таки тяготѣнія не имѣла и русскою не сдѣлалась.

Горы, степи, туземная среда всегда были для нея милѣе.

Такова судьба одной изъ многочисленныхъ дочерей хара-Худояря.

VIII.

За гаремомъ раскинулась обширная терраса, откуда лѣстница вела прямо въ роскошный тѣнистый садъ, въ которомъ ханъ и его жены укрывались отъ полуденнаго зноя въ жаркіе лѣтніе дни.

Здѣсь же подъ сѣнью столѣтнихъ карагачей, маня утомленнаго зноемъ челоуѣка въ свои прохладныя воды, раскинулся довольно большой прудъ съ падающимъ въ него водопадомъ, журчаньемъ своимъ нарушавшимъ царившую здѣсь тишину.

Садъ и вся урда до фасада, замыкалась высокой зубчатой стѣною, что придавало ей еще болѣе суровый и неприступный видъ.

Огромная площадь передъ дворцомъ была покрыта виноградниками. И какими виноградниками! такихъ больше нѣтъ, говорятъ кокандцы.

Въ настоящее время это великолѣпное зданіе превращено въ казармы.

Въ одномъ изъ покоевъ его устроена русская церковь. Лучшія комнаты отведены подъ квартиру коман-

дира 18-го туркестанскаго линейнаго баталіона и канцеляріи.

Въ службахъ и гаремѣ живутъ солдаты, въ чудесныхъ конюшняхъ поставлены обозныя лошади.

Военные инженеры безжалостно превратили это прелестное зданіе въ какое-то, не то, европейское, не то азіатское жилище; понадѣлали трубъ, варварски обламывая мозаику и другія украшенія, и только фасадъ, по прежнему остался тѣмъ-же и при видѣ его невольно переносишься въ сказочное прошлое, этого прекраснаго дворца.

Виноградникъ былъ весь вырубленъ русскими и вмѣсто него теперь среди европейскихъ построекъ открылся огромный плацъ, на которомъ стоятъ извозчики, и войско совершаетъ ученіе и парады.

Вотъ въ этомъ-то дворцѣ и жилъ Худояръ-ханъ, коротая свои однообразные дни, какъ машина, заведенная разъ навсегда въ опредѣленномъ порядкѣ.

Обыкновенно съ разсвѣтомъ когда муэззинъ прокричитъ первый призывъ къ молитвѣ и правовѣрные, намотавъ на голову огромныя чалмы свои, тянутся, какъ полусонныя осеннія мухи къ мечетямъ, Худояръ-ханъ просыпался, творилъ намазъ и надѣвалъ денной халатъ.

Какъ истинный мусульманинъ, ханъ спалъ зимою не раздѣваясь, когда ночевалъ внѣ гарема.

Послѣ намаза, въ особомъ покоѣ, служившемъ ему кабинетомъ, ханъ пилъ чай въ обществѣ своихъ приближенныхъ. Стоя на колѣняхъ и упершись головами въ полъ, привѣтствовали они появленіе своего

владыки и только, когда ханъ усаживался за сандалъ, всѣ поднимались, почтительно произнося свое „сал-ламалейкумъ“.

Ханъ лѣнивымъ, немного гортаннымъ, голосомъ отвѣчалъ имъ на привѣтствіе „аллейкумъ-а-саллямъ“ и начиналъ чаепитіе.

Ползкомъ на колѣняхъ приближались къ хану царедворцы и съ подобострастіемъ принимали изъ рукъ его круговую чашу чая.

Всевозможныя сласти, фрукты сушеные и свѣжіе, баранина, пловъ и другія кушанья, все это приносилось расторопною прислугою и съ аппетитомъ уничтожалось ханомъ и его чиновниками, раздираемое руками.

Въ 1875 году Худояръ-ханъ, представлялъ собою плотнаго, средняго роста мужчину лѣтъ сорока, съ пышнымъ здоровьемъ лицомъ, обрамленнымъ небольшою черною бородкою. Какъ по одеждѣ, состоявшей изъ шелковаго халата и бѣлой чалмы на головѣ, такъ и по наружности хана было довольно трудно отличить отъ прочихъ лицъ, находившихся въ покоѣ, но за то его повелительный тонъ и жесты сразу обнаруживали въ немъ грознаго правителя Коканда.

Надо было видѣть, говорили очевидцы, съ какою быстротою исполняли каждое желаніе хана, какъ слуги, подданные его, умѣли угадывать каждый взглядъ этого человѣка и дѣйствительно ханъ умѣлъ повелѣвать.

— Онъ не признавалъ препятствій, для него не существовало невозможнаго, разъ онъ что-либо рѣшилъ въ своемъ умѣ, говорилъ мнѣ старикъ М-ръ, рассказывая о Худоярѣ; но при этомъ ханъ былъ человѣкъ

большого ума, конечно соотвѣтственно своему развитію, былъ всегда религіозенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ суевѣріе его доходило до колоссальныхъ размѣровъ — онъ кажется ничего и никого не боялся, кромѣ чорта, и я чуть не поплатился, благодаря этому, своею жизнью.

Это случилось, когда ханъ принялъ меня къ себѣ, въ качествѣ придворнаго фотографа.

— Хотите, я расскажу вамъ объ этомъ странномъ происшествіи? — спросилъ М-ръ.

— Пожалуйста, я буду очень радъ, отвѣчалъ я.

— Ну, такъ слушайте.

— Первый разъ, когда я явился къ хану Худояру, началъ М-ръ, онъ встрѣтилъ меня очень милостиво, спрашивалъ меня о моихъ занятіяхъ и охотно принялъ на службу.

Много вопросовъ задавалъ онъ мнѣ о Россіи, о войскахъ русскаго царя, о намѣреніяхъ русскихъ, и я старался давать ему болѣе или менѣе подходящіе отвѣты, хотя, по правдѣ говоря, какъ прусскій подданный и человѣкъ коммерческой, совершенно не былъ посвященъ въ восточную политику Россіи да и не интересовался ею.

Вопросы хана были всѣ разумные и изъ разговора съ нимъ я вывелъ заключеніе, что Худояръ одаренъ богатымъ умомъ и очень интересуется политическимъ положеніемъ своего ханства.

Рассказавъ хану, что я могу снимать портреты и объяснивъ ему назначеніе аппарата, я предложилъ ему сняться.

Ханъ внимательно слушалъ меня, очень одобрительно кивалъ головою, осматривалъ камеру, объективъ и наконецъ изъявилъ свое полное согласіе, особенно когда узналъ, что всѣ государи всего міра снимаются и раздають свои портреты подданнымъ и что тѣ изъ нихъ, которые живутъ далеко отъ столицы и потому не могутъ видѣть своего повелителя, имѣютъ его портретъ всегда передъ глазами, какъ-бы напоминаніе о величій и могуществѣ своего государя.

Подобное объясненіе значенія фотографическаго портрета произвело впечатлѣніе на честолюбиваго хана и онъ согласился.

Все у меня было приготовлено, оставалось лишь сѣздить за кассетами и я вскорѣ прибылъ съ ними во дворецъ.

На большой террасѣ мѣсто для сниманія оказалось вполне подходящимъ; я установилъ аппаратъ и предложилъ хану сѣсть противъ объектива на приготовленное для него мѣсто.

Вообразите-же мое изумленіе, когда онъ ни за что не хотѣлъ садиться на коверъ и просилъ меня снять его такимъ образомъ, чтобы не наводить на него „пушки“, какъ онъ называлъ объективъ.

Какъ я ни убѣждалъ хана, — ничего не помогало, такъ что пришлось отложить сниманіе до болѣе благоприятнаго времени.

Однако въ тотъ же день я былъ приглашенъ къ ляшкаръ-баши, т. е. къ командующему ханскими войсками, который мнѣ изложилъ волю хана.

— Послушай фиранкъ¹⁾, мой повелитель приказываетъ тебѣ сдѣлать со мною то, что ты хотѣлъ вчера продѣлать надъ нимъ. Смотри-же, если выйдетъ изъ моего дѣла что-либо скверное для меня—ханъ жестоко отомститъ тебѣ, если ты вѣроломно причинишь мнѣ смерть или болѣзнь.

Я началъ успокаивать бѣднаго царедворца, которому видимо очень подозрительнымъ показалась моя фотографія и который, только боясь ханскаго гнѣва, шелъ, по его понятіямъ, на вѣрную смерть, садясь передъ объективомъ.

Наконецъ, мнѣ удалось уговорить вельможу и онъ усѣлся, но только я брался за крышку объектива, какъ несчастный командиръ снова поднималъ свою руку и длиннымъ свѣшивающимся рукавомъ, заслонялъ лицо.

Нѣсколько разъ, онъ то морщился, то щурить глаза и наконецъ, видимо покорившись своей участи, остался недвижимъ.

Я снялъ крышку.

Ужась, испугъ и готовность къ смерти выразились на лицѣ несчастнаго мученика, потъ выступилъ на его лбу, и онъ замеръ.

Я закрылъ крышкой объективъ и объявилъ, что все окончено.

Съ облегченіемъ вздохнулъ ляшкаръ-баши и сталъ обтирать вспотѣвшее лицо. Множество собравшихся кокандцевъ, обступили меня, съ недоумѣніемъ поглядывая, то на аппаратъ, то на вельможу.

¹⁾ Всѣхъ иностранцевъ сарты называютъ всегда „фиранкъ“.

Объщавъ на другой день приготовить снимокъ, я отправился въ отведенную для меня саклю и сталъ готовить темную комнату для проявленія.

Это мое приготовленіе очень изумляло всѣхъ; никакъ не могли понять дикари, почему я такъ оберегаю свою работу отъ свѣта, и это обстоятельство казалось имъ особенно подозрительнымъ, подавая новыя темы для толковъ, столь невыгодныхъ для меня.

На другой день фотографія была готова, ляшкаръ-баши вышелъ очень недурно, но испугъ такъ и остался на изображеніи.

Торжественно представилъ я предъ ханскія очи мою работу; въ надеждѣ на полный успѣхъ, но каково же было мое изумленіе, когда ханъ даже въ руки не взялъ ее, бѣгло взглянулъ издали и не то испугъ, не то гнѣвъ, выразилъ его взглядъ.

Портретъ лежалъ на подушкѣ и придворные обступили меня, боясь дотронуться до него какъ до чего-то ужаснаго, нечистаго.

Въ тотъ-же день былъ созванъ совѣтъ муллъ и всѣ ученые единогласно заявили, что дѣло мое нечистое, что я знаюсь съ шайтаномъ и хотѣлъ при помощи его околдовать хана, иначе-бы я не скрылся въ темноту отъ свѣта Божьяго.

Лучше, нашелся одинъ мулла, которому говорили прислуживавшіе при моей работѣ люди, что видѣли сквозь щели, какъ я разговаривалъ съ шайтаномъ, у котораго изо рта шелъ красный огонь.

Вѣроятно мой желтый фонарь, который я забылъ потушить, когда пріотворилъ дверь послѣ окончанія

проявленія былъ принятъ за чорта. Улика была сильна, и свидѣтели допрошены. Они чистосердечно увѣряли все собраніе, что видѣли шайтана, сидѣвшаго у меня въ саклѣ, какъ уголь краснаго, съ пылающимъ ртомъ.

Все было противъ меня и ареопагъ вынесъ мнѣ смертный приговоръ, а ханъ не замедлилъ его утвердить.

Я былъ приговоренъ къ посаженію на колъ.

IX.

Въ ожиданіи приведенія въ исполненіе этой ужасной казни, я былъ предварительно запертъ въ клоповникъ.

А знаете-ли вы что это такое клоповникъ, да еще для такого преступника, какимъ былъ признанъ я?

Это ужасъ, что такое.

За урдою, гдѣ теперь ютится часть базара, было нѣсколько глубокихъ колодцевъ, грушевидной формы съ узкимъ отверстіемъ въ верхней части. Вылѣзть изъ подобнаго клоповника не представлялось никакой возможности.

Свѣтъ чуть-чуть проникалъ черезъ небольшое отверстіе сверху. Я не видѣлъ тогда еще подобныхъ тюремъ, но слышалъ объ ихъ существованіи разные ужасы, на примѣръ, будто попавшаго туда клопы и другія насѣкомыя заѣдаютъ на смерть.

Меня связаннаго подвели къ отверстию клоповника и, развязавъ руки, толкнули въ дыру.

Я упалъ, ударился о что-то мягкое и потерялъ сознание.

Очнувшись, я первымъ дѣломъ ощупаль себя, желая удостовѣриться живъ-ли я, не снится-ли все совершившееся со мною — но увы все было ужасною дѣйствительностью: я погибъ, погибъ навсегда.

Горько заплакалъ я. Цѣлая жизнь промелькнула передо мною, вспомнилъ я свою родину, жену, дѣтей, оставшихся въ надеждѣ скоро свидѣться со мною.

Плакалъ я долго, и слезы облегчили меня. Мысль объ освобожденіи озарила мою голову, я попробоваль подняться по стѣнѣ но напрасно, липкія сырыя стѣны, куполомъ поднимались надо мною и руки мои тщетно старались вцѣпиться въ нихъ, пальцы отскребали лишь глину, больше ничего.

Полъ былъ какой-то скользкій, съ неприятнымъ гнилостнымъ запахомъ, выхода не было, а перспектива страшной казни усугубляла мое самочувствіе. А тутъ еще мысль объ ужасныхъ насѣкомыхъ не давала мнѣ покоя. Но никто на меня не нападалъ, даже мошекъ здѣсь не было.

Измученный нравственно и физически, я упалъ на землю и молилъ Бога объ освобожденіи. Силы измѣнили мнѣ, и я заснулъ.

Проснулся я отъ страшныхъ уколовъ въ спину. Дико вглядывался я въ темноту, стараясь припомнить, что со мною и вдругъ все ясно возстановилось въ моей памяти, я вскочилъ.

Рука, грудь, ноги, лицо мое все горѣло, какъ будто было облито какимъ-нибудь жгучимъ веществомъ, я сталъ тереть одну руку другою и чувствовалъ какъ подъ нею были раздавлены какія-то насѣкомыя.

Морозъ пробѣжалъ по моему тѣлу.

Клопы! они, они! завопилъ я и сталъ какъ сумасшедшій тереть себя, съ омерзѣніемъ освобождаясь отъ паразитовъ.

Я сорвалъ все свое платье и остался совершенно голый. Тѣло страшно зудило, но вмѣстѣ съ одеждой я освободился отъ своихъ мучителей, хотя время отъ времени, точно булавками ихъ жала кололи мое истерзанное тѣло.

О снѣ и думать было нечего.

Я взглянулъ наверхъ. Сквозь отверстіе я увидѣлъ клочекъ неба. Звѣзды привѣтливо свѣтили съ высоты, бросая свои лучи въ мою ужасную тюрьму и онѣ однѣ были безмолвными свидѣтелями моихъ, ни съ чѣмъ не сравнимыхъ, страданій.

Свѣтало, а вмѣстѣ съ разсвѣтомъ донесся до меня и крикъ муэззина. Раза два я услышалъ топотъ лошадиныхъ копытъ. За мной,—думалъ я въ ожиданіи развязки, но топотъ стихалъ и я успокоился.

Какъ ни ужасна была моя тюрьма, но мысль о смерти была гораздо страшнѣе пребыванія въ ней.

— „Ой игъ“! ¹⁾ раздалось сверху.

Я вздрогнулъ, но въ тотъ-же моментъ снопъ соломы, а потомъ нѣсколько лепешекъ и горлянка изъ тыквы, наполненная водою, спустилась на веревкѣ къ моимъ ногамъ. Очевидно мучители мои хотѣли подольше насладиться моими страданіями.

Я жадно схватилъ горлянку и приникъ къ ней

¹⁾ Ой игъ — ей собака.

губами. Вода освѣжила меня, а хлѣбъ подкрѣпилъ силы, но нравственное состояніе было все то же.

Пользуясь днемъ, когда ужасныя насѣкомыя не тревожили меня, я прилегъ на солому и мнѣ удалось уснуть.

Проспалъ я нѣсколько часовъ, тѣло мое опухло и болѣло, мысль о приближающейся ночи терзала душу и доводила до отчаянія.

Но вторая ночь была менѣе ужасной, чѣмъ первая, или тѣло мое привыкло къ укусамъ насѣкомыхъ, или-же кровь была настолько отравлена ихъ ядомъ, что они не находили ее болѣе вкусною для себя, но я страдалъ меньше.

Какъ ни старался я разглядѣть моихъ враговъ, такъ беспощадно истязавшихъ меня, но въ клоповникѣ было такъ темно, что я воду и лепешки находилъ лишь ощупью, только верхняя часть подземелья слегка освѣщалась дневнымъ свѣтомъ.

Только когда я былъ извлеченъ изъ моего заточенія, я увидѣлъ на себѣ огромныхъ земляныхъ клоповъ, черныхъ, съ красными пятнами, издававшихъ препротивный запахъ, какой обыкновенно издають раздавленные наши клопы, но гораздо сильнѣе его.

Пять сутокъ длилось мое мученіе, пять дней, одинъ разъ въ теченіи сутокъ, я получалъ мой скудный обѣдъ, пять ужасныхъ ночей провелъ я въ клоповникѣ и вотъ, наконецъ, я былъ извлеченъ изъ своей тюрьмы.

Я крѣпился духомъ, увѣренный въ близости своего смертнаго часа и только молилъ Всевышняго, дабы Онъ даровалъ мнѣ легкую смерть.

Легко подумать — „сѣсть на колъ“! И теперь то у меня при одномъ только воспоминаніи, о томъ мурашки по кожѣ бѣгаютъ, а тогда-то мнѣ каково было.

Меня вытащили на веревкѣ и отвели въ тюрьму, гдѣ я провелъ около двадцати дней. Казнь моя была отмѣнена по случаю болѣзни двухъ сыновей хана, заразившихся оспой.

Всѣ абибы ¹⁾ были собраны для совѣта, но ничего не помогло, одинъ изъ сыновей уже умеръ. Услышавъ объ этомъ, я сказалъ сарбазу, ²⁾ приносившему мнѣ обѣдъ, что я могу вылѣчить ханскаго сына, пусть только ханъ позволитъ мнѣ посмотрѣть больного. Не прошло и дня, какъ меня потребовали въ урду.

Когда я вошелъ къ моему тирану, онъ даже и не взглянулъ на меня, онъ былъ занятъ какимъ-то разговоромъ со своимъ казначеемъ и только окончивъ его, поднялъ на меня глаза.

— Ты не лжешь? Ты можешь вылѣчить моего сына? — спросилъ ханъ.

— Могу, отвѣтилъ я твердымъ голосомъ и смѣло взглянулъ на хана.

— Смотри-же, сказалъ ханъ, если ты спасешь мальчика, то прощу я тебѣ, что ты своими нечистыми чарами снялъ съ лица ляхкара-баши его изображеніе и тѣмъ навлекъ на него великое бѣдствіе. Ты знаешь, что онъ отлученъ отъ мечети.

Какъ я узналъ, несчастный воевода послѣ ряда

¹⁾ Абибы — врачи.

²⁾ Сарбазу — солдату.

разныхъ мучительныхъ очищеній былъ на годъ обреченъ на изгнаніе изъ мечети и отправился въ Мекку пѣшкомъ замаливать великій грѣхъ.

— Если спасешь, я одарю тебя халатомъ и велю дать лучшую лошадь изъ моихъ конюшенъ, продолжалъ Худояръ,—но если ты солгалъ и сынъ мой умретъ, то я прикажу посадить тебя на колъ, на посрамленіе людямъ и на пищу алчнымъ воронамъ.

Лучъ надежды на спасеніе, блеснувшей на мгновеніе своимъ яркимъ блескомъ, померкъ отъ холоднаго тона хана; онъ не шутилъ.

А что если мальчишка умретъ? подумалъ я.— Худояръ въ точности исполнитъ свое обѣщаніе, но я призвалъ въ помощь Бога и всю свою энергію и принялся за леченіе.

Судьба на этотъ разъ была за меня и черезъ недѣлю, ужасную для мена недѣлю, наступилъ желанный кризисъ, мальчикъ сталъ поправляться и наконецъ всталъ на ноги.

Радость хана была неописанная, торжествовалъ и я. Никогда еще на душѣ у меня не было такъ легко, какъ въ тотъ день, когда я сидѣлъ въ урдѣ среди царедворцевъ хана и когда по мановенію его руки на меня былъ одѣтъ парчевый халатъ.

На другой день мнѣ было объявлено, что ханъ даритъ мнѣ землю съ саклями, садомъ и самага лучшаго туркестанскаго скакуна изъ своихъ конюшенъ.

Мало по малу мнѣ удалось убѣдить хана, что шайтанъ совершенно ни причемъ въ фотографіи, что ему навѣрное истолковали это въ такомъ смыслѣ злые

люди, боясь, что я буду приближенъ ко двору, чего они очень не хотѣли, ненавидя во мнѣ иностранца, да еще христіанина.

Успѣхъ моихъ убѣжденій былъ такой, что ханъ наконецъ согласился позволить снять съ него портретъ и даже очень былъ доволенъ карточкой, заказавъ мнѣ 500 копій.

Старикъ кончилъ, прибавивъ: — „А умный и дѣльный былъ правитель Худояръ, какъ отъ дикаря отъ него и требовать нельзя было ничего другого. Онъ считалъ себя правымъ распоряжаться мною, какъ ему вздумалось и я не сердился на него; я самъ шелъ навстрѣчу опасности, что и могъ ожидать отъ дикаго фанатическаго народа“.

М-ръ много мнѣ рассказывалъ про Худояра, у котораго прожилъ до бѣгства хана въ Ташкентъ, а послѣ занятія Коканда онъ перебрался въ Маргеланъ, сдѣлавшись первымъ фотографомъ въ Ферганской области, гдѣ и умеръ.

Его фотографія существуетъ и до сего времени.

X.

Оставаясь строгимъ послѣдователемъ ученія Магомета, Худояръ-ханъ отдавалъ все-таки должное европейской цивилизаціи; такъ, онъ на примѣръ съ покореніемъ Ташкента завелъ торговлю съ русскими, приказалъ ввести въ употребленіе самовары и очень интересовался русскими земледѣльческими орудіями.

Вообще однимъ изъ главныхъ вопросовъ, занимавшихъ хана, былъ вопросъ развитія земледѣлія и садоводства въ его ханствѣ и онъ всецѣло отдался ему.

Въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ ханъ совершалъ поѣздки по своимъ владѣніямъ, осматривая поля своихъ подданныхъ и всегда съ горечью взиралъ на пустую землю, лишенную орошенія.

Онъ отлично понималъ, что только отъ воды зависитъ благосостояніе полей и землевладѣльцевъ, а потому и началъ дѣятельно заниматься ирригаціей.

Безъ предварительныхъ изысканій, при помощи своихъ первобытныхъ техниковъ — танапкешей, безъ картъ и плановъ, намѣтилъ Худояръ-ханъ, главную магистраль, проектируемаго водяного бассейна, который долженъ былъ своими водами изъ Кара-Дарьи орошать огромный андижанскій и наманганскій уѣзды, а также удѣлять часть воды и маргеланскому.

Обдумавъ свой планъ, рѣшительно взялся за дѣло Худояръ-ханъ.

По всему кокандскому ханству были разосланы гонцы и серкеры¹⁾ для сбора съ населенія необходимыхъ суммъ на производство работъ, да кромѣ того каждая кибитка должна была выслать по одному рабочему съ кетменемъ²⁾; болѣе же богатые обыватели сверхъ того доставляли въ указанное мѣсто, кто арбу, а кто и лошадь.

Ропотъ поднялся по всему ханству. Недовольное

¹⁾ Серкеры — сборщики податей.

²⁾ Кетмень — заступь.

населеніе всячески выражало протестъ предпріятію хана, но это не повело ни къ чему.

Отъ природы жестокой Худояръ, сдѣлался теперь настоящимъ звѣремъ. Сотнями казнилъ онъ недовольныхъ въ Кокандѣ, какъ барановъ рѣзали палачи осужденныхъ на смерть преступниковъ.

Одновременно тяжелая драма разыгрывалась на мѣстѣ сооруженія канала Улугнара.

Безъ пищи, безъ жизненныхъ удобствъ, безъ вознагражденія за тяжелый трудъ, подъ палящими лучами солнца, работало несмѣтное количество землекоповъ.

Это было что-то невѣроятное, казалось, что самъ злой духъ вмѣшался въ дѣло, затѣянное Худояромъ.

Лѣниваго рабочаго не били — это могло озлобить его. Съ нимъ поступали проще, ему перерѣзывали горло и бросали какъ собаку. Зато работа подвигалась быстро и къ концу года 30 верстъ канала были уже вырыты. Пробная вода, пущенная въ голову Ханъ-арыка (Улугнара) изъ рѣки Кара-Дарьи, пошла, но вскорѣ остановилась, вслѣдствіе того, что уклонъ былъ взятъ невѣрно, такъ что пришлось мѣстами углубить дно, а то и просто отводить русло по другому направленію.

Вотъ почему въ настоящее время это грандіозное сооруженіе имѣетъ видъ сильно изломанной линіи и будто огромная черная змѣя, извиваясь, перерѣзываетъ всю Ферганскую область.

Затѣя Худояра дорого обошлась и населенію и казначейству, но умный ханъ не щадилъ ни денегъ, ни средствъ, онъ видѣлъ, какую огромную пользу прине-

сеть его арыкъ и продолжалъ начатое дѣло, несмотря на то, что уже много явилось недовольныхъ, какъ среди приближенныхъ къ нему, такъ и въ народной массѣ. Но Худояръ систематически истреблялъ опасный для себя элементъ, наводя панику на населеніе неслыханными казнями и параллельно тому щедро одарилъ своихъ сарбозовъ, создавъ себѣ въ нихъ надежную опору.

Кочевое населеніе, особенно недовольное новыми налогами открыто протестовало противъ воли хана и ему неоднократно приходилось подавлять вспыхивающія возстанія то въ одномъ, то въ другомъ пунктѣ ханства.

Братъ Худояръ-хана Мурадъ-бекъ, жившій въ гор. Маргеланѣ, неоднократно писалъ своему повелителю о грозящей опасности со стороны кочевого населенія и совѣтовалъ брату измѣнить отношенія къ народу, но Худояръ-ханъ не послѣдовалъ совѣту его, но сознавая что ужъ черезчуръ озлобилъ противъ себя кочевыя племена, сталъ все болѣе и болѣе заискивать у туркестанскаго генераль-губернатора, надѣясь на его помощь и очень мало обращалъ вниманія на загоравшееся возстаніе въ ханствѣ.

Къ этому времени всѣ работы были уже закончены и вода шла почти по всему Улугнару, орошая огромное количество земель.

Величественный и страшный видъ имѣлъ Улугнаръ, пропитанный потомъ и кровью, усѣянный костями и трупами казненныхъ, проходя то въ искусственныхъ берегахъ, то по огромнымъ выемкамъ, дѣлая множество зигзаговъ, и поворотовъ.

Въ настоящее время этотъ каналъ, имѣющій почти 4 сажени ширины и $1\frac{1}{2}$ сажени глубины тянется на 180 верстѣ, плавно и величественно неся свои полныя воды. На всемъ протяженіи его, посаженные, вдоль обѣихъ береговъ арыка, талы ¹⁾ разрослись и будто прикрыли его своею листвою отъ палящаго зноя туркестанскаго солнца, а за талами по обѣ стороны на необозримое для глазъ пространство раскинулись богатые поля риса, пшеницы и клевера.

Теперь обиліе и богатство царить на много верстѣ по обѣ стороны Ханъ-арыка, гдѣ нѣкогда была голая степь и вѣтеръ крутилъ песокъ, подымая въ вихрѣ полусожженные листья степного растенія -- муръ.

Въ настоящее время, когда ирригаціонная система находится въ рукахъ русскихъ техникувъ, вода изъ Ханъ-арыка расходуется равномерно, а потому урожайность земель, питаемыхъ его водою, доходитъ до самъ-двѣсти.

Это сооруженіе осталось не единственнымъ памятникомъ предприимчивости хана, множество болѣе мелкихъ ирригаціонныхъ сооружений и крѣпостей было построено въ его царствованіе.

Къ началу семидесятыхъ годовъ, ханъ, утомленный своею дѣятельностью, занялся украшеніемъ урды, перестроилъ гаремъ, увеличилъ число женъ и сталъ предаваться житейскимъ удовольствіямъ, не оставляя своей жестокости по отношенію къ подданнымъ. Ежедневно производилъ судъ надъ преступниками коканд-

¹⁾ Талы — ивы.

скій тиранъ, ежедневно десятки головъ прибавлялись къ торчавшимъ уже на кольяхъ вокругъ дворца его.

Укравшему отрубалась рука, убитому — голова, солгавшему вырѣзывался языкъ, но что это было въ сравненіи съ мученіями, которымъ подвергались часто оклеветанные кокандцы, обвинявшіеся въ замыслахъ противъ самого хана. Самый гнусный доносъ имѣлъ свое дѣйствіе и мнимо виновный, подъ ножами палачей сознавался въ своей винѣ противъ хана, возводя на себя эту ложь, чтобы поскорѣе избавиться отъ адскихъ мукъ пытки.

Однажды ханъ, зайдя въ гаремъ въ очень хорошемъ расположеніи духа, заставилъ своихъ женъ плясать и пѣть пѣсни.

— Отчего Фатьмы нѣтъ? — спросилъ Худояръ, замѣтивъ отсутствіе своей фаворитки.

— Она больна, отвѣтилъ старшій евнухъ и что-то шепнулъ на ухо своему повелителю.

Ханъ нахмурился и ничего не сказалъ.

Плясъ и пѣніе продолжались, между тѣмъ въ полномъ разгарѣ, но хана уже не занимала веселость затворницъ. Тяжелая дума вкралась въ его голову и не давала покоя его подозрительной душѣ.

За послѣднее время онъ сталъ примѣчать, что охладѣла къ нему его любимца таджичка Фатьма; не тѣми ласками отвѣчала она на его жгучія лобзанья, съ омерзеніемъ она исполняла свой долгъ любящей жены. Хорошо замѣтилъ это ханъ и недоброе чувство зародилось въ его сердцѣ.

Угрюмымъ вышелъ ханъ изъ гарема и не могъ заснуть всю ночь.

На утро онъ призвалъ казначея, своего перваго совѣтника, и спросилъ его, что бы могла значить такая перемѣна въ отношеніяхъ къ нему его любимой жены Фатьмы? ужъ не сглазилъ ли ее недобрый человѣкъ или не околдовала ли старая гадалка, что бываетъ въ гаремѣ.

— Нѣтъ, владыка, отвѣчалъ казначей, не гадалка виновата, что твоя красавица отвернула свои черныя очи отъ тебя, старая люли ¹⁾ здѣсь не причемъ, а виною тому человѣкъ близкій тебѣ, которому ты вѣришь который смутилъ сердце твоей Фатьмы.

Худояръ побагровѣлъ, руки его судорожно схватили за плечи царедворца, онъ притянулъ его къ себѣ.

— Кто это, говори? прохрипѣлъ ханъ, а если солжешь, я задушу тебя какъ собаку.

— Зачѣмъ мнѣ лгать, тихо не перемѣняя тона, возразилъ царедворецъ, я вѣрой служу своему повелителю и до самой смерти не измѣню ему ни въ чемъ. А человѣкъ этотъ, отнявшій отъ моего государя его сокровище — это Абдурахманъ-Автобачи.

— Автобачи! крикнулъ вскакивая ханъ, Автобачи — и обезсиленный опустился на подушки.

Въ ту же ночь страшная драма разыгралась въ гаремѣ.

Все спало безмятежнымъ сномъ, когда два евнуха тихонько вошли въ покои и, подойдя къ ложу Фатьмы,

¹⁾ Цыганка.

что-то быстро сдѣлали съ нею, завернули въ мату и вынесли вонъ. Никто и не замѣтилъ, какъ все это произошло, а если и замѣтилъ, то никто не говорилъ объ этомъ происшествіи.

Страхъ сковалъ всѣмъ языки и развѣ только въ самыхъ отдаленныхъ углахъ тѣнистаго сада иногда раздавались вздохи ханскихъ женъ, при воспоминаніи о пропавшей Фатъмѣ. Каждая изъ нихъ отлично знала объ участи бѣдной женщины.

Взбѣшенъ былъ ханъ этимъ открытіемъ тѣмъ болѣе, что казначей сообщилъ ему о замыслѣ Абдурахмана Автобачи возстать противъ него и жениться на Фатъмѣ. Всюду теперь сталъ онъ видѣть враговъ своихъ, въ каждомъ подозрѣвалъ измѣнника, а пуще всего возненавидѣлъ онъ своего командующаго войсками, ляшкаръ-баша Абдурахмана Автобачи. Хоть никогда не любилъ Худояръ-ханъ Абдурахмана, но все же вѣрилъ, что онъ не пойдетъ на него, но теперь онъ рѣшилъ во что бы то ни стало погубить своего помощника.

Два раза подсылалъ онъ убійцъ къ Автобачи, — казнить его онъ не рѣшался, боясь возбудить тѣмъ любившихъ Автобачи сарбазовъ, — однако оба раза результаты были неудовлетворительны.

Убійцы, получивъ щедрую награду, извѣщали объ опасности Автобачи и скрывались куда-нибудь въ степи, ожидая момента, когда ихъ помощь понадобится храброму Автобачи.

Абдурахманъ Автобачи принадлежалъ къ когда-то царствовавшему роду кипчакскихъ племенъ и отличался

своею энергію, умомъ и рѣшительностью, на него были всѣ надежды хана, какъ на человѣка, имѣющаго огромное вліяніе на кипчаковъ и сарбазовъ, боготворившихъ своего начальника.

Но надежда хана не оправдалась. Абдурахманъ, видя какъ ханъ обираетъ народъ и проливаетъ кровь его братьевъ, давно уже задумалъ прекратить царствованіе тирана, но дѣйствовалъ при этомъ очень осторожно, подготавливая для осуществленія своего плана, твердую почву; онъ зналъ, что Худояръ можетъ получить поддержку изъ Ташкента, разъ умыселъ его будетъ открытъ ранѣе времени, и тогда неудача и гибель его несомнѣнны.

Постепенно готовилъ возстаніе Автобачи во всѣхъ частяхъ ханства, пользуясь помощью недовольнаго управленіемъ хана духовенства, которое всѣми силами старалось возстановить народъ противъ Худояра — друга невѣрныхъ.

Казнь Фатьмы и попытки хана убить Абдурахмана, были сигналомъ — онъ рѣшился.

Черезъ недѣлю послѣ описаннаго событія, толпы киргизъ и кипчаковъ приближались въ Коканду.

Худояръ готовился къ защитѣ и послалъ депутацію просить помощи у генерала Кауфмана.

XI.

Автобачи не ждалъ. Онъ объявилъ народу, что по волѣ Аллаха правителемъ Коканда будетъ отнынѣ Насръ-Эддинъ-ханъ, который и объявляетъ священную

войну, противъ Россіи. Худояра же онъ предавалъ на судъ народа.

Вотъ что рассказывалъ о послѣдующихъ событіяхъ въ Кокандѣ одинъ изъ участниковъ кокандскаго похода, есауль Симоновъ.

Вѣсть о внезапномъ возстаніи кипчаковъ пришла въ Ташкентъ ночью, и я былъ разбужденъ казакомъ, вручившимъ мнѣ пакетъ. Разорвавъ печать, я прочелъ предписаніе немедленно съ 16-ю казаками отъ 6-ой сотни 1-го сибирскаго казачьяго полка явиться въ распоряженіе полковника Вейнберга.

На рысяхъ, дѣлая самые незначительные отдыхи, мы въ двое сутокъ достигли Коканда.

Смятеніе въ городѣ было ужасное, только наканунѣ нашего прибытія въ городѣ стали распространяться прокламаціи о сверженіи Худояръ-хана съ престола и о провозглашеніи его старшаго сына хана-Насръ-Эдина правителемъ Коканда.

Худояръ-ханъ былъ ужасно встревоженъ, онъ никакъ не могъ предвидѣть такого быстрого движенія среди кипчаковъ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ отклика туркестанскаго генераль-губернатора.

Надежды Худояра были направлены на то, что Кауфманъ пришлетъ свои побѣдоносныя войска, которыя, подавивъ возстаніе, утвердятъ его на законномъ престолѣ, что ханъ неоднократно высказывалъ намъ, вполне увѣренный въ своемъ предположеніи.

Когда прибыла въ Кокандъ горсточка сибирскихъ казаковъ, ханъ воспрянулъ духомъ и сталъ дѣятельно приготовляться къ оборонѣ.

Черезъ нѣсколько дней прибылъ въ Кокандъ съ 6-ю казаками и флигель-адъютантъ полковникъ М. Д. Скобелевъ, который направлялся въ Кашгары для изученія путей сообщенія, но узнавъ о возстаніи кипчаковъ и видя серьезность положенія, въ которомъ находился кокандскій правитель, онъ остался въ Кокандѣ.

Видя, что кромѣ нѣсколькихъ казаковъ подкрѣпленія не прибывало, Худояръ-ханъ понялъ, что гибель его неизбежна, разъ только онъ вздумаетъ самъ защищать свою столицу.

Измѣна его старшаго сына, сильно печалила несчастнаго правителя, а страхъ за свою участь не давалъ ему покоя. Худояръ плакалъ, умоляя Скобелева невыдавать его кипчакамъ и рѣшился подъ прикрытіемъ крошечнаго русскаго отряда отступить къ Ташкенту.

Однако Скобелевъ, переночевавъ въ Кокандѣ, на утро собралъ 5.000 сарбазовъ и разставивъ ихъ въ боевой порядокъ, распредѣлилъ 80 орудій на позиціи и со своими казаками ожидалъ нападенія.

Худояръ-ханъ со своей многочисленной свитой былъ блѣднѣе полотна и ежеминутно подымалъ глаза къ небу, творя молитву и прося защиты у Всемогущаго.

Мы завтракали подъ арбою, заслонявшей намъ солнце и ожидали сигнала о приближеніи шаекъ. Михаилъ Дмитріевичъ былъ необыкновенно веселъ, шутилъ, угощая насъ прекраснымъ коньякомъ, изъ своего дорожнаго погребца.

Вдругъ, вдаль раздался крикъ, похожій на ура

и мы увидѣли, что сарбазы Худояръ-хана, съ крикомъ подымая цѣлая облака пыли, ринулись впередъ, а изъ-за садовъ виднѣлась, показавшаяся голова шаекъ Абдурахмана Автобачи.

Что это такое? недоумѣвали мы. Скобелевъ вскочилъ на лошадь и видя, что сарбазы, перейдя на сторону Абдурахмана, уже не возвращались, — разсмѣялся.

— Да, съ такимъ войскомъ только и воевать, сказалъ онъ — экая сволочь!

Дѣйствительно, измѣна была явная, мы остались безъ солдатъ.

Однако, все-таки не всѣ оказались измѣнниками: вѣрными хану осталось 1.500 кокандскихъ сарбазовъ и довольно многочисленная свита, но какъ бы то ни было, послѣ случившагося нельзя было и думать съ этимъ войскомъ вступать въ бой съ огромными шайками Автобачи.

— Ничего не остается вамъ, какъ отступить къ Ходженту, подъ прикрытіемъ моихъ казаковъ и оставшихся вамъ вѣрныхъ подданныхъ, сказалъ Скобелевъ хану, который былъ готовъ на все, только бы не попасться въ руки своихъ враговъ.

Зналъ онъ какая участь готовилась ему; онъ уже заблаговременно заготовилъ обозъ, все было предусмотрено и приготовлено для бѣгства.

— Я теперь нахожусь подъ покровительствомъ Бѣлаго Царя и сдѣлаю все, что мнѣ укажетъ одинъ изъ его храбрыхъ офицеровъ и, ввѣряясь тебѣ, я буду просить моего друга Кауфмана, чтобы онъ наградилъ тебя за твою храбрость и распорядительность.

Сказавши это, ханъ опустилъ голову и сложилъ на животѣ руки; никто не принялъ бы его теперь за владѣтельнаго правителя, вся фигура его выражала страхъ и покорность.

Михаилъ Дмитріевичъ улыбнулся и граціозно отдалъ ему честь, какъ бы посмѣиваясь надъ великодушіемъ и неумѣстной рѣчью сверженного хана.

Цѣлая вереница арбъ потянулась по кокандской дорогѣ.

Конвоемъ этого огромнаго транспорта можно было считать только 32 казаковъ, изъ которыхъ Скобелевъ поставилъ въ хвостѣ колонны четырехъ, а остальныхъ послалъ вмѣстѣ съ полковникомъ Вейнбергомъ на 200 шаговъ впередъ.

— Вы, полковникъ, въ случаѣ нападенія не бросайтесь, а смотрите на меня, говорилъ Михаилъ Дмитріевичъ, а я со своими казаками не допущу до внезапнаго нападенія.

— Вы же ребята, обратился онъ къ казакамъ, идите тише, даромъ пуль не теряйте, тогда кокандцы увидятъ, что мы не трусы.

Съ удивительнымъ хладнокровіемъ распоряжался Михаилъ Дмитріевичъ и можно было думать, что онъ разставлялъ по крайней мѣрѣ цѣлый большой отрядъ, а не тридцать два казака.

Это хладнокровіе въ моментъ дѣйствительной опасности такъ и передавалось отъ начальника къ подчиненнымъ — всѣ какъ бы забыли, что малѣйшій натискъ, скопищъ бунтовщиковъ и всѣ они несомнѣнно погибли

бы, но хладнокровіе, съ которымъ каждый дѣлалъ свое дѣло, увѣренность въ самомъ себѣ, надежда на умъ и распорядительность начальника, придало этой горсточкѣ русскихъ, составлявшей каплю противъ несмѣтныхъ шаекъ отважнаго Автобачи, такую силу и такое значеніе, что самъ коноводъ кипчаковъ не рѣшился атаковать смѣлаго полковника и его казаковъ.

На ханскихъ же слугъ и сарбазовъ, оставшихся вѣрными своему повелителю нельзя было возлагать никакой надежды, и даже самъ ханъ не довѣрялъ имъ, зная, что малѣйшая неудача — и въ числѣ его приверженцевъ не останется ни одного человѣка.

Такимъ образомъ, отступало преданное хану войско, во главѣ со своимъ злополучнымъ повелителемъ, имѣя въ тылу вѣрную защиту въ видѣ тридцати двухъ казаковъ и трехъ офицеровъ. Когда при выходѣ изъ цѣпи кишлаковъ колонна вышла въ степь и уже наблюдение стало значительно возможнымъ, случилось одно происшествіе, о которомъ я непременно хочу упомянуть.

Одна изъ арбъ Скобелева завязла въ сыпучемъ пескѣ, какъ ни старался арбакешъ, какъ ни стегалъ свою несчастную алача¹⁾ арба не трогалась. Арба отбилась и отстала далеко отъ арьергарда. Крики о помощи несчастнаго арбакеша обратили вниманіе Скобелева.

— Что на арбѣ, спросилъ своего деньщика Михаилъ Дмитріевичъ.

¹⁾ Лошадь.

— Патроны, да деньги ваше-скородіе, отъѣтилъ бравый черномазый казакъ съ хитрыми бѣгающими глазами.

— Патроны? нѣтъ жаль кокандцамъ оставлять такую драгоценность въ военное время, — сказалъ Скобелевъ.

— Иванкинъ, обратился онъ къ деньщику, привези ящикъ съ патронами.

Не успѣлъ еще окончить свою фразу онъ, какъ Иванкинъ, пригнувшись къ лукѣ, подымая клубы пыли несся къ арбѣ, схватилъ ящикъ и скакалъ уже обратно.

Вмѣсто патроновъ, въ ящикѣ оказались мелкія серебрянныя деньги.

— Патр-р-роны давай, а не эту дрянъ! закричалъ Скобелевъ.

Иванкинъ бросился назадъ къ арбѣ, но мы видѣли, какъ въ то-же время къ арбѣ скакали съ шашками наголо кокандцы.

Пропалъ! мелькнуло въ головѣ каждаго.

Вотъ Иванкинъ около арбы, цѣлая толпа кокандцевъ кольцомъ спѣшатъ окружить его. Визгъ, гиканье слышатся оттуда, пыль, поднявшаяся изъ-подъ копытъ лошадей скрыла все и Иванкина, и арбу, и толпу всадниковъ.

— Пропалъ! проговорилъ Михаилъ Дмитріевичъ и махнулъ рукою.

Въ это же мгновенье изъ столба пыли вырвался скачущій обратно Иванкинъ, поперекъ сѣдла лежалъ ящикъ съ патронами, а торжествующій казакъ несся во весь опоръ, грозя кулакомъ въ ту сторону, гдѣ около арбы суетились кокандцы, расправляясь съ ар-

бакешемъ, который и былъ изрубленъ ими за службу гяурамъ.

Съ громкимъ гиканьемъ и стрѣльбою бросились кокандцы на конницу Худояръ-хана, желая врѣзаться въ средину ея.

Привычнымъ глазомъ Скобелевъ опредѣлилъ силу неприятеля въ 1000 коней. Гибель ханской кавалеріи была неизбѣжна.

Бывшій во главѣ ея кокандскій посланникъ Мирза-Хакимъ такъ испугался этой атаки, что со страху упалъ съ лошади и безпомощно легъ на землю, призывая пророка принять его душу.

Подоспѣвшіе джигиты со страху были приняты несчастнымъ сановникомъ за воиновъ Автобачи и онъ сталъ умолять ихъ о пощадѣ. Но они успокоили его, посадили на лошадь и отвели въ безопасное мѣсто.

Между тѣмъ Скобелевъ готовился нанести рѣшительный ударъ противнику.

— Ну, ребята, сказалъ онъ, управится каждый изъ васъ съ тридцатью. Коли управится, то наша взяла.

— Хоть съ сотнею этакой-то сволочи! отвѣчали казаки.

Развернувшись лавой во главѣ съ лихимъ начальникомъ, бросились мы на кокандцевъ.

Не выдержали дружнаго напора барантаци и показали тылъ — рубить ихъ даже не пришлось, а послали мы имъ въ догонку нѣсколько мѣткихъ выстрѣловъ, свалившихъ десятка два наѣздниковъ.

На другой день къ вечеру отрядъ добрался до Ходжента, гдѣ насъ встрѣтила 6-я сотня Сибирскаго

полка и баталіонъ пѣхоты съ дивизиономъ артиллеріи, высланные изъ города.

Извѣстіе о приближеніи Худояръ-хана къ Ходженту было получено въ Ташкентѣ 28-го іюля 1875 года и всполошило весь военный миръ, начались приготовленія къ походу, нижніе чины, предназначавшіеся къ увольненію въ запасъ, были оставлены на службѣ, а 7 августа въ ночь, по тревогѣ отрядъ подъ командою генерала Головачева, выступилъ въ кокандскій походъ.¹⁾

ХІІ.

5-го августа состоялся выѣздъ Худояръ-хана изъ Ходжента.

Рано утромъ сотня казаковъ выстроилась у моста черезъ рѣку Сыръ-Дарью въ ожиданіи хана; утро было тихое, ясное; чуть замѣтный вѣтерокъ вѣялъ отъ рѣки, принося съ собою пріятную свѣжесть. Ханскіе джигиты на прекрасныхъ лошадяхъ сновали по всему городу, оживленіе царило всеобщее.

Разноцвѣтные халаты всадниковъ были забраны въ желтые вышитые узорами чамбары и красиво переливались яркими цвѣтами, представляя собою необыкновенно красивую пестроту.

На головахъ ихъ были одѣты мѣховыя шапки, покрытыя коричневымъ и другихъ цвѣтовъ сукномъ.

Вооруженіе джигитовъ состояло изъ шашекъ, длинныхъ пикъ, выкрашенныхъ въ разныя цвѣта и изъ ру-

¹⁾ 2-й Туркестан. стрѣлков. баталіонъ 1-й казачій Сибирскій полкъ и конная батарея Абрампадьскаго.

жей всевозможныхъ системъ. Тутъ были и примитивныя фитильныя, наши старыя кремневки и ударныя пистолеты, револьверы Лефаше и Кольта, а также попадались иногда и заряжающіеся съ казны.

Вся эта пестрая толпа представляла собою эффектную картину. Среди джигитовъ не замѣчалось лицъ старше 30 лѣтъ, всѣ они были довольно большого роста, крѣпкаго сложенія, были ловки и красивы и прекрасно управляли кровными скакунами, рвавшимися изъ подъ сѣделъ, нетерпѣливо грызя мѣдныя удила.

Совсѣмъ другой видъ имѣла пѣхота. Одѣты были сарбазы въ красныя куртки, нѣкоторые выглядывали совершенно юношами, а другіе были съ совершенно сѣдыми бородами. Вооруженіе было, какъ и у джигитовъ также весьма разнообразное. Сарбазы конвоировали ханскій обозъ, а также и гаремъ, слѣдовавшій на 15 арбахъ только съ женами хана.

Арбы эти были завѣшаны коврами и палацами, а переднее и заднее отверстія задернуты занавѣсками. Впереди этой вереницы арбъ ѣхала маленькая двухколесная телѣжка съ синимъ верхомъ и стеклянными оконцами по бокамъ и сзади. Эту коляску подарилъ Худояръ-хану правитель Кашгара Якубъ-бекъ. Въ этой коляскѣ ханъ совершалъ большую часть своихъ путешествій, хотя многіе изъ коренныхъ кокандскихъ жителей, на мои распросы, увѣряли меня, что ханъ только ѣздилъ верхомъ.

Наконецъ показался и самъ ханъ, окруженный большою свитою. Подъ нимъ былъ прекрасный саврасый аргамакъ въ богато убранномъ сѣдлѣ; узда, на-

грудникъ были унизаны бирюзою и кораллами въ золотой оправѣ.

Ханъ грустный сидѣлъ въ сѣдлѣ, отвѣчая прижиманіемъ руки къ сердцу и поклономъ головы на отдаваемую ему честь. Не весело было на душѣ у него, цѣлая вереница воспоминаній проносилась передъ нимъ, но громкая, веселая пѣсня пѣхоты „Гремитъ слава трубой, какъ дрались мы за Дарьей“ — разбудила будто хана; онъ ударилъ своего аргамака нагайкой и рысью поѣхалъ туда, откуда слышалась солдатская пѣсня.

Рота пѣхоты осталась въ Мурзарабадѣ, а сотня съ ханомъ выступила на вторую станцію Джамбулькъ, куда пройдя 50 верстъ, безъ остановокъ прибыла до заката солнца.

Почесть, оказываемая русскими хану, дружеское отношеніе къ нему начальствующихъ лицъ отрядно дѣйствовали на угнетенное самочувствіе Худояра и онъ повеселѣлъ, сдѣлался разговорчивѣе и велъ бесѣду даже съ простыми казаками, изъ которыхъ многіе говорили по сартовски. Онъ выражалъ крайнее удивленіе выносливости русскихъ солдатъ, когда самъ ужасно страдалъ отъ жары, жажды и большихъ переходовъ, между тѣмъ какъ казаки весело пѣли и шутили между собою.

Чай заготовлялся для хана въ высшей степени оригинально. Два конные джигита везли по большому самовару съ душкою надъ трубою и на ходу подкладывая въ него жаръ неслись впередъ, гдѣ выбирали мѣсто въ тѣни и разстилали коверъ. Когда ханъ

приближался, то чай былъ уже готовъ и чаепитіе не задерживало отряда.

Такъ мы всю дорогу и пользовались любезностью хана и пили освѣжающій напитокъ.

Не доходя двухъ верстъ, до сартовскаго селенія Псакентъ, ханъ и его гаремъ остановился въ караванъ-сараѣ, а казаки заняли посты.

Я спалъ, когда меня разбудилъ казакъ съ приказаніемъ сѣдлать лошадей сейчасъ-же, и отправиться къ командиру сотни, который мнѣ объяснилъ, что шайки кокандцевъ ворвались въ Кураминскій уѣздъ. Мы пошли предупредить хана.

Худояръ спалъ, когда его слуга постучалъ въ дверь.

— Что такое случилось? испуганно спросилъ ханъ.

Ему перевели.

Не прошло минуты, какъ ханъ вышелъ на дворъ безъ чалмы съ сильно взволнованнымъ лицомъ и приказалъ скорѣе собираться. Съ этимъ приказаніемъ въ караванъ-сараѣ поднялась страшная сумятица.

Визгъ и крики женъ хана наполнили воздухъ и онѣ безъ покрывалъ, скрывавшихъ ихъ миловидныя лица, метались изъ стороны въ сторону, бросаясь къ казакамъ, которые съ любопытствомъ разсматривали этихъ розъ гарема и было на что полюбоваться: большинство изъ нихъ были настоящія красавицы.

Случай былъ кстати, такъ какъ не смотря на сильное любопытство русскихъ ихъ тщательно скрывали.

Черезъ полчаса водворился порядокъ и обозъ потянулся съ ночлега. Подходя къ Той-Тюбе, нашъ отрядъ былъ встрѣченъ генераломъ Головачевымъ, ѣхавшимъ

съ небольшимъ отрядомъ казаковъ 1-го Сибирскаго казачьяго полка. Головачевъ очень почтительно отнесся къ хану, выразилъ соболѣзнованіе его положенію и прибавилъ, что русскіе не оставятъ безъ наказанія виновниковъ вспыхнувшаго возстанія. Попрощавшись съ ханомъ, генералъ поѣхалъ дальше.

Вслѣдъ затѣмъ ханскій поѣздъ встрѣтилъ 1-й Сибирскій казачій полкъ съ дивизиономъ оренбургской казачьей артиллеріи, а потомъ, у переправы черезъ рѣку Чиръ-Чикъ, попались и двѣ роты пѣхоты.

Хотя для хана опасность миновала, онъ уже былъ подъ самымъ Ташкентомъ, но прибытіе пѣхоты было очень кстати. Казаки были сильно измучены тяжелыми переходами и имъ нуженъ былъ отдыхъ тѣмъ болѣе, что впереди предстоялъ цѣлый походъ.

Однако ханъ былъ очень опечаленъ разставаніемъ съ казаками; онъ говорилъ, что привыкъ къ нимъ, а пѣхоты еще не знаетъ.

Дружески простился Худояръ съ казаками, пожалъ офицерамъ руки и со слезами на глазахъ покинулъ сотню.

На другой день ханъ прибылъ въ Ташкентъ; черезъ недѣлю поѣздъ его потянулся къ Оренбургу, гдѣ было назначено мѣсто постоянного жительства Худояра.

Грустно было покидать бывшему хану свою родину, но и нельзя было не подчиняться волѣ великаго русскаго Государя.

— Больше я и не видѣлъ Худояръ-хана кончилъ рассказчикъ.

Съ этого переселенія угасъ царскій родъ въ Кокандѣ, такъ какъ возставшій противъ отца ханъ Насръ-Эддинъ — былъ повѣшенъ генераломъ Головачевымъ.

Видя, что царская власть прекратилась, Автобачи посадилъ на престолѣ самозваннаго хана, Пулатъ-бека. Этотъ новый правитель былъ еще совершенный юноша, безъ признака растительности на лицѣ. Поддерживаемый Автобачіемъ, онъ провозгласилъ себя кокандскимъ ханомъ и сталъ во главѣ кипчакскихъ скопищъ.

За свою красоту и гордую осанку, Пулатъ-бекъ пользовался любовью кокандцевъ и вполнѣ оправдалъ ихъ довѣріе. Онъ былъ весьма лихимъ батыремъ и во всемъ бралъ примѣръ съ Автобачи, храбрость котораго поражала и нашихъ полководцевъ.

24-го января 1876 года Автобачи принужденъ былъ послѣ отчаянной защиты сдаться генералу Скобелеву и, награжденный русскими за храбрость, былъ сосланъ въ Екатеринославль, гдѣ и умеръ.

Пулатъ-бекъ же, захваченный четыремя днями позднѣе летучимъ отрядомъ въ горномъ селеніи Учъ-Курганъ былъ повѣшенъ на базарной площади въ г. Маргеланѣ при огромномъ стеченіи народа.

Такимъ образомъ грозныя имена владѣтелей Коканда и кипчаковъ угасли навсегда и вмѣсто ихъ засіяло въ Азіи одно имя великаго Царя русскаго народа.

К О Н Е Ц Ъ .

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются

сочиненія Б. Л. ТАГЪЕВА (Рустамъ Бека).

НА ВОСТОКЪ.

Очерки и рассказы изъ жизни на далекихъ окраинахъ Азии.
Цѣна 1 руб. Складъ изданія Варшава, Медовая 20, Губерн-
ская Типографія.

РУССКІЕ НАДЪ ИНДІЕЙ.

Очеркъ боевой жизни на Памирѣ съ 22 иллюстраціями. Цѣна
2 руб. Складъ изданія магазинъ „Новаго Времени“, СПб. Нев-
скій проспектъ.

КРАСАВИЦА ФАТИМА.

Повѣсть изъ туркестанской жизни. Цѣна 60 коп. Складъ из-
данія СПб. Фонтанка 95. Типографія В. С. Балашева и К^о.

ГЕРОИ АФГАНИСТАНА.

Изъ афганской жизни. Цѣна 75 коп. Складъ изданія СПб.
Колокольная 14. Изд. В. Березовскаго.

Готовятся къ печати новыя книги

Б. Л. ТАГЪЕВА (Рустамъ Бека).

ПОДВИГИ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ НА ПАМИРЪ.

Къ десятилѣтію Памирскаго похода 1902 года.

НАШИ СОСѢДИ АФГАНЦЫ.
